

Л. В. Скворцов

ИСТОРИЯ и АНТИ- ИСТОРИЯ

К критике
методологии
буржуазной
философии
истории

Политиздат

Л. В. Скворцов
**ИСТОРИЯ
И АНТИИСТОРИЯ**

Л. В. Скворцов

ИСТОРИЯ

МОСКВА 1976

И АНТИ- ИСТОРИЯ

К критике
методологии
буржуазной
философии
истории

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ПОЛИТИЧЕСКОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ

5

1ФБ

С42

С $\frac{10506-218}{079(02)-76}$ 161—77

© ПОЛИТИЗДАТ, 1976 г.

О методологии истории как науки

История как наука охватывает различные аспекты общественной жизни. Она может включать в себя и описание внешних факторов и условий исторического процесса, воздействующих так или иначе на события, происходящие в жизни общества. Рамки исторических исследований могут казаться безграничными, если понимать историю в этом широком смысле слова. Вместе с тем в более узком смысле история как наука неизбежно фиксирует фокус своих исследований на деятельности людей, на общественных отношениях, их природе, эволюции, изменениях и тех событиях, которые обусловили эти изменения либо явились их следствием.

Длительное время и собственно исторические описания и различные варианты домарксистской философии в интерпретации истории исходили из некоторых фундаментальных представлений без предварительного их гносеологического анализа. К их числу относятся факт истории, причинная связь, изменение, историческая перспектива и т. д.

Характерно, что история как дисциплина заимствует эти представления из других наук либо из обыденного сознания, не подвергая их предварительному анализу.

Да и нужен ли был вообще такой анализ, если историк ставил перед собой ограниченную задачу воспроизведения событий? Методологическая проблема историка как летописца — это добросовестность, точность, всесторонность в фиксации событий. Для последующих историков, опирающихся на авторитет свидетельств, проблема, в сущности, остается прежней — сопоставление различных свидетельств, если они имеются, проверка того, насколько точно переданы события.

Методологический аспект истории как науки обретает новые оттенки и новый смысл, когда осуществляется *отбор* фактов, а вместе с тем возникают попытки выработать некоторые общие представления об истории в целом, а не только о тех или иных отдельных событиях. Здесь как бы происходит скачок от отдельных фактов к идее истории вообще.

Идея истории обычно «выводилась» из ее определенного отрезка, получая, таким образом, своеобразную универсальную форму. Общая концепция истории дает ответ на вопросы о том, какова сущность истории, как движется история — в монотонном ли круговороте или поднимаясь со ступени на ступень? Что лежит в основе различных образов жизни народов? Имеется ли общий смысл истории или же такового нет? На эти вопросы давались различные, а то и исключаящие

друг друга ответы. В зависимости от характера ответа нередко формировался и категориальный аппарат философии истории. Это обстоятельство выдвигало проблему объективности философии истории.

Проблема эта в специфически историческом ее преломлении все более широко обсуждается в конце XIX и в XX веках в силу целого ряда причин, в том числе и социально-политического порядка. Возникли и определенные теоретические предпосылки для ее углубленного изучения. Историческая наука подошла в своем развитии к такому фазису, когда накопление эмпирического материала и его описание грозили превратиться в сверхзадачу. С другой стороны, многочисленные общие концепции, претендовавшие на окончательное упорядочение исторической эмпирии, обнаружили свою ограниченность в качестве теории истории.

Проблема объективной интерпретации истории тем самым выходила за рамки проблемы искажения исторических фактов, вольного или невольного субъективизма. Она становилась проблемой выработки действительно научной теории истории, опирающейся на проверенные исходные предпосылки. В этом пункте и происходит кардинальное размежевание между материалистическим пониманием истории, с одной стороны, и многочисленными буржуазными концепциями философии истории — с другой.

Материалистическое понимание истории исходит из предпосылки, что категории исторической науки должны быть выведены не

из отдельных вырванных из действительных общественных связей эмпирических фактов, не из идеи истории вообще, а из объективных общественных отношений и зависимостей в их движении, развитии. Этот научный вывод в его применении к изучению конкретных этапов исторического развития дал огромный положительный результат. Он позволил начать изучение объективных законов общественного развития, выработать реальные критерии выделения основных этапов исторического движения. Этот подход вместе с тем буквально перевернул прежние представления спекулятивной философии истории и вскрыл ограниченность плоского эмпиризма.

Методологический лейтмотив научной интерпретации истории — это обращение к фактам истории в их совокупности, в их объективных связях, установление объективной закономерности, определяющей характер этих связей.

Буржуазная философия истории, поскольку она не поднялась и не смогла подняться до качественно нового этапа в развитии исторической мысли, оказалась во власти догматических и релятивистских доктрин.

Лейтмотив релятивизма и догматизма в истории — это обращение либо к отдельному факту, вырванному из системы объективных связей, либо аранжировка эмпирических фактов в соответствии с априорными установками той или иной спекулятивной исторической схемы.

Вопрос о возможности объективной интерпретации истории в XX веке обретает специ-

фическое преломление в буржуазных концепциях философии истории.

Специфика этого преломления определяется значительным ускорением темпов общественного развития, коренной ломкой тех оснований, которые казались незыблемыми, присущими истории «от века», составляющими ее действительную сущность. Происходила ломка и тех представлений буржуазной философской и исторической мысли, которые возводили в ранг атрибутов истории те или иные идеализированные и универсализированные черты буржуазного общества. Этим чертам буржуазная общественная мысль искала и находила свои аналоги на предшествующих фазах исторического развития.

В XX веке мы сталкиваемся с активным культивированием догматизма в различных его формах. Буржуазная мысль, утверждая определяющую роль традиций в истолковании исторического движения, обретает сугубо консервативный характер, чуждый революционной диалектике, признанию необходимости в самой теории познания определять пути научного постижения возникновения и развития качественно новых исторических явлений. Само толкование и понимание истории шаг за шагом утрачивало методологические основы историзма. Догматизм как бы получал свою санкцию от самой истории, взятой в ее обобщенном виде.

Разложение догматизма в его конкретных формах служит почвой для произрастания, а вместе с тем и оправдания различных форм релятивизма, обретающих в новейшее время

характер так называемого *презентизма*. Специфическая черта презентизма — это не только признание релятивности, относительности различных толкований истории, но и прямое оправдание субъективизма исторических исследований, их служебной роли по отношению к тем или иным интересам современного момента. С точки зрения презентизма любая концепция истории верна, если она «работает», служит достижению тех или иных сиюминутных интересов, интересов современной ситуации.

Обнаруживаются и определенные точки соприкосновения, соединения догматизма и релятивизма. Сам релятивизм возводился в догму, а вместе с тем он оправдывает те догмы, которые полагаются «целесообразными».

Возникновение и развитие социалистического общества, ломка сложившихся общественных укладов, глубокие социальные сдвиги, изменение центров общественно-политического влияния, формирование качественно новых, казавшихся неожиданными, тенденций исторического развития — все это оказывает глубокое воздействие на философско-историческую мысль.

Историческая мысль, пытавшаяся исходить из неких сложившихся представлений, устоявшихся канонов, не поспевала за ходом событий. Эти события в их движении и переплетении представлялись иррациональными. Империализм, казалось бы упрочивший в начале XX века свое влияние, обнаружил глубокие противоречия. Политическая обстанов-

ка утратила кажущуюся стабильность. Эта психологическая атмосфера, влиявшая на осмысление исторических событий, была значительно усугублена первой мировой войной.

Неопределенность ее исхода, огромные, не оправдываемые разумом человеческие жертвы — все это как бы подтверждало иррациональность, шаткость оснований общественной жизни и «природы» человека. В этой ситуации усиление влияния «динамической» философии Ф. Ницше, идей «творческой эволюции» А. Бергсона не представляется явлением случайным: они кажутся пророками, предвосхищающими тенденции общественной жизни. В философию истории вплетается все более широкая струя «иррациональной диалектики», оказывающая воздействие не только на интерпретацию современности, но и всего исторического прошлого. Наблюдаются попытки переосмыслить категориальный аппарат истории как науки, строятся новые глобальные схемы развития мировых цивилизаций.

Исторический опыт XX столетия все более наглядно доказывает правоту марксистско-ленинской теории, научно предвосхитившей главные тенденции всемирно-исторического развития, неизбежность перехода человечества от капитализма к социализму. Историческая действительность как бы становилась реальным воплощением теории марксизма-ленинизма.

Осмысление сущности современной исторической действительности оказалось непосредственно связанным с правильным опре-

делением роли таких ключевых событий, как Великий Октябрь, образование мировой системы социализма, крушение колониальных империй, углубление общего кризиса капитализма, поскольку они предопределили складывание современной эпохи, ее характер. Они явились предпосылкой процесса коренных изменений в системе социально-экономических отношений современного мира. Правильное определение исторического места Великого Октября стало своеобразным критерием, на котором проверяется объективность общественной науки.

Именно в этом исходном пункте с наибольшей силой начинает действовать классовая логика буржуазной мысли, предопределяющая ее решительный разрыв с научной объективностью. Этот разрыв доходит до самых оснований методологии истории, вызывая субъективистскую трактовку не только конкретных фактов истории, их прямую фальсификацию, но и своеобразную «переинтерпретацию» детерминизма в истории, отрицание исторической необходимости, качественных социальных изменений.

Проблема детерминизма стала занимать особое место в философии истории. Буржуазная теоретическая мысль проявила здесь готовность к ассимиляции самых различных толкований причинности в истории, которые в той или иной степени, в том или ином виде противостояли научной трактовке исторического детерминизма.

Причинная обусловленность действий человека в общественной жизни не может вы-

звать сомнения. Причинные связи и зависимости каждый индивид испытывает на собственном опыте. При принятии тех или иных решений человек взвешивает и «за» и «против» предпринимаемых им сознательных действий. Тем самым он в своем сознании фиксирует и причину, которая обуславливает направленность действия и определенные его следствия. Каждый индивид включен в цепь причинно-следственных отношений, что является предпосылкой общего признания ее фактического наличия. Это признание, опирающееся на повседневный опыт, является предпосылкой «здорового смысла», без которого человек не мог бы ориентироваться в системе общественных связей и зависимостей.

Однако когда речь заходит об *истории*, то возникает многообразие точек зрения, порой исключающих друг друга.

В истории отдельный человек нередко не может оказать видимого, ощутимого воздействия на изменение характера исторической ситуации. Это обстоятельство может предопределять и характер господствующего мировосприятия, понимания места человека в истории. Целый ряд учений прошлого пытаются вывести принципы поведения человека, его пути в жизни, исходя из вечной природы универсума, как постоянного и определяющего фактора ситуации человека в истории. В буддизме, например, правильный путь человека выводится из анализа «элементов мира». Здесь еще не усматривается различия между конкретно-исторической ситуацией человека и его местом, положением в мире

вообще. Когда человек сопоставляется с окружающим его универсумом, он оказывается бесконечно малой величиной, не способной сколько-нибудь активно воздействовать на изменение глобальной окружающей действительности. Поэтому и собственная историческая активность человека выступает не имеющей истинного смысла. Этот вывод в той или иной его форме присутствует во многих философских и религиозных учениях прошлого. Каузальная деятельность человека здесь предстает неистинной, не способной дать сколько-нибудь существенный результат. Поэтому наиболее продуктивным полагаются канализация активности человека вовнутрь, его нравственная революция.

В истории приходится сталкиваться с явлением, когда иллюзии, особенно массовые, выступают в качестве детерминанты событий. История на протяжении своего многовекового развития, казалось бы, подтверждает ту истину, что облик жизни народов, весь характер их жизнедеятельности либо определяются некоторыми внешними обстоятельствами, которые нельзя преодолеть, либо прозрениями великих реформаторов, идеи которых воспринимаются массой как откровение, становятся формирующим фактором их образа жизни. Великим реформатором в истории долгое время воспринимался тот человек, идеи которого так или иначе сориентированы на изменение субъективных жизненных позиций отдельных индивидов во всей их совокупности. Великие реформации так или иначе связывались с утверждением и распростра-

нением всемирно-исторических религий — буддизма, христианства, ислама и т. д.

С точки зрения ведущих религий историческое развитие рассматривается как результат действия сил, лежащих за пределами собственно истории, но оказывающих на нее решающее воздействие.

В качестве таковых могут полагаться «высшие», «абсолютные» духовные, идеальные силы, якобы дающие истории «первотолчок» и определяющие ее конечный смысл. На этом представлении базируются выводы философии объективного идеализма.

В качестве детерминант истории философская мысль рассматривала и «внешние» по отношению к ней природные, географические факторы, такие, как климатические условия тех или иных регионов, особенности ландшафта, водных бассейнов — рек, морей, океанов и т. д. Эти факторы представлялись своеобразной первопричиной главных особенностей течения истории в тех или иных регионах.

В качестве первопричины общественных изменений полагался и сам человек, выступающий либо в роли великой личности, либо аморфной массы, которая в своем «роевом» состоянии, «броуновском движении» становится фактором исторического движения.

Вместе с ходом истории теоретическая мысль шаг за шагом осмысливает субъективную творческую деятельность в качестве коренного фактора исторического движения, изменения самой объективной ситуации чело-

века в истории. Осознание возможности изменения объективной ситуации человека происходит первоначально в виде отдельных догадок. Затем оно обретает форму цельных доктрин идеализма, соединяющего собственно субъективную деятельность человека в истории с творчеством космического универсального субъекта в той или иной форме.

Коль скоро сама история поставляла теоретической мысли богатейший материал своих *качественных* изменений, последние стали восприниматься как явление существенное, а не случайное. Вместе с тем закономерно вставал вопрос о реальных предпосылках, а стало быть, и причинах качественных сдвигов в истории.

Детерминизм, в том его понимании, которое давалось механистическим естествознанием, не мог быть применен к истории. Из этого толкования нельзя было логически вывести творческие силы субъекта, в силу чего универсум должен был вращаться в раз заданном круговороте, подчиняясь своим вечным принципам и законам.

Поэтому казалось, что перебросить мост к истории философская мысль сможет лишь в том случае, если она даст качественно новое толкование бытия, отличное от механистического.

Этот подход, получивший наиболее полное выражение в немецком идеализме, в определенном виде отображает революционные изменения эпохи перехода от феодализма к капитализму.

Теоретические дискуссии вокруг философских проблем детерминизма, несмотря на кажущийся академизм, имеют свой реальный практический смысл. Всякий реальный политик, в той или иной форме принимающий участие в формировании истории, исходит из анализа причинных связей и зависимостей общественной жизни. Без этого нельзя рассчитывать на запланированный успех политики. Другой вопрос — научность понимания и трактовки этих связей, определение и выработка целей и средств политики. Важнейшую роль здесь играют научная теория истории, ее социальный смысл.

В XX столетии буржуазная политика, как никогда ранее, придает первостепенное значение учету многочисленных, подчас мельчайших факторов, обуславливающих как принятие того или иного решения, так и его осуществление. Больше того, поскольку именно в XX веке бурно расцвели империалистические доктрины «руководства миром», то осмысление реальных социальных связей и путей воздействия на формирование событий истории становится предметом специального изучения.

В фокусе буржуазной мысли как бы естественно оказывается сложный механизм формирования «нужного», «желаемого» направления хода событий. Вместе с тем поскольку «желаемые» направления исторического развития не совпадают с его объективными тенденциями и требованиями общественного прогресса, то их интерпретация обретает характер догматически декларируемых уста-

повлений, оправдания волюнтаризма в истории.

Субъективизм современной буржуазной философии истории прямо или косвенно связан с борьбой реакционных сил не только против идей, но и против той исторической реальности, которая выражает собой главные тенденции общественного прогресса. Речь идет о том, чтобы в сложной системе спекулятивных построений создать такой угол зрения на современную историю, который обеспечивал бы ее видение через призму буржуазных ценностей и целей, а стало быть, представлял возникновение и развитие реального социализма как историческую случайность.

История выглядит как случайная связь событий, поскольку главная тенденция истории оказывается «нежелательной» для буржуазного сознания.

История дает многочисленные примеры того, как «случайные» обстоятельства оказывают решающее воздействие на ход и исход больших исторических событий. Событие в истории может сформироваться под влиянием «непредвидимых» причин. И коль скоро история рассматривается с точки зрения «желательного» как предвидимого, то она может интерпретироваться как явление, не поддающееся в принципе точному предвидению. Каждое событие является результатом сложного взаимодействия. Со всей определенностью о конкретном событии в истории можно говорить лишь тогда, когда оно уже произошло. На этом и основывается представ-

ление об истории как дисциплине, которая повествует лишь о прошлом. Но это лишь обратная сторона представления, согласно которому история в целом творится субъектом, стоящим над индивидуальными действиями людей.

И представления, согласно которым в основе истории лежит случайная связь событий, и философские постулаты о существовании особого творческого субъекта, находящегося над эмпирической историей, сами не являются случайными, а в своеобразной форме отображают уровень развития истории, процесса «конституирования» действительного субъекта истории. Стало быть, оценка истории как науки, принципов, которыми она руководствовалась для объяснения исторического движения, должна быть исторической, учитывающей реальные обстоятельства, в которых она складывалась в качестве особой теоретической дисциплины.

История как наука неизбежно запутывалась в сложном переплетении случайных и необходимых тенденций, действиях, формируемых социальными иллюзиями и адекватным пониманием исторической ситуации до тех пор, пока не был выработан объективный научный подход к их оценке, выделен тот критерий, который позволил расставить действия человека в истории в соответствии с их реальной исторической значимостью и объективным смыслом.

Выделение материальных, производственных отношений как основы общественного движения оказалось возможным лишь на оп-

ределенном этапе общественного развития, когда история предстала перед глазами исследователя как многообразная панорама событий, позволяющая вместе с тем во всем этом многообразии увидеть объективно общее. С одной стороны, общее стало очевидным в «горизонтальном» разрезе истории: хотя и в относительно разное астрономическое время, различные народы проходят те же фазы общественных отношений. Этот вывод можно было сделать, проследив историю народов в различных странах и географических регионах. С другой стороны, это общее обнаруживается и в «вертикальном» разрезе: отделившись от родового строя, первобытно-общинных отношений, история вступает в фазу, характеризующуюся господством человека над человеком, в основе которого лежат отношения экономической эксплуатации.

Принципиально важным для понимания природы исторического изменения выступает раскрытие того факта, что отношения экономической эксплуатации не являются «естественным» и «вечным» условием существования человеческого общества, а стало быть, и истории. Больше того, очевидно, что при определенных условиях сохранение отношений эксплуатации, их экономической основы влечет за собой кризис всей общественной структуры.

В буржуазной идеологии, оценивающей социализм как «случайное» историческое явление, своеобразной универсализации подвергаются отношения формаций, основанных на эксплуатации человека человеком. Идеоло-

гия, в какие бы внешние универсальные формы она ни облекалась, остается буржуазной до тех пор, пока она полагает специфически буржуазные формы общественной жизни и духовного производства в качестве выходящих за собственные пределы капиталистической формации.

В работах Маркса, Энгельса и Ленина дано теоретическое обоснование путей построения общества, исключаящего эксплуатацию и социальное угнетение. Практическая реализация этих выводов означала перевод локомотива истории на принципиально иные рельсы, когда творческую созидательную роль по строительству нового общества начинают играть народные массы. Это уже реальный исторический субъект, целенаправленные действия которого оказываются фактором сознательного формирования исторической ситуации на основе познанных объективных законов общественного развития.

Революционная практика устраняет конкретные препятствия на пути общественного прогресса, а вместе с тем создает предпосылки преодоления тех иллюзий, которые выдают эти препятствия за некое выражение всеобщего интереса.

С другой стороны, когда разрушен иллюзорный «всеобщий интерес», материализованный в формах политического господства эксплуататорского класса, открывается реальная возможность для практического утверждения качественно новых общественных отношений, на деле соответствующих действительно общим интересам трудящихся.

В учении марксизма субъект выступает не как всеобщая абстракция истории, а как его конкретная реальная сила, имеющая дело с конкретными обстоятельствами.

От направленности общественной практики зависит содержание изменений в истории. И здесь немаловажную роль играют представления людей о смысле своей собственной деятельности. Однако объективный исторический результат их деятельности отнюдь не предопределен субъективным намерением: нередко он предстает противоположным этому намерению.

На место абстрактных доктрин марксизм ставит научное понимание закона движения исторически определенного способа производства.

Вместе с тем возникают и реальные теоретические предпосылки для научного определения объективных тенденций исторического развития, а стало быть, и предвидения направленности общественного прогресса. Эта направленность теперь уже не выглядит как простое сцепление случайностей, а становится понятой как практическая реализация исторических потребностей, объективных возможностей, которые определяются исторически-конкретным уровнем развития производства и общественных отношений.

Значение вопроса об объективности интерпретации истории, разумеется, выходит за рамки анализа его непосредственного политического смысла. Гносеологический аспект этой проблемы неразрывно связан с теорией

истории, а стало быть, и выработкой научных подходов к ее интерпретации.

Фальсификация конкретных фактов истории буржуазными теоретиками не может быть до конца обнажена до тех пор, пока не раскрыты философские корни этой фальсификации, те исходные отправные теоретические, гносеологические пункты, которые обуславливают взгляд буржуазных теоретиков на современную историю.

Преодоление этого взгляда оказывается возможным лишь в результате последовательного проведения линии научного историзма в решении коренных проблем методологии истории. Научный историзм своими теоретическими корнями уходит в философскую традицию, которая обозначает разрыв с теологическим представлением, согласно которому движение истории предопределено внешней и в то же время высшей по отношению к ней целью. Обращение к истории как относительно самостоятельной сфере, развивающейся в соответствии со своими собственными законами, под воздействием реальных движущих сил, характерно уже для крупнейших историков Древней Греции и Рима. Эта линия получает развитие на путях преодоления христианской телеологической схемы истории в работах Макиавелли, Вико, Гердера и других мыслителей. Высшей точки домарксов историзм достигает в философии Гегеля.

Буржуазная философия истории, признавая значение историзма, объявляя его величайшей духовной революцией, вместе с тем интерпретировала его как «побочный про-

дукт» романтического бунта против просвещения и рационализма¹. Полагая предметом истории человеческую жизнь во всем ее многообразии, такая интерпретация историзма была нацелена на «очищение» истории от «пыли» философии, ее категорий, фиксирующих общие принципы и законы исторического движения.

Однако эта «очистительная» работа оборачивается прославлением эмпиризма как якобы неперемennого условия научности истории, с одной стороны, и подведением иррационалистической основы под трактовку истории — с другой.

Научный историзм противостоит этой тенденции, поскольку он исходит из анализа реальной исторической диалектики, объективных законов общественного развития, являющихся предпосылкой основных направлений общественной практики и духовных течений в широком смысле этого слова.

Действительной предпосылкой научного историзма является понимание той истины, что законы общественного развития являются законами исторически определенных общественных формаций. Здесь обнаруживается органическая связь теории истории с теорией общества, единым фундаментом которых оказывается исторический материализм.

Именно исторический материализм явился величайшей духовной революцией современ-

¹ См. History and Philosophy: An Introduction. In: «The Philosophy of History in our time». An Anthology. Selected and edited by Hans Meyerhoff. New York, 1959, p. 9.

ности (а не историзм в его эмпирическом и иррационалистическом толковании), ибо он, и только он, дает действительно научное понимание и ретроспективы и перспективы истории.

Проведение последовательной линии научного историзма теснейшим образом связано с разоблачением современной мифологии истории во всех ее, в том числе и самых утонченных, проявлениях.

II

Возможна ли объективная интерпретация истории?

Период буржуазных революций характеризовался идеологическими представлениями, согласно которым разрушение феодального строя откроет путь качественно новому этапу исторического развития. Вера буржуазных идеологов в торжество царства разума, принципов «естественного» общества, а вместе с тем и спокойной эволюции капитализма начинает все более колебаться по мере того, как последний обнаруживает свои глубинные внутренние экономические, социальные, политические и духовные противоречия. Утвердившийся буржуазный строй потребовал усвоения буржуазной «трезвости» и «реализма», утилитаризма и признания «естественности» социального неравенства. Потенциально в этом идеологическом повороте содержалась и определенная ностальгия по прошлому, когда сама социальная иерархия полагалась земным продолжением небесной иерархии. Она не могла не произрастать на почве признания священности и неприкосновенности частной собственности.

Поскольку принцип частной собственности объявлялся священным, он обретал некий не-исторический характер и тем самым выводился из-под ударов исторической критики. История как наука не могла не казаться социально опасной, поскольку она в своих реальных исследованиях прошлого обнаруживала или даже могла обнаружить действительно исторический, не вечный характер частной собственности.

Это обстоятельство предопределяло направленность тех исторических исследований, которые исходили из потенциальной посылки о вечности и естественности капиталистического общественного строя. Коль скоро факты реальной истории приходили в противоречие с этой посылкой, они должны были получать соответствующую переинтерпретацию в том случае, если их нельзя было игнорировать.

Буржуазная мысль обращается к критике гегелевской философии истории, поскольку последняя исходит из представления об истории как прогрессе свободы. «Схематизму» Гегеля она первоначально противопоставляет силу эмпирического факта истории. Но по мере того как фактические исследования все более полно раскрывают исторический характер частной собственности, буржуазная мысль начинает работу по развенчанию объективности и научной значимости самого факта истории.

Здесь мы сталкиваемся со своеобразным смещением центра тяжести главной идеологической дискуссии в эпоху капитализма сравнительно с эпохой феодализма. Тогда на-

ходящимися вне исторической критики считались основные догматы священного писания, поскольку они полагались духовными узами, обеспечивающими социальную стабильность и единство феодального общества. Теперь же, поскольку «закрыть» историю, как таковую, было просто невозможно, а историческая критика подорвала безусловность священного писания, необходима была такая переинтерпретация истории, которая позволяла бы сохранить в неприкосновенности основные ценности буржуазного общества, вывести их из-под возможных ударов научной исторической критики. Но для этого необходимо было вывести историю за пределы науки либо придать ей особую методологическую основу. Здесь мы сталкиваемся с весьма примечательным явлением, примечательным в своей противоречивости. История как наука отвергается во имя самой истории.

Буржуазная философия признает, что историческая жизнь есть эволюция. Вместе с тем она пытается обнаружить в истории нечто вечное, постоянное, неизменное, что проходит через историю в своем константном, сущностном выражении. История представляется метафизической сущностью, скрывающей на поверхности свою действительную основу.

Так, например, Макс Шелер исходит из тезиса: мир не имеет истории, он *есть* история. Человек, по мысли М. Шелера, обладает трансвременной сущностью, является определенной совокупностью вечных и неизменных реальных и идеальных факторов, форми-

рующих историю. В этом смысле, как полагает Шелер, древнейшие факторы, как, например, кровь, оказываются действительными факторами истории и в современных условиях.

История здесь представляется всегда «открытой» для действия совокупности постоянных факторов: специфичность исторического этапа может определяться лишь спецификой сочетания, взаимодействия этих факторов. Иными словами, человек никогда не может освободиться от самого себя, от своих скрытых импульсов, а поэтому философия истории в конечном счете упирается в метаантропологию.

Эта позиция корреспондируется с точкой зрения, вырастающей на почве христианской теологии. Теология традиционно исходит из «несовершенства» истории. Поскольку в реальной земной истории человек не может найти окончательное спасение, то, утверждают теологи, неверно было бы сводить весь мир к истории. Напротив, сама история должна истолковываться с позиций, отличных от собственно исторических. Известный католический теолог К. Ранер исходит из того, что история всегда останется областью незаконченности, двусмысленности. Поэтому в мирской истории нужно искать иную историю — историю спасения. Мирская история получит свою однозначную интерпретацию лишь с помощью «вечного суда». Мир в целом, по мысли Ранера, выходит за пределы прошлого, настоящего и будущего земной истории: как целое он не есть во времени. Соответственно

и человек, хотя он сознает свою историчность, временный характер своего существования, связан с историей свободного духа, а значит, и вечностью бога¹.

Таким образом, по видимости различные теоретические позиции смыкаются в идее неизменности, извечности некоторых фундаментальных оснований человека, определяющих действительный характер истории.

Эти позиции можно охарактеризовать как догматические, поскольку они либо абсолютизируют те или иные реальные моменты человека, возводят их в ранг творящих историю принципов, либо предлагают принять на веру существование особой природы человека, выходящей за пределы реальной его историчности. Но, пожалуй, самое главное состоит в том, что они делают «правомерной» подмену реального движения истории движением субъективного духа.

Акцент на духовном слое истории, как определяющей ее основе, принимает различную форму. В XX веке получает распространение точка зрения, согласно которой основные измерения исторической жизни определяются психологической субстанцией человека.

Вильгельм Дильтей сделал попытку определить «измерения» исторической жизни, отталкиваясь от постулатов новой «аналитической психологии». Речь шла о попытке толкования истории через посредство типов миро-

¹ См. *K. Rahner. Geist in Welt. München, Kösel-Verlag, 1957.*

воззрения, их определяющего воздействия на историю.

По мысли Дильтея, типы мировоззрения существуют рядом друг с другом, определяя склад мысли и поведения всех людей. Различия людей диктуются различием их отношения к жизни. Они отличаются друг от друга в силу внутреннего закона, который как бы приводит к их взаимному отталкиванию и концентрации в три большие группы: материалистов, сторонников субъективного идеализма, свободы личности и метафизиков, пытающихся определить божественную духовную силу универсума.

Согласно Дильтею, все эти три типа имеют основы в природе универсума и его связи с конечным воспринимающим разумом. А стало быть, они имеют равное право на существование; хотя и односторонне, они отображают какие-то аспекты универсума. Их теоретическая несовместимость — это загадка, которую не дапо разгадать человеку. Вместе с тем человек де-факто должен признать, что чистый свет истины он постигает только через различные расщепленные лучи.

И в этом смысле Дильтей особую роль отводит *историческому сознанию*, которое, по его мнению, разбивает те цепи, которые не могут разрушить ни философия, ни естественные науки.

Естественные науки, по мысли Дильтея, обращены к внешнему миру, пытаются открыть его порядок путем выявления законов, а стало быть, и общезначимой, общеобязательной истины. Однако поскольку этот

порядок выражается в понятиях, то естественные науки пуждаются в философском исследовании, тогда как философы разделены на, казалось бы, несовместимые группы.

Философия неизбежно проникает в эмпирические науки, пытаясь организовать их в более высокий порядок. Ее задача — быть наставницей человечества. За знанием, которое является общезначимым, лежат проблемы, которые имеют значение для каждого отдельного человека, — это проблемы его жизни и смерти. Ответы на эти вопросы даются лишь мировоззрением, в котором разум выражает всю сложность реальности. Но мировоззрения различны, а значит, и их истина антиномична. Вместе с тем эти антиномии, по мысли Дильтея, можно привести к некоему единству. И эту проблему решает историческое сознание.

Историческое сознание спасает единство человеческой души. В каждом мировоззрении человек может признать элемент истины, поскольку каждое мировоззрение является моментом творческой активности исторического человека. По мысли Дильтея, нельзя освободиться от старых богов и, входя в новый дом, необходимо брать их вместе с собой. Истина присутствует во всех мировоззрениях, а признав это, человек обретает как внутреннюю душевную гармонию, так и свободу. История для Дильтея выступает как средство для постижения вечной человеческой души и ее своеобразного единства с универсумом. Исторически сформировавшиеся типы мировоззрений Дильтей толкует как нечто от века

данное и вечное. А история пачинает выглядеть лишь как раскрытие измерений человеческой души в ее внутренней расщепленности и противоречивости.

Согласно Дильтею, интерпретация истории должна дать ответ на самый большой и общий философский вопрос, а именно определить направления духовной внутренней гармонии человека, смысл его жизни и пути достижения свободы. Для достижения свободы и внутренней гармонии необходимо проникнуть в суть истории. Совершенно очевидно, что суть истории, если следовать логике Дильтея, нельзя постигнуть из ее объективного анализа. История служит лишь определенным материалом, из которого производится отбор того, что может послужить предпосылкой для проникновения в скрытый смысл истории. Здесь как бы заранее предполагается, что этот скрытый смысл действительно существует, поэтому философ устремляется к истории с уже имеющимся намерением обнаружить его. Но поскольку объективные факты истории сами по себе не обнаруживают этого скрытого смысла, то и встает вопрос об их особом истолковании, об их понимании.

Факт истории оказывается понятым лишь тогда, когда он соотнесен с определенными субъективными проекциями, с духовными измерениями, с типами культуры, которые рассматриваются как историческое воплощение определенных типов мировоззрений.

Буржуазная философия шаг за шагом формирует представление, согласно которому действительная интерпретация истории воз-

можно лишь в том случае, если в качестве ее предпосылки признается наличие особой исторической души каждого народа. Своеобразием эмпирическим подкреплением этой позиции полагается наличие определенных, специфических цивилизаций с их особым государственным устройством, религией, философией, архитектурой, искусством и т. д. Утрата души народа с этой точки зрения есть вместе с тем и утрата движущих сил данной цивилизации, предпосылка ее гибели, разрушения, распада.

Действительно, исторически сложившиеся цивилизации имели свою специфику, которая определенным образом зависела и от специфики религиозного мирозерцания. На самом деле, невозможно понять своеобразие греческой скульптуры и архитектуры, если целиком отбросить воздействие мифологии, представлений греков о богах. Мировые религии оказывали воздействие и на образ жизни, поведение, обряды людей и т. д. Однако симптоматично, что буржуазная философия делает особый акцент на этой стороне исторической жизни именно в тот момент и в тот период, когда история обретает действительно всемирный характер, когда экономическая жизнь начинает дробить региональную специфику, втягивая один народ за другим в систему мировых экономических и социально-политических связей.

Ностальгия по прошлому является выражением предчувствия того, что буржуазная цивилизация начинает шаг за шагом утрачивать свою прочную основу в реальных соци-

ально-экономических тенденциях исторического развития. Единственной ее «прочной основой» оказывается миф о вечной душе цивилизации.

В буржуазной теоретической мысли происходит весьма примечательный сдвиг. Если Гегель рассматривал историческое движение в его конечной проекции на настоящее, усматривая в прошлом определенные ступени становления более развитого и конкретного целого, то теперь пытаются в прошлом обнаружить некую окончательную отгадку на загадки современной жизни. История обретает специфическое значение. Она полагается не в ее действительном поступательном движении, а как сумма вневременных, по сути дела неисторических, состояний.

И здесь буржуазная теоретическая мысль ищет подкрепление в выводах той психологии, которая представлена именами Фрейда и Юнга.

В соответствии с теорией Фрейда в человеке присутствует подавленное бессознательное в виде импульсов, идей и желаний. Это бессознательное живет в человеке, но оно не может открыто проявиться, поскольку рассматривается социальными табу и культурными нравами как зло. Иными словами, цивилизация подавляет исконные стремления и желания человека, в силу чего внутренний его мир характеризуется драматическим напряжением.

Исходные посылки психоанализа выходят далеко за пределы их собственных рамок и рассматриваются как некие общепhilософ-

ские принципы для толкования истории. Головокружительный прыжок от внутреннего мира человека к истории оставляет в стороне действительную человеческую историю, объяснение диалектики развития цивилизации. Именно это обстоятельство и сближает буржуазную философию истории с фрейдизмом. Психологизм в философии истории делает главный акцент на интроспекции, на раскрытии внутренних субъективных импульсов и оснований цивилизации, оставляя в стороне диалектику объективных общественных отношений. Как известно, и фрейдизм пошел по этому же пути в толковании исторических явлений. Наиболее показательна в этом отношении концепция Юнга.

Юнг выдвинул гипотезу коллективного бессознательного, определяющего структуру индивидуального сознания. По мысли Юнга, существует два источника человеческого опыта. С одной стороны, имеется внешний мир вещей, который человек организует в определенный порядок с помощью категорий пространства, времени и причинности (идея, взятая из кантовской философии). Наряду с этим, по мысли Юнга, существует и другой источник опыта, который находится внутри самой психики человека. Это область «коллективного бессознательного». Причем этот внутренний опыт дается каждому человеку не в виде неупорядоченного сырого материала, а организуется определенными структурами, которые Юнг назвал архетипами.

Архетипы являются своего рода образцами снов, фантазий и воображения. В мифах

эти архетипы, по мысли Юнга, выработаны наиболее ясным образом. Существуют архетипы героев, тем, явлений и настроений. Юнг в архетипах прошлого усматривает динамичную силу, действующую в настоящем.

Согласно Юнгу, в культуре, как и в личности, возникают противоположные компенсирующие силы. По мысли Юнга, обожествление Западом разума, индустриализации и технологии ведет якобы к отчуждению личности от ее внутреннего мира. В силу этого рождается обратное движение, растет интерес к спиритуализму, астрологии и восточным религиям. Таким образом, целостность и полнота культуры выражаются в интеграции разума и «живых символов», мысли и религии.

Здесь обнаруживается своеобразная экстраполяция «эклектического сознания», интегрирующего разум и религию, на всю историю. Юнг считает, что кризис современной христианской религии, особенно протестантизма, порожден не столько социальными и научными сдвигами, сколько тем обстоятельством, что ее символы были «заинтеллектуализированы», утратили свою неопределенность и поэтому стали мертвыми. Юнг видит путь формирования целостной культуры и разрешения противоречий, рожденных односторонним акцентом на интеллектуальности и индустриализации, в возрождении живых религиозных символов.

Здесь мы сталкиваемся с еще одной характерной чертой буржуазной интерпретации истории. Она обращается к историческому

опыту, пытаясь канонизировать и возвести в догму то, что исторически обнаружило свою неистинность.

Исторические религии прошлого получали широкое распространение в силу того, что так или иначе массы верили в их истинность. Так, например, вера масс в учение христианства об установлении «царства божия» определяла их поведение. В этом смысле религия играла функциональную социальную роль, дисциплинируя поведение человека, придавая ему определенную направленность. Но поскольку данная конкретная вера начинает распадаться, то буржуазная мысль полагает необходимой ее замену при сохранении некоторых фундаментальных оснований, обеспечивающих определенную направленность массового поведения. При этом, какой бы видимый радикализм ни обретала такая позиция в духовной сфере, она оказывается крайне реакционной в социально-политической области, в области действительных отношений. Этой социальной направленностью буржуазной мысли и объясняется своеобразие интерпретации всемирной истории как явления.

В ее толковании реальная история как бы расслаивается на внешнюю, эмпирическую историю со всеми ее событиями, деяниями человека в экономической, политической и культурной сферах, а с другой стороны, на психологическую подпочву, где существует некая таинственная связь определенного человека с неопределенным *нечто*, которое и является подлинной пружиной исторических

действий. Деятельность человека оказывается важной для теоретического осмысления истории лишь в том ее звене, где она получает импульс от этого неопределенного нечего, фиксируемого самым прихотливым, подчас причудливым образом в сознании человека.

Если теоретическая мысль обращается к разгадке того, что в принципе не может быть разгаданным, то она заранее обрекает себя на бессмысленное занятие. Она постоянно ставит перед собой задачу, работа над решением которой не может дать положительного результата, а тем более сформулированную, четкую, реально достижимую цель действия. Усилия людей в этом случае обрекаются на неопределенные поиски, по видимости обретающие характер постижения высшего метафизического смысла бытия, а на деле заключающие человека в объятия внутреннего самораспада. Если этот самораспад сознания и является целью, то ее достижение лишь доказывает теоретическую несостоятельность ее исходной посылки.

Человек находится перед лицом бесконечности окружающей его действительности. Но и сам он в определенном смысле является бесконечностью. Философия истории, коль скоро она исходит лишь из этих, ставших общим местом, истин, не может продвинуться вперед ни на шаг. В действительной истории человек выступает как определенный исторический человек, действующий под непосредственным влиянием конкретных обстоятельств. Лишь тогда, когда за исходную посылку принимается конкретное историческое

положение конкретного исторического человека, возникает возможность понимания реального причинного взаимодействия в истории.

Психологическая интерпретация истории есть не что иное, как *универсализация* сознания определенного типа. Кабинетный философ видит в себе универсального человека, тогда как в действительности он выступает как индивид, пропагандирующий себя в качестве универсального исторического человека. Поскольку этот подход служит предпосылкой противопоставления внутреннего мира человека реальной исторической действительности, он обретает форму отвержения *теории отражения* применительно к исторической науке. Тем самым закрывается путь научному толкованию истории вообще. «Сознание вообще,— писал В. И. Ленин,— *отражает бытие*,— это общее положение *всего* материализма. Не видеть его прямой и *неразрывной* связи с положением исторического материализма: общественное сознание *отражает общественное бытие* — невозможно»¹.

Из факта присутствия сознания в действиях индивидов идеализм пытается вывести тождество общественного сознания и бытия. Но в действительности такого тождества нет, и, коль скоро исторические изменения не совпадают с субъективными представлениями, буржуазный философ ищет источник этого несовпадения в глубинах иррациональности самого сознания.

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 18, стр. 343.

Общественная теория открывает *законы* социально-экономических изменений, показывает в главном и основном объективную логику этих изменений и их исторического развития. Так ставит проблему материалистическое понимание истории, и только в такой постановке сама историческая проблема может найти свое научное решение.

Буржуазная философия игнорирует историчность общественного бытия, его объективность, объективность общественных отношений. В силу этого она либо вырывает эмпирический факт истории из системы исторических определенных общественных отношений, давая ему тем самым неисторическую интерпретацию, либо пытается «понять» эмпирический факт истории, исходя из особой интерпретации сознания.

В действительности же факт истории может быть верно и объективно истолкован лишь тогда, когда определены исторически объективные общественные отношения, являющиеся выражением исторически определенной формации, и когда сам этот факт берется в связи с общественными отношениями, их исторической эволюцией, диалектикой их развития.

Рассматривать психологическую интерпретацию истории в качестве исчерпывающей ее объективной интерпретации означало бы впасть в иллюзию. На самом деле простое воспроизведение субъективного взгляда исторически определенного индивида на самого себя превращает объективный материал истории лишь в средство, которое призвано под-

крепить иллюзию исторической универсальности субъективного мира индивида. И здесь проблема действительного объективного детерминизма в истории перестает играть сколько-нибудь существенную роль.

Как только субъект представляет себя средоточием основных детерминант истории, а стало быть, универсальным историческим субъектом, он тотчас же оказывается вне действительных ее временных, причинных связей и зависимостей. Вместе с тем и исторические знания в этом случае могут играть лишь определенную функциональную роль, тогда как говорить о постижении действительной объективной сущности истории вообще бессмысленно.

Наиболее ярко это получает свое выражение в неокантианстве. Неокантианская критика исторического знания опирается на подчеркивание коренного отличия естественных и исторических наук. И те и другие науки, согласно неокантианству, отталкиваются от эмпирического материала, воссоздавая интеллигибельный мир. Однако типы этого воссоздания отличаются в них коренным образом. Если естественные науки имеют целью создание систематизированного комплекса законов, то исторические — неповторимой серии событий, человеческих обществ и цивилизаций. В отличие от естественных наук, историческое исследование отбирает материал в соответствии с концепцией ценности.

Современный релятивизм в своей эволюции обнаруживает противоречие с идеей уни-

версальности ценностей и тем самым ставит под сомнение правомерность исторических обобщений вообще.

Раймон Арон, например, анализируя основные тенденции релятивизма в философии истории, считает, что они определяются особенностями ее критической фазы, которая последовала за веком энциклопедистов. По мысли Арона, основная идея Ницше в интерпретации истории продолжает сохранять свое значение: воссоздание прошлого не является целью в себе; поскольку оно вдохновляется современными интересами, его цель заключена в настоящем. История — это служанка жизни, диалог между прошлым и настоящим, где настоящее берет на себя и сохраняет инициативу.

Описание прошлых цивилизаций определяется постоянным изменением основного вопроса, который мы задаем. Отбор не есть только решение — изучать или игнорировать тот или иной факт. Это также и определение пути конструирования фактов в систему, выбора концепции, аранжировки комплексов и расположения событий и периодов в определенную перспективу. Лишь в силу того, что исторические факты облачаются в формы чувственности и умственные категории, они обретают универсальный и общезначимый характер. Согласно Макс Веберу, понятие ценности эквивалентно «центру интереса». Поскольку ценности и интересы изменяются от века к веку, то каждое общество имеет свою историю и переписывает ее наново вместе с общественными изменениями.

Тенденции релятивизма в философии истории смыкаются в отрицании возможности научной теории истории. История так или иначе рассматривается через призму сегоднешнего интереса, а стало быть, допускаются, как законные, различные ее интерпретации. При этом всякая общая теория истории представляется как легенда, характерная лишь для определенного периода исторических исследований, а научность в истории оценивается как узкоспециальный подход, как знание деталей отдельных периодов или явлений истории. В свою очередь, крайность релятивизма служит предпосылкой для догматической крайности в теории истории. Они питают друг друга. Наглядно это выявилось в позициях таких американских философов, как Джон Дьюи и Артур Лавджой.

Дьюи в своей работе «Логика: теория исследования»¹ предпринял попытку дать анализ природы исторического суждения. В центре его внимания оказался вопрос об отношении суждений о прошлом к суждениям о настоящем и еще шире — вопрос о возможности истории быть наукой.

Дьюи ставит и пытается ответить на этот вопрос следующим образом. Суждения о прошлом должны обязательно опираться на материал, который существует в настоящем: это вся сумма исторических свидетельств, которые тщательно изучаются целой совокупностью дисциплин — палеографией, нумизматикой, эпиграфией, библиографией, линг-

¹ См. *J. Dewey. Logic: The Theory of Inquiry.* New York, 1938.

вистикой. Однако суждения этих наук не являются историческими в строгом смысле слова. Это суждения о предметах, которые существуют в настоящее время. Они являются историческими лишь по своей функции, поскольку служат материалом для построенных на их основе конструкций.

Отталкиваясь от факта существования исторических свидетельств в настоящем, Дьюи обходит тот факт, что эти свидетельства несут в себе объективную информацию о прошлом, а значит, суждения об этих предметах являются историческими по своему характеру. Односторонность Дьюи преследует вполне определенную цель, а именно доказать, что исторические конструкции имеют отношение к настоящему, а не к прошлому. Дьюи полагает, что исторические свидетельства являются всего лишь материалом, из которого исследователь строит здание по заранее составленному плану. Этот материал, подобно кирпичам, подгоняется к заранее составленной конструкции, которая включает в себя всякий вновь открываемый материал.

По мысли Дьюи, сама идея истории возникла тогда, когда исторические события и изменения стали соотноситься друг с другом, образуя периоды, циклы, имеющие начало и конец. Идея истории содержит в себе представление о непрерывности и направлении движения. А это означает и необходимость отбора направления движения. Отсюда всякая историческая конструкция по необходимости избирательна. Необходим и определенный принцип отбора. С позиций этого прин-

ципа осуществляются отбор и решение вопроса о том, что должно быть признано в истории, а что опущено, а также как отобранные факты должны быть расположены и упорядочены. Если, подчеркивает Дьюи, признан факт необходимости отбора как основной, то тогда следует вывод, что вся история не только пишется с точки зрения настоящего, но и с точки зрения того, что считается наиболее важным в настоящем. Написание истории, согласно Дьюи, есть пример суждения, которое является решением через посредство исследования проблематической ситуации.

Позиции Дьюи являются отображением, но не действительной истории, а той историографии, которая отказывается от научной теории общественного развития и в силу этого руководствуется при отборе и интерпретации исторических фактов либо произвольными спекулятивными конструкциями, либо односторонними рассудочными соображениями. Состояние такой историографии Дьюи возводит в принцип подхода к истории вообще. А это означает отрицание самой возможности объективной интерпретации истории. Последняя рассматривается как своего рода узаконенная иллюзия, создаваемая для определенных целей в данной ситуации и поэтому нуждающаяся в том, чтобы с изменением ситуации ее также постоянно переписывали заново.

Крайне релятивистским позициям Дьюи противостоят позиции Артура Лавджоя. Лавджой пытается найти устойчивую отправную

точку исторического исследования. В качестве лекарства от болезни релятивизма он предлагает рассматривать историю не с точки зрения меняющихся интересов ситуации, а с позиций принципов, сохраняющих постоянное значение для человека ¹.

В этой связи он подвергает критическому анализу принципы релятивизма, делая особый акцент на критике презентизма Д. Дьюи.

Лавджой считает наиболее характерными для презентизма следующие семь положений: 1) историография по необходимости избирательна, 2) отбор предполагает существование некоторого «принципа», который устанавливается самим историком, 3) отбор приводит как к отходу от фактов, так и дополнению их, 4) историография, не являющаяся «простой хроникой», не только избирательна, но и включает в себя интерпретацию, что означает видение в событии отношений и значений, которые в нем содержатся, 5) историография включена в настоящее, в силу чего отбор и интерпретация определяются мотивами и причинами, которые в данный момент воздействуют на историка, 6) эти детерминанты представляют собой ценностные суждения, 7) они существенным образом обусловлены «культурой».

Лавджой подчеркивает, что в этих положениях, по его мнению, много верного, однако они абстрактны и двусмысленны и при практическом применении приводят к отрица-

¹ См. A. O. Lovejoy. Present standpoints and past history. The Journal of Philosophy. XXXVI, 18, August, 31, 1939.

тельными последствиям в историографии. Слишком общий характер этих положений не раскрывает *конкретного* характера отбора, интерпретации, мотивов и ценностей историка, воздействия обстановки. Аналогичным образом и заинтересованность в том или ином характере и направлении исследования — крайне важная, но абстрактная категория.

По мысли Лавджоя, подлинный историк стремится как для настоящего, так и для будущего дать проверенный ответ на тот или иной исторический вопрос. Разумеется, в ходе исследования могут возникнуть идеи, которые помогают ответить на некоторые современные вопросы, но это лишь побочный продукт исторического исследования. Поэтому Лавджой считает фактически неправильным утверждение, будто бы исторические исследования с необходимостью мотивированы современными неисторическими проблемами. Особенно это относится к интеллектуальной истории, ибо по крайней мере одной из функций историографии идей является прояснение работы человеческого разума во всем его разнообразии. И если, подчеркивает Лавджой, необходимо установить нормативный критерий для отбора, то следует сказать, что он состоит не в том, что кажется важным для данного человека, а представляется важным для других. В истории философии терпели крушение именно те историки, которые рассматривали предшествующую философскую мысль как только подготовку своей точки зрения. В силу этого они неизбежно оставляли без внимания важные идеи прошлых эпох.

Неверно думать, что основные проблемы настоящего являются таковыми и для прошлого. Современный астроном, отмечает Лавджой, не может опереться в исследовании на аргументы теории неба Аристотеля, но, однако, для историка философии было бы странным обойти эту теорию.

В противовес Дьюи, Лавджой считает, что изучать историю — это значит всегда стремиться в известной мере выйти за границы сиюминутных забот. Общей и вечной проблемой историка, в особенности интеллектуального историка, является проблема человеческой природы и человеческого поведения. История, подчеркивает Лавджой, есть отрасль антропологии в широком смысле этого слова, и каждый историк на свой манер вносит вклад в стремление человечества выполнить завет пифийского бога. Его задача — проникнуть глубоко и объективно, как только можно, в изменяющееся и константное в человеческой мысли, чувствах и действиях. В этом смысле и отбор и интерпретация исторических фактов, и ценностные установки историка подчинены задаче объективного познания прошлого. Такого рода познание, по мысли Лавджоя, лучше всего служит решению проблем настоящего. Пролить свет на эти проблемы, подчеркивает Лавджой, можно лишь путем экстраполяции прошлого, но прошлого проанализированного, на будущее.

Таким образом, Лавджой критикует презептизм с его скептическим отрицанием объективности исторической науки, вставая на позиции прошлого, вживаясь во внутреннее

содержание которого он считает возможным решать и проблемы будущего. Следует вместе с тем подчеркнуть, что объективизм Лавджоя имеет своеобразный характер: он несет на себе отпечаток своего рода канонизации прошлого.

Призывая к объективности, Лавджой не выходит за рамки абстрактного ее постулирования. И это понятно: для того чтобы принцип объективности исторического исследования обрел конкретную, реальную плоть, необходима научная теория общественного развития, определяющая реальные критерии объективности подходов и оценок в историческом исследовании. Такой теории у Лавджоя нет. В силу этого он вынужден ограничиваться апелляцией к природе человека и рассматривать историю как отрасль антропологии. Это, в свою очередь, порождает тенденцию рассматривать историю как область, которая якобы подчинена неким всеобщим абстрактным идеальным человеческим ценностям. Значит, необходимо признание стоящих над историей абстрактных ценностей, с позиций которых она и должна оцениваться. Такого рода объективизм, противоположный релятивизму прагматизма, рождает, в сущности, старую проблему — проблему природы идей, которые должны существовать над вещами и до них. Теоретическая основа позиций, как они сформулированы Лавджоем, оказывается постулатом, который должен быть принят на веру при сознательном игнорировании заключений и выводов всемирной истории философии. Если внимательно про-

анализировать теоретические следствия, вытекающие из философских позиций и презентизма и объективизма, то станет очевидным, что обе эти позиции предполагают признание в качестве критерия оценки исторических фактов не их собственный объективный смысл, а находящуюся за их пределами субъективную позицию философа. Различие состоит лишь в том, что в первом случае субъективность признается как исходный пункт всякого концептуального исторического конструирования, тогда как во втором — она возводится в степень объективности, но лишь постольку, поскольку сама субъективность полагается не индивидуальной, а надындивидуальной, то есть в качестве определенной универсальной ценности.

Интерпретация истории, таким образом, оказывается обусловленной предварительным толкованием позиции, с которой рассматривается и оценивается исторический факт.

Но вопрос может быть сформулирован иначе: нельзя ли дать оценку теоретической позиции историка с точки зрения *самого исторического факта*? Ведь только в этом случае можно освободиться от вольного или невольного субъективизма.

Вроде бы здесь нет особой проблемы, поскольку факт истории сам по себе имеет объективный характер и не зависит от сознания историка. Его следует брать таким, каков он есть. Факты составляют ткань истории как науки. Они, как представляется на первый взгляд, даны непосредственно и поэтому выступают в виде суммы раз и навсегда уста-

новленных истин. Уточнение, «изменение» этих истин связано лишь с исправлением нашего субъективного восприятия истории, его неполнотой. В этом смысле нет ничего прочнее «эмпирического костяка» истории. Какие бы усилия мы сегодня ни предпринимали, нам не удастся «сдвинуть» Октавиана Августа с того места, которое он занял в истории Древнего Рима. Точно так же и события недавнего прошлого, скажем ход и итоги второй мировой войны, останутся навсегда такими, как они сложились. Факт истории, ставовясь се достоянием, обретает характер вечности, как нечто ставшее.

Однако *интерпретация* фактов в каждый новый момент времени оказывается подвижной, меняющейся вместе с движением истории. Определенную роль здесь может играть субъективная заинтересованность историка. Варианты такой субъективной интерпретации фактов истории могут быть самыми различными, и с ними приходится иметь дело постоянно. Но *субъективные мотивы* той или иной интерпретации фактов истории неизбежно оказываются на поверхности в виде одностороннего, неисторического, искаженного изображения событий и их хода. В этом случае доказательство неточности, необъективности историка является, как говорится, «делом техники»: достаточно *простого указания* на факты, противоречащие субъективной интерпретации.

Но есть и другая, более сложная сторона этой проблемы. В действительной истории факты существуют не сами по себе, как не-

кое хаотическое нагромождение беспорядочной эмпирии, а находятся в определенных объективных связях и зависимостях по отношению друг к другу. История как наука начинается с того момента, когда происходит переход от простого коллекционирования фактов истории к обнаружению и объективному истолкованию их внутренних связей и зависимостей, а стало быть, и их объективного исторического смысла. В этом случае самые простые и «элементарные» факты истории вдруг утрачивают свою первозданную простоту, хотя, взятые сами по себе, они составляют абсолютные истины истории как науки. Оказывается, что истина истории не сводится к фиксации факта, его описанию, хронологическому определению.

В том случае, когда историк пытается проникнуть в связи и зависимости истории, проследить их не только в данной, локализованной во времени и пространстве точке, а выйти за ее пределы, казалось бы, окончательно ставшая история вдруг «оживает», заново начинает свое движение, участвуя в создании не только прошлого, но и настоящего, а стало быть, и будущего.

Вместе с тем неизбежно происходит переоценка относительной простоты или сложности тех или иных фактов истории. Элементарно простые факты оказываются весьма сложными в их исторической перспективе с точки зрения их объективного исторического смысла, и наоборот. И в этом случае особенно наглядно обнаруживается недостаточность простого описания события в истории. Если,

например, дается подробное описание начала какой-либо битвы, ее хода, осуществления стратегических и тактических замыслов полководцев, действия воинских подразделений, заключительного результата битвы с подробным описанием потерь с той и другой стороны, триумфа победителей и заключений побежденных, то такое описание не вскрывает еще сущности данного факта истории. Дело в том, что его сущность определяется местом, которое занимает данное сражение в более широкой связи исторических событий. Сущность конкретного факта истории оказывается раскрытой лишь в том случае, если установлены его действительное историческое место и конкретный социальный смысл в реальных объективных связях эпохи.

Если, однако, сущность того или иного факта истории может обнаруживать себя за пределами его собственной временной локализации, в динамизме истории и ее связях, то тогда и его содержание является динамичным, изменяющимся вместе с ходом истории. Характерно в этом отношении изменение исторической роли товарного производства.

Это обстоятельство заставляет отойти от обычных представлений о критериях «простоты» фактов истории. Относительная простота факта может быть оценена лишь во всей системе его объективных исторических связей. Другими словами, неверно было бы предполагать, что сложное историческое целое воспроизводится путем простого суммирования его «элементарных» составных частей, «отдельных», «индивидуальных» фак-

тов истории. Такой методологический подход заранее разрушает объективные, внутренние связи истории, а вместе с тем и не дает возможности понять действительный объективный смысл тех или иных ее фактов, превращая их в абстракции при всей внешней конкретности их описания.

В качестве дискретного факта истории можно выделить и некоторое *составное целое*, которое также эмпирически дано историку. Если выделить это целое в его «чистом виде», тогда отдельные события будут выступать как моменты, части целого, обретая свой смысл внутри его. Отдельные события перестают быть простым нагромождением эмпирии, а получают некоторую социальную упорядоченность. История, таким образом, предстает как смена определенных порядков. Но в этом случае, разумеется, встает вопрос о *критериях* их выделения. Коль скоро этот критерий будет субъективным, то в силу многообразия эмпирии истории возможен плюрализм ее толкований.

Проблема объективности интерпретации истории возникает тогда, когда встает вопрос о том, как понимаются исторические связи, как они толкуются. Ибо, как показывает опыт, даже в том случае, когда историки признают объективность одних и тех же фактов, они могут расходиться в определении их действительного исторического смысла и значения.

И здесь оказывается, что уровень объективности толкования, интерпретации истории зависит от уровня развития исторической

теории. Именно это обстоятельство и является предпосылкой субъективистских спекуляций и презентизма и объективизма.

Презентизм полагает естественным и оправданным плюрализм исторических толкований, поскольку меется современная ситуация, а значит, и избирательность интереса в отношении истории. История может быть *«повернута»* различными своими сторонами, в зависимости от того, что мы сейчас хотим от нее получить для решения той или иной современной проблемы. Объективизм же утверждает, что есть некая вечная сумма ценностей, которая определяет идентичный угол зрения человека на историю.

Нетрудно заметить, что и в первом и во втором случае остается нерешенным вопрос об *объективности теории* как необходимой предпосылке интерпретации истории.

Воспроизведение действительных объективных связей истории во всей их сложности и многообразии становится возможным в том случае, если исследователь выделяет основные, главные изменения исторической жизни, ее «первые исторические акты», составляющие основу всякого движения общества. Разумеется, они должны быть найдены в самой исторической жизни, как ее действительная основа, а не привнесены в нее извне.

Внимание исследователей первоначально концентрируется на действиях людей, вызывающих сравнительно быстрые изменения, которые воспринимаются как исторические в узком смысле этого слова, то есть имеющие определяющее значение в данный момент для

жизни данного народа, государства в его формировании и положении в системе его отношений с другими народами и государствами. И здесь, естественно, особое значение приобретают рассмотрение и описание *специфического* характера действия с точки зрения целей субъекта, средств и результатов, поскольку именно в этом и заключается судьба того или иного народа, его восхождение по пути к славе либо поражению в данный исторический момент времени, в данной точке пространства. Именно так обстоит дело на поверхности истории, и представления исторического сознания — это отображение реальности. Анализ каждой исторической ситуации показывает возможность различных действий, из которых выбирается какое-то одно, ведущее к успеху или крушению замысла. Это обстоятельство детально анализируется уже Геродотом.

В истории человек обретает определенные степени своей свободы, в том смысле, что сама история, как правило, ставит его перед выбором того или иного решения.

Конечный выбор здесь зависит от субъекта. Следовательно, деятельность человека составляет атомарный факт истории.

Деятельность людей в ее различных формах пронизывает всю историческую ткань. И, казалось бы, коль скоро философия берет за исходное деятельность субъекта в индивидуальных исторических обстоятельствах, она стоит на действительной почве истории. Однако здесь философа поджидает совершенно неожиданный парадокс. Атомарные факты

истории оказываются неисторическими по своему характеру, поскольку они полагаются как индивидуальная деятельность субъекта вообще в индивидуальных исторических обстоятельствах вообще. Их структура является идентичной для всех этапов исторического развития. Именно этот парадокс и служит предпосылкой представления, будто теория истории выходит за пределы собственно истории.

Теория истории возможна лишь в том случае, если адекватно постигается исторический характер человеческого действия, общественной практики.

Специфическая особенность действия состоит в том, что оно является особого рода связующим элементом, переходом от одного состояния к другому. Момент действия оказывается пограничной чертой между двумя состояниями — прошлым и будущим. Действие связывает их воедино, является той точкой, где прошлое и будущее совпадают. Действие является настоящим. Поскольку действие изменило прошлое и сформировало будущее, оно само становится прошлым, но уже не как актуальное действие, а стало быть, и не действие в строгом смысле этого слова. Это значит, что «восстановление» истории означает мысленное воспроизведение действительных действий людей. В этом и состоит реальная трудность исторической науки, сохраняющей известный простор для разного рода спекулятивных интерпретаций исторического прошлого. Действие человека характеризуется той особенностью, что имеет цель,

определенные средства ее достижения и конечный результат, то есть выступает как *практика*.

Отличие практики от биологической активности заключается в ее всеобщности, универсальности. Биологическая активность — это *приспособление* к особенностям данной среды обитания и данной ситуации. Практика же включает в себя элемент целенаправленного преобразования среды. Биологическое действие может изменять среду, но не ставит такое изменение в качестве цели. Изменение выступает следствием приспособления. Практика имеет целью изменение условий существования человека. Практика превращает человека в универсальное существо, преодолевающее границы своих собственных природных возможностей.

Процесс преодоления границ природных возможностей человека при помощи самих природных средств выделяет человека из естественных связей. Овладевая ими, человек становится *над* ними. Это и есть в строгом смысле слова первый шаг истории.

Практика выступает тем элементом, который связывает историческое прошлое с историческим будущим. Вместе с тем характер практики определяет качество исторических изменений. Если практика сохраняет константность целей и средств их достижения, то исторические изменения приобретают характер циклических повторений одного и того же качественного состояния при возможных изменениях его количественных масштабов и внешних форм выражения.

Качественные изменения в общественной практике определяются изменением целей и средств деятельности человека. Не может быть движения истории, если цели и средства деятельности человека остаются неизменными. В этом случае человек оказывается обреченным на повторение одного и того же цикла жизнедеятельности, воспроизводимого в смене поколений.

В диалектической взаимосвязи целей и средств определяющую роль играет изменение характера средств деятельности человека. Средства ставят цели на реальную историческую почву. Иными словами, отлиться в реальную историческую действительность могут далеко не всякие цели человека, а лишь те, достижение которых обеспечено средствами.

В. И. Ленин в конспекте «Науки логики» Гегеля особенно выделяет мысль: «в своих орудиях человек обладает властью над внешней природой, тогда как в своих целях он скорее подчинен ей»¹. Он видит в такого рода высказываниях Гегеля зачатки исторического материализма. «Неисполнение целей (человеческой деятельности), — говорится в «Философских тетрадах», — имеет своей причиной (Grund) то, что реальность принимается за несуществующее (nichtig), что не признается ее (реальности) объективная действительность»².

Признание реальности объективной действительности в истории есть вместе с тем и

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 29, стр. 172.

² Там же, стр. 199.

необходимая предпосылка преодоления абстрактного взгляда на деятельность человека. Деятельность человека является исторической не только и не столько в ее индивидуальной неповторимости, сколько в ее обусловленности объективными обстоятельствами. И поскольку эти объективные обстоятельства оказываются общими для индивидов, они образуют исторически определенные общественные группы, классы, действующие общим, только им присущим образом. Историческая деятельность, таким образом, обретает социальный характер.

Но для того чтобы правильно понять объективный смысл социальной деятельности в истории, далеко не достаточно оставаться на уровне тех идеальных субъективных представлений, которыми руководствуются люди в истории. Для этого необходимо прежде всего понять их место в системе *общественных отношений*, а стало быть, и их реальные интересы. Только в этом случае могут быть адекватно поняты социальные цели людей в истории, а вместе с тем и может быть дана оценка их соответствия или несоответствия реальным историческим обстоятельствам, средствам достижения этих целей. Именно при таком подходе и открывается возможность постижения объективных закономерностей в самой деятельности людей, которые, казалось бы, не могут быть совмещены с субъективностью целей, их плюрализмом, многообразием и кажущимся произволом.

Коль скоро цель берется в отрыве от средств ее осуществления и объективной дей-

ствительности, то тем самым исторический субъект оказывается искусственно ограниченным царством целей. При этом утрачивается и реальный критерий отделения субъективного в целях от объективного, получающего действительную реализацию в истории.

В субъективизации философского осмысления исторической действительности заключена общая предпосылка современной буржуазной интерпретации истории как науки. Если сущность истории полагается находящейся вне ее действительных объективных измерений, то, естественно, и главные причины ее движения должны выводиться из субстанциальных основ, находящихся за ее собственными пределами. Психологическая интерпретация истории представляет ее действительное движение некой видимостью, скрывающей фундаментальную загадку души в той или иной форме. С точки зрения презентизма реальные объективные исторические связи и взаимодействия не имеют значения сравнительно с субъективной аранжировкой эмпирического материала истории, диктуемой интересами момента. Аналогичным образом ценностный подход к истории универсализирует те или иные явления истории с точки зрения их уникальности, их смысла, но, по сути дела, оставляет без внимания вопрос о их происхождении, о законах их развития.

Вместе с тем происходит отход от социально-детерминистской трактовки истории. История предстает в толковании буржуазной философии как пространственная панорама,

где явления соседствуют друг с другом, они просто даны, и задача состоит не столько в том, чтобы установить между ними генетическую связь, сколько осмыслить и оценить уникальность тех или иных явлений или обнаружить их скрытый смысл, дать расшифровку. Соответственно и время в истории выглядит либо как хронологическая таблица, как простая сетка, как координата расположения явлений и событий на полотне истории, либо как вечность вообще, на которую должны быть сориентированы эмпирические явления истории, обнаруживающие свою «неистинность». Этот взгляд как бы разрушает объективные связи и зависимости самой истории, рождает субъективистскую интерпретацию истории.

Объективная интерпретация оказывается возможной лишь в том случае, если вскрыта связь между прошлым, настоящим и будущим в истории, если она рассматривается в своих действительных социальных изменениях с точки зрения ее основных предпосылок.

К. Маркс и Ф. Энгельс выделяли три таких основных предпосылки истории: во-первых, это производство средств, необходимых для удовлетворения основных материальных потребностей, без которых невозможна жизнь человека; во-вторых, это порождение новых потребностей на основе удовлетворения первых и приобретенных орудий их удовлетворения; в-третьих, это производство людьми своей собственной жизни, продолжение рода, формы семейных отпошений. Таковы три

«момента», которые совместно существовали с самого начала истории и которые имеют силу в истории еще и теперь¹.

Для адекватного теоретического воспроизведения истории, научного понимания ее внутренних связей необходим анализ исторических форм производства, потребностей людей и форм семьи.

Характерно, что собственно теоретическое воспроизведение истории начинается отнюдь не с анализа составляющих ее фундамент фактов. Скорее, эти факты воспринимаются как нечто «пеисторическое», как данное от века. И это не случайно, поскольку сдвиги в этих фундаментальных основаниях истории происходят относительно медленно и поэтому воспринимаются сознанием как «естественные» условия исторического существования вообще.

Раскрытие *историчности* фундамента развития истории требует анализа не только общих причинных связей и зависимостей в истории, но и специфики исторического детерминизма.

¹ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные произведения в трех томах, т. 1. М., Политиздат, 1970, стр. 19—21.

Детерминизм в истории и исторический детерминизм

Субъективистская трактовка истории — явление широко распространенное. Оно существует не только в форме философских идей и концепций, но и в форме предрассудков, являющихся сколком индивидуальной ситуации человека в истории.

Как индивиды люди выступают в качестве самостоятельных центров мысли и действия. Отдельный человек может «комбинировать» элементы своей индивидуальной ситуации таким образом, чтобы получить нужный результат, обеспечить жизнь, осуществление желаний и устремлений. В этом смысле исторический мир оказывается миром атомизированным.

Из каждого центра индивидуальное сознание смотрит на мир и ждет от него либо осуществления, либо неосуществления своих желаний и устремлений. Мир предстает для индивидуального сознания и как источник надежды, и как источник опасностей. Здесь вместе с тем обнаруживается абстрактное тождество индивидов в их отношении к миру.

Поскольку индивид не может уловить всех связей, воздействующих на его судьбу, постольку она оказывается предметом *догадок*. Иными словами, индивид *ожидает*, что с ним что-то случится, однако поскольку он не может сам воздействовать на связи, определяющие и характер и направление воздействия случая, то его активность разряжается в воображении, в представлении всего диапазона возможностей, от самых «худших» до самых «лучших».

В той области жизни, где индивид может воздействовать на связи, определяющие результат деятельности, доминируют не догадки, а *расчет*, то есть относительная уверенность, что при приведении в действие неких средств будет достигнута и некая цель. Цель выступает как субъективное понимание возможности. В практике цель объективируется, становясь историческим результатом. Соотнесение первоначальной цели с полученным результатом может восприниматься различно, в зависимости от степени их совпадения. В этом смысле результат постоянно корректирует цель, являясь объективным критерием ее реалистичности или нереалистичности.

Несоответствие между целью и реальными средствами — это широкое поле для субъективного произвола мысли, почва для фантазии, а то и для сказки, приспособленной к желаниям самого человека.

В известной сказке о Золушке бедная девушка попадает во дворец и становится объектом любви принца благодаря волшебству. Но само волшебство оказывается возможным

благодаря трудолюбию и душевной красоте Золушки. Аналогичный вариант имеется и для юноши — это сказка об Иванушке-дурачке. В такого рода сказках фиксируется абстрактная возможность достижения любым человеком самых высоких целей. Но ее реализация выступает как *чудо*, поскольку реальные средства не позволяют простому труженику перепрыгнуть все барьеры, стоящие на его пути.

Характерно, что по мере возрастания социальной мобильности, а особенно в периоды глубоких революционных изменений, когда «неожиданные» с точки зрения старых критериев социальные перемещения становятся «эмпирическим фактом», сказочная форма осмысления такого рода возможностей уступает место аналитическому подходу. В XIX веке толчком для размышлений романистов на эту тему послужила, в частности, судьба Наполеона Бонапарта.

С другой стороны, жизнь человека в «высших сферах» порождает свои проблемы и желания. К их числу, как это ни парадоксально, относится и стремление вернуть утраченную «искренность», кажущуюся простоту и устойчивость естественных отношений, но, разумеется, с сохранением тех неоспоримых преимуществ, которые дают социальная иерархия и пребывание на вершине социальной пирамиды. Так возникает сентиментализм и пасторальные мечтания о некоем «сельском рае», полущутя-полусерьезно воспринимаемые феодальной аристократией перед своим социальным закатом.

Индивидуальное сознание рождает абстрактные, внешние противоположности. Антиподом негативных сторон действительности выступает мечта, представление об идеальной жизни, которое является искусственной комбинацией реальных сторон действительности, вырванных из конкретных связей. Мечтания становятся тем интенсивнее, чем значительнее концентрация жизненных трудностей. И здесь сознание человека отходит от детерминистической, реальной интерпретации связи событий, шаг за шагом переходя в область активного созерцания ирреального чудесного мира. Поскольку, однако, реальная жизнь человека возможна, когда он следует реальному детерминизму жизни, это сознание фиксирует детерминизм, хотя субъективно может воспринимать его как некий несущественный, случайный по отношению к «настоящей» жизни феномен.

Неверно было бы полагать, что такое субъективное отношение к социальному детерминизму — удел примитивного сознания. В действительности оно проникает в религиозные учения и рафинированные философские трактаты, хотя, разумеется, и обретает весьма утонченную форму. Характерны в этом отношении позиции и взгляды Н. Михайловского, одного из столпов народнической социологии.

Несовершенство исторического мира есть результат его *оценки* человеком, хотя сам по себе объективный мир безразличен к этой оценке, он есть таков, каков он есть. Однако, поскольку человек вступает в реальные отно-

шения с миром, он видит его соответствия и несоответствия *своим* интересам. В силу этого для человека мир *раздваивается*: у реального мира возникает его идеальный антипод. Идеальный антипод не является слепком реального мира. Вместе с тем, поскольку он становится частью сознания человека, он может выступать в роли *мотива* действия. Тем самым идеальный антипод возвращается к реальности через деятельность человека.

Здесь детерминизм человеческого действия проявляет и свою сложность, и внутреннюю противоречивость. Поскольку человек пассивно подчиняется сложившимся природным и социальным связям, он просто воспроизводит их. Они не меняют своего качественного характера, а лишь расширяют или сужают пространство своего действия в зависимости от массы индивидов, включенных в эти связи. Коль скоро человек меняет сложившиеся природные и социальные связи, он выходит за пределы окружающей его действительности, и этот выход мотивирован в том числе и импульсом его сознания.

В анализе структуры социального детерминизма проблема идеального антипода традиционно занимает особое место. Формула философов, утверждавших, что идеи правят миром, отображает, казалось бы, очевидную для всех природу социальных изменений. Однако на поверхности лежащая действительность выражает реальный механизм социального изменения в *перевернутом* виде.

Субъективный взгляд рассматривает историю через призму сознания индивида или

коллективного сознания в той или иной форме. Собственно историческим здесь оказывается лишь то, что является *результатом* осуществления цели, замысла, плана, идеала, образца, зафиксированного в сознании. Цели и ценности — особая сфера, традиционно относившаяся к творческому духу, движение которого можно постигнуть лишь в его результатах, а не в видимых причинах и общих законах. В этом представлении заложены два теоретических момента: признание особых, скрытых основ истории, а также необходимости особой методологии истории, качественно отличной от методов естествознания и социологии.

Коль скоро теоретическая мысль исходит из предпосылки существования *скрытых основ* истории, заключенных в субъекте, то логичным представляется и предположение о необходимости *особой* методологии истории, позволяющей достигнуть ее *понимания*, ибо детерминистическое *объяснение* кажется в данном случае «ограниченным» и «поверхностным». Специфика истории, таким образом, полагается обусловленной проникновением в субъективные намерения, переживания, устремления людей, формирующих в соответствии с ними исторические типы культур, поведения и т. д. История предстает тождественной истории духа, однако существующей постольку, поскольку имеется воспроизводящий ее субъект¹.

¹ См. R. Aron. Introduction á la philosophie de l'histoire. Essai sur les limites de l'objectivité historique. P. Gallimard, 1948.

Поскольку движение духа, составляющего суть истории, полагается свободным или спонтанным, то и детерминизм представляется имеющим ограниченное значение для истории: сфера детерминизма — это сфера социологии, исследующей реальные факторы, определяющие характер социальных явлений, и естествознания, изучающего общие и вечные законы природы.

Однако такая постановка исторической проблемы обпаруживает свою искусственность. Социология изучает факторы *движения* общества, а стало быть, она не может быть отделена от истории. С попытками применения принципов социологии к объяснению истории связано и признание продуктивности принципа детерминизма для исторических исследований.

Буржуазная социальная мысль выделяет «реальные факторы» общественной жизни — природные, технические, экономические и т. д.; наряду с ними выделяются и «идеальные факторы» — ценностные установки, социальные идеалы, религиозные и философские взгляды, идеальные силы вообще, обуславливающие телеологическую направленность истории.

Однако принцип детерминизма толковался буржуазной мыслью крайне односторонне. Причины изображались как фундаментальные силы, идентичные и для истории, и для природы. Тем самым создается предпосылка для того, чтобы сводить историческую закономерность к природной, переносить действие законов природы на историю. Такой под-

ход к проблеме детерминизма в истории является в теоретическом отношении совершенно очевидным шагом назад, очевидным постольку, поскольку общественная наука обнаруживает специфические социальные законы, не сводимые к законам природы. Это законы, относящиеся к деятельности человека, определяющие характер складывающихся помимо воли и сознания людей общественных отношений.

С другой стороны, коль скоро историческое движение рассматривается через призму «идеальных факторов», то теоретическим результатом такого рассмотрения оказывается простое воспроизведение духовного слоя истории, выдаваемого за ее сущность, первооснову. В этом случае за «истину» истории могут выдаваться разного рода иллюзии, а в методологию исторического исследования широким потоком врывается субъективизм.

Разумеется, возможно и эклектическое сочетание в методологии истории «природного» и «идеального» элементов, которые просто фиксируются как рядоположные факторы, обуславливающие историческое движение¹.

В силу многогранности и действительного многообразия факторов, воздействующих на ход событий в истории, принципиальное значение имеет теоретическое различие между *общей совокупностью причин в истории* и *собственно историческим детерминизмом*.

¹ См., например: W. J. Durant, A. Durant. The Story of civilization, vol. 1—10, N.-Y., 1935—1967.

В природе отдельные ее явления вступают во взаимодействие, обуславливающее направленность естественного процесса. Историческая практика человека позволяет *придавать* определенную направленность взаимодействию отдельных явлений. Но это воздействие становится реальным и продуктивным лишь в том случае, если человек приводит во взаимодействие реальные факторы, постигая их природу и зависимости. Иными словами, человек тем более свободен в достижении своих целей, чем глубже он проникает в механизм реального взаимодействия реальных факторов и чем эффективнее он использует себя и свою деятельность в качестве фактора этого взаимодействия.

И здесь обнаруживается, что то, чем человек представляет себя в своем сознании, далеко не всегда совпадает с тем, чем он является в объективном историческом значении. При этом субъективные иллюзии подчас подкрепляются окружающей социальной действительностью, и их действительный смысл как иллюзий обнаруживается в качественно иных социальных условиях. Таковы, например, представления об особых свойствах крови королевских фамилий, да и многие другие. Это относится в не меньшей степени и к социальным иллюзиям, к представлениям широких масс.

Идеологические, религиозные и иные представления «сопровождают» действия людей в истории, по все же первостепенное значение для формирования истории имеет объективное содержание самих действий.

Объективное содержание действий человека в истории требует диалектического рассмотрения.

Как показывает исторический опыт, человек в качестве субъекта истории не является раз и навсегда данной константой исторического изменения. Он меняется, а вместе с ним меняется и его роль в качестве детерминанты исторических событий. Человек каменного века и эпохи научно-технической революции — разные величины исторического действия. Но это становится все более ясным с ходом истории, когда во все большей полноте выявляется изменение сущностных сил человека как субъекта истории. Развитие производства и социальных отношений, форм общественной организации является выражением силы человека не как отдельного индивида, а как общественного человека.

Любая недооценка этих реальных параметров исторического движения порождает абстрактное толкование истории. При этом либо конкретно-исторический субъект истории возводится в роль исторического субъекта вообще, либо отдельный фактор объявляется вечным перводвигателем истории, так что все остальные факторы оказываются несущественными или простыми его дериватами.

Так получают сумму общих понятий, настолько растяжимых, что в них укладываются качественно различные исторические явления. Удовлетворение, которое испытывает теоретик от такого «уложения», есть не что иное, как самообман. Теоретик в этом случае

оказывается заключенным в абстракцию, как в клетку, из которой он не может выбраться, поскольку объявил ее всеобщей. Характерно в этом отношении толкование империализма, которое давал Йозеф Шумпетер. Он объявлял империализм коренной чертой в истории народов, бесцельным тяготением государства к безграничной насильственной экспансии, не имеющим ни начала, ни определенного конца. Такой подход влечет за собой постулирование некоего неисторического первоначала, которое проявляется на различных этапах истории. По мысли Шумпетера, как в древней, так и в новейшей истории снова и снова возникает некий тип «вечного воителя», ведущего борьбу ради самой борьбы без всякой на то необходимости.

Очевидно, что такого рода абстрактные теоретические конструкции могут явиться удобной формой апологетики самой реакционной политики. И не случайно они получают широкое распространение тогда, когда в них появляется определенная потребность. Элитарные и расистские доктрины, концепция архетипов, идея «бремени белых», сформулированная Кипплингом,— все это проявления абстрактного толкования истории, которое служит не ее действительному пониманию, раскрытию исторических связей, а формированию определенного *отношения* к конкретным историческим явлениям.

Историческая наука тесно связана с теоретическим осознанием специфики исторического детерминизма, измерения объективной роли самого человека в цепи причинных за-

висимостей исторического движения, с анализом исторического характера взаимосвязи субъекта и объекта.

Первоначально историческое сознание видит в качестве субстанциональной основы истории природные факты, и собственно человеческое в ней рассматривается как род и его продолжение, то есть общественная жизнь воспринимается скорее с естественной, нежели собственно исторической, стороны. В Ветхом завете человеческая история выступает как естественный процесс размножения людей от Адама и Евы, как родословие Адама, где меняются имена и количество членов рода, погибают неугодные богу и спасаются угодные, подобно Ною, с которых начинается новое родословие, а человеческая история как бы вращается в раз заданном круге. Что же касается собственно исторических факторов общественной жизни, то они оказываются либо *данными* с рождением человека (так Авель был пастырь овец, а Каин — земледелец), либо являются результатом вмешательства бога в дела человеческие (например, смешение языков в Вавилоне и рассеяние людей по всей земле).

«Ограниченность» истории порождает и характер ее осмысленного восприятия. Человек еще «скован» природой и не может оказать на нее воздействие в тех широких масштабах, которые позволяют ему на деле, реально видеть огромную преобразующую силу общественной практики. Поскольку он не в состоянии осуществить свои замыслы в истории, их крушение воспринимается как дейст-

вие анонимной, внешней по отношению к человеку, чуждой ему силы.

Вместе с тем история предстает как совокупность отдельных явлений, которые выступают как следствие видимых причин — будь то природные факторы либо деяния самих людей. Причинная зависимость здесь относится к тем или иным отдельным явлениям, где и причина и следствие лежат на поверхности, а не к истории, взятой в ее основных этапах развития. Поскольку осмысление действительной причины относится скорее к отдельному поступку отдельного человека, а не к истории в целом, ее основным этапам, то и рациональное осмысление причины тех или иных действий человека, а также и возможностей его выбора пока еще не может затронуть основ фаталистического восприятия хода истории.

По мере нарастания исторической силы человека фаталистическое восприятие истории шаг за шагом начинает сдавать свои позиции, уступая место попыткам осмыслить историю через действие субъективных, одухотворенных сил. Однако это еще весьма абстрактные представления, которые не вскрывают реальной природы субъективности в истории. С другой стороны, и фаталистическое восприятие претерпевает изменения, становясь как бы моментом нового взгляда на историю, находя свое место в признании неискоренимости случайности в действиях людей в истории, невозможности предвидеть все их роковые последствия. Вопрос о природе детерминизма в истории воспринимается осо-

бенно остро, когда цель не достигнута, когда история «обманывает» надежды. Интерпретация событий в истории окрашивается именно этим психологическим мотивом, оказываясь размышлением о нереализованных возможностях.

Обратной стороной такого толкования детерминизма в истории является представление об исторических событиях как картинках, постоянно меняющихся в калейдоскопе от малейшего его поворота. Все связи в историческом событии здесь рассматриваются как «жесткие», и малейшее изменение одной из них влечет за собой изменение всей исторической картины в целом. Соответственно и история в такой ее интерпретации должна выглядеть как поток, который должен изменить свое направление и вид, если будет изменено какое-то, хотя бы самое ничтожное, его звено. Отсюда следует вывод, что каждый человек, любое его, даже самое незначительное, действие творят историю в целом, хотя, быть может, сам человек этого и не подозревает. В этом смысле становится проблематичным выделение великих личностей в истории или каких-то определяющих ее факторов, поскольку ничтожное явление может интерпретироваться как причина масштабных исторических изменений.

Такого рода позиции имеют гносеологическую основу, обретая содержание в зависимости от условий места и времени. Они скользят по поверхности сложной структуры детерминизма в истории, пытаются от действия отдельного человека или того или иного

фактора совершить прыжок к объяснению исторических событий в целом.

«Жесткий» детерминизм неизбежно переходит в свою противоположность — в крайний волюнтаризм. Действительно, коль скоро малейшая причина может породить глобальные исторические изменения, то это значит, что любое, самое незначительное, действие человека или какой-либо побочный, случайный фактор могут повернуть ход истории.

Механические толкования причинности в истории возникали на основе универсализации простейших взаимодействий. Когда одно тело в своем движении сталкивается с другим, то оно вызывает движение этого второго тела: здесь причина и следствие как бы занимают строго определенные места, они отделены друг от друга и в пространстве, и во времени. Философская мысль эти массовые и простейшие виды взаимодействия фиксирует в категориях, которые носят всеобщий характер.

И выработка этих всеобщих категорий предшествует обнаружению более сложных видов взаимодействия, которые либо «подводятся» под старые категории, либо объявляются основанием для отрицания детерминизма в истории.

Вне детерминизма не может быть понято ни одно историческое явление. Даже в том случае, когда теоретики пытались объяснить движение истории действием идеальных сил — свободной человеческой волей или абстрактной духовной силой в той или иной форме, — они, по сути дела, вели поиски *при-*

чины истории, отрицая лишь одну из форм детерминизма, а не детерминизм вообще.

В истории человек, действительный субъект истории, выступает в качестве активной силы, направленность действий которой в конечном итоге формируется конкретно-историческими обстоятельствами.

Специфика детерминизма в истории, разумеется, не абсолютна. В природе также не существует абсолютно пассивного объекта. Пассивность природных объектов относительна, ибо природа в целом выступает как причина и как следствие самой себя. Пассивность и активность объектов природы существуют лишь в определенных ограниченных связях, выделенных из всеобщей связи вещей.

Специфика человека как явления природы и вместе с тем истории состоит в его способности сознательно и целенаправленно формировать исторические условия в соответствии со своими интересами, в определенных пределах изменять созданные им исторические обстоятельства и самого себя. Здесь и лежит источник качественного различия природы и истории. Но это лишь самые общие предпосылки специфики детерминизма в истории. Человек не сразу поднимается до их осознания. Эти обстоятельства определяют и историчность образа его мышления и жизни, и характер его деятельности. К такому выводу шаг за шагом подходит философия истории в своем теоретическом движении.

Уже в XIX веке возникают попытки вырваться из лабиринта поверхностных пред-

ставлений в толковании движущих причин истории. Накопленный опыт создавал предпосылки для более глубокого ее понимания. Наиболее продуктивным оказался исторический метод, основанный на осознании того обстоятельства, что движущие силы истории сами подвержены изменению. Заслуга в приложении этой идеи к философии истории принадлежит Гегелю.

Гегель освобождается от предрассудков предшествующей философии, которая выдвигала в качестве основания истории относительно неизменные географические факторы или природу человека. Для него самым существенным является осознание динамизма исторического субъекта, а вместе с тем и диалектики субъекта и объекта в историческом движении.

Гегель не игнорирует внешние, географические, природные факторы в истории и действия отдельных людей, но рассматривает их скорее как условие динамики истории, а не как ее субстанциальную основу. Основу истории, по мысли Гегеля, составляет дух, ступенями становления и развития которого является дух различных народов.

Гегель фиксирует то обстоятельство, что в развитии истории принципиальное значение имеет *самосознание* народа. Принцип народа, по мысли Гегеля, есть самосознание, действенная сила в его судьбе. Это не идеал отдельного индивида, не абстрактное мечтание, а та форма, которая оказывает реальное воздействие на все стороны общественной жизни — государство, религию, искусство,

право, отношения к другим нациям — и определяет место народа во всемирной истории.

В этом смысле становление всемирно-исторического народа не есть результат некоего фатального стечения обстоятельств, а следствие его самосознания, умения видеть себя в зеркале созданных им духовных форм. Гегель подчеркивает, что у всех всемирно-исторических народов имеются поэзия, изобразительное искусство, наука, а также философия. В движении духовных форм жизни народов Гегель гениально угадывает процесс изменения, развития субъекта истории. И особое значение в этом отношении имеет для него греческий мир, ибо именно он знаменует собой самосознание свободы, когда субъект истории осознанно вырывается из деспотизма неподвижных, механических нравственных форм восточного мира, обретает собственную активность, ту продуктивную субъективность, которая творит историческую действительность в соответствии с принципами человека. Начало греческого мира символизируется отгадкой загадки, заданной Эдипу египетским сфинксом — наполовину человеком, наполовину животным. Сфинкс низвергается, а действительно свободное и подлинно человеческое движение греческого мира олицетворяется Ахиллом в его начале и Александром в конце.

Гегель исходит из того представления, что государственные образования Востока застойны, потому что они прикованы к природе. Выход человека на историческую арену сво-

бодного движения отождествляется Гегелем с преодолением противостояния абстрактной природной нравственной субстанции, с одной стороны, и субъекта — с другой. Субъект должен стать и осознать себя в качестве творящей силы, но субъект не в качестве одного, отдельного, индивида, а как народ.

Гегель улавливает сдвиг, происшедший в историческом самосознании. Этот сдвиг в философской мудрости — от провозглашения в качестве высшего принципа отрешенности, спокойствия и недеяния к активности народа, осознанию его реальной способности творить историю. Следует заметить, что этот сдвиг в историческом самосознании не имеет той четкой границы, которая проложена Гегелем между восточным и греческим миром. Однако нельзя не видеть и определенного смещения акцентов на этой границе. На самом деле еще в китайской книге «Хань Фэй-цзы», где изложены взгляды одного из крупнейших теоретиков легистской школы, Хань Фэя, умершего в 233 г. до н. э., говорится: если одежды достаточно для того, чтобы успешно бороться с холодом, а еды достаточно, чтобы утолить голод, то совершенно мудрый уже больше ни о чем не заботится. Высшая мудрость здесь полагается как смирение перед естественным ходом вещей, который придает смысл жизни и деятельности человека. С этим связаны и определения Дао как того, что делает тьму вещей такими, какие они есть. Постигание Дао означает овладение мудростью, которая влечет за собой отрешенность.

У греков Гегель выделяет именно тот момент, который подчеркивает зарождение осознанного активного отношения субъекта к окружающей его действительности: здесь человек высказывал смысл природы; смысл, таким образом, принадлежит человеку, не природа отвечала грекам, но сам человек, побуждаемый созерцанием природы. Процесс подчинения природного духовному — вот что выделяет Гегель; *произведение*, то есть созданное человеком, как и не созданное им, созданное не произволом, а разумным духом, имеющим материал в природной стихии, которую он использует, чтобы выразить себя.

Это осознание ключевого значения для истории уровня развития самого субъекта, процесса его формирования, превращения в действенный фактор общественного самодвижения отмечалось Марксом в качестве важной заслуги немецкого идеализма. «Главный недостаток всего предшествующего материализма — включая и фёйербаховский, — писал Маркс, — заключается в том, что предмет, действительность, чувственность берется только в форме *объекта*, или в форме *созерцания*, а не как *человеческая чувственная деятельность*, *практика*, не субъективно. Отсюда и произошло, что *деятельная* сторона, в противоположность материализму, развивалась идеализмом, но только абстрактно, так как идеализм, конечно, не знает действительной, чувственной деятельности как таковой»¹.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные произведения в трех томах, т. 1, стр. 1.

Универсальный всеобщий мировой дух, как демиург истории, утратил реальную почву, как только история начала свое действительное движение в конкретных формах революционной борьбы классов, происходившей не в соответствии с абстрактными постулатами абсолютного разума, а с реальными жизненными интересами участников исторического действия. Это обстоятельство предопределило углубление критики гегелевского идеализма, поиск реальных факторов и причин исторической деятельности человека.

Социальная мысль пыталась перебросить мост от абстракции абсолютной идеи к конкретности человека. И здесь она либо помещала высшие духовные абстракции в человека, превращая его в универсального, всеобщего человека вообще, либо сводила сущность человека к его особенной, индивидуальной сущности. В первом случае человек, выступая в роли родового существа, утрачивал вместе с тем свои конкретные социальные качества, полагая себя тождественным каждому другому человеку. Во втором — само общество представлялось атомизированным, а каждый индивид становился абсолютным его центром, из которого выводилась и вся совокупность общественных связей и отношений. Человек тем самым выступал как *неисторическое* существо.

Человек действует, исходя из своих интересов. Однако *его представление о своих интересах, понимание их различны* в разные исторические эпохи. Если же выделить какую-то одну историческую эпоху, определен-

пый ее интервал, определенный парод, то можно обнаружить, что и в этом случае представления отдельных людей о своих интересах оказываются различными. При этом речь идет не о случайных индивидуальных особенностях отдельных индивидов, а об общих особенностях больших групп людей.

Качественно новое теоретическое толкование детерминизма в истории начинается тогда, когда принимается во внимание объективная специфика субъекта истории. Субъект истории активен, а значит, он выступает как причина, порождающая следствия. При этом обнаруживается, что можно целенаправленно формировать причину, используя для этого достаточные средства, с тем чтобы вызвать желательное следствие. В политической практике сознательное использование причинных связей давно стало правилом. Военная сила, факторы экономической взаимозависимости, политического давления предстают в политике как реальные средства, с помощью которых могут быть достигнуты определенные цели. Взятые сами по себе, в отрыве от их социального содержания и роли, они могут интерпретироваться как некие «вечные» факторы истории вообще. В действительности, однако, они имеют определенный исторический, социальный смысл и поэтому не могут рассматриваться вне контекста общественной системы, исторической эпохи, интересов и целей классов, их выразителей, использующих реальные факторы в политике. Необходим и постоянный учет динамики этих факторов.

В противоборстве политических сил ключевую роль играет конкретное указание целей и выбор времени действий для их осуществления. И здесь в качестве фактора причинного взаимодействия начинают выступать конкретные условия и *намерения* человека. Поскольку человек концентрирует в своих руках мощные рычаги государственного управления, субъективное намерение становится важным фактором складывания событий в истории.

В сфере причинных взаимосвязей в истории важное место занимает правильное понимание намерений субъекта истории, его интересов. Необходимо различие между действительными и мнимыми причинами событий, реальной предпосылкой действий и поводом, который нередко создается сознательно для того, чтобы иметь «достаточное основание» для тех или иных действий.

Отделение действительных причин от мнимых в характеристике исторических событий не единственная трудность теоретического осмысления истории. Проблема состоит и в выявлении причины конечного результата, складывающегося в ходе противоборства различных социально-политических сил. Здесь теоретический анализ выходит за пределы рассмотрения субъективных намерений участников исторической драмы, пропикая в объективные исторические условия и предпосылки их действий.

Человек выступает в конкретно-исторической связи условий, собственных интересов, формирующихся в данных условиях, и целей,

возникающих на основе объективных интересов и отливающихся в практическое действие.

Исторические условия и действия человека полагают себя как особая система взаимодействия, в ходе которого меняются и условия, и сам человек. Определенные исторические условия вызывают и определенную направленность исторической практики человека; но вместе с тем историческая практика человека *создает* определенные исторические условия и *меняет* их. Что же в таком случае здесь является причиной, а что следствием и можно ли их мыслить, как всегда разделенными во времени и в пространстве?

Если исторические события представляются как простой ряд, в котором предшествующее событие порождает последующее, то тогда вся теоретически осмысленная история должна была бы выстроиться в общий поток, который порожден каким-то первым толчком, вызвавшим нарастающую историческую лавину. Но если достаточно первоначального толчка, чтобы родилась историческая лавина, то это значит, что должно существовать то «историческое русло» с определенным «наклоном», по которому эта лавина движется.

Для философии истории долгое время казалась весьма существенной, кардинальной задача нахождения, выделения из всей суммы связей этого общего природного или духовного русла. Так рождается многообразие интерпретаций истории, ибо философия истории каждый раз «обнаруживает» различ-

ные «русла», впадая тем самым в субъективизм.

Выход из теоретического тупика стал возможным лишь постольку, поскольку был найден качественно новый уровень теоретического толкования детерминизма в истории.

Для того чтобы верно понять метаморфозы общественной жизни, необходимо рассматривать ее не с позиций отдельного, индивидуального человека, а с позиций человека *социального*, конкретно-исторических условий его жизнедеятельности. Но чтобы позиции социального человека стали позициями *общественной теории*, для этого был необходим соответствующий уровень развития самой истории.

Тезис Маркса, согласно которому сущность человека в своей действительности есть совокупность всех общественных отношений, отображает и принципиально новые позиции теоретической мысли, и новый уровень исторического развития. Научная теоретическая мысль исходит не из абстрактного тождества индивидов в их отношении к миру, а из конкретного различия их социального положения в мире, а стало быть, и форм его практического освоения. Тем самым открывается реальная возможность постижения *исторического детерминизма* в его отличии от детерминизма в истории.

Детерминизм в истории является выражением причинно-следственной взаимосвязи факторов общественной жизни, поскольку эти факторы берутся как таковые, вне их

копкретно-исторической специфики. В этом смысле можно говорить, например, о силе армии, ее организации как причине победы, о характере нравов как источнике социальной устойчивости и т. д. Здесь детерминизм применительно к обществу понимается так же, как и применительно к природе, поскольку историческими изменениями последней для постижения ее законов можно пренебречь. Однако применительно к обществу абстрагирование от конкретно-исторической специфики влечет за собой серьезные теоретические искажения.

В том случае, например, когда в качестве решающего фактора исторического изменения выделяется отдельная личность вообще, то она неизбежно наделяется сверхчеловеческими качествами. Когда решающим фактором исторического события объявляются действия отдельных людей, то теоретическое исследование истории практически оказывается невозможным, поскольку невозможна фиксация «дурной бесконечности» индивидуальных нюансов в поведении всех индивидуальных участников истории в каждый момент времени. Детерминизм в истории, таким образом, фиксирует лишь локальные причинно-следственные связи. Поднимаясь до выделения *сверхиндивидуальных факторов* в качестве движущих причин истории (географических, экономических, политических, духовных), детерминизм в истории, делая шаг вперед в толковании социальных явлений, вместе с тем отделяет эти факторы от сущностных сил человека, вследствие чего история

представляется неким механизмом, действующим независимо от направленности общественной практики людей.

Характерны в этом отношении попытки истолковать историю как продукт географических и климатических особенностей различных регионов планеты, специфики социально-политических институтов или духовных традиций (доминирующих идей), действующих как бы помимо исторического творчества самих людей. Отсутствие теории, объясняющей органическое взаимодействие факторов, их сплав в истории порождает попытки вырваться за пределы самой истории, найти ее «первотолчок» либо в естественно-космических условиях, в сверхъестественных силах, либо в глубинах человеческого подсознательного — в иррациональных импульсах, инстинктах и т. д.

Детерминизм в истории, его теоретические границы определяются границами самой истории. До тех пор пока история не подняла на поверхность и не обнаружила свою универсальность, теоретическое сознание невольно колебалось между эмпиризмом и оторванными от реальности спекулятивными конструкциями истории. Для того чтобы проложить путь к теории истории, необходимо было подняться на новый уровень в толковании детерминизма в истории.

Выявление исторического детерминизма связано с определением как объективных возможностей организованных социальных действий в данных конкретных исторических условиях, так и направлений действия тех

или иных социальных групп и народов в зависимости от их интересов, формулировки целей практических действий и нахождения средств их осуществления.

Исторический детерминизм — объективное явление: общественная формация, являясь историческим образованием, создает конкретные условия и реальные возможности общественной практики людей. С одной стороны, люди не могут произвольно «выпрыгнуть» за пределы реальных исторических условий. С другой стороны, они имеют перед собой созданные этими условиями объективные возможности различных вариантов практических действий, осуществление которых и формирует историю. В свою очередь история, ставшая реальным бытием людей, открывает новые перспективы для исторической практики.

Для всякого общества объективным условием его существования является уровень развития производительных сил, способ производства. Характер орудий труда диктует и формы организации людей в их использовании. Если люди пользуются каменным топором, то очевидно, что они действуют как отдельные индивиды, вооруженные отдельными орудиями. Как невозможно себе представить успешное действие с помощью топора, если его рукояткой одновременно манипулируют несколько человек, так невозможно и вообразить, что с конвейером часового завода может управиться один человек. Способ производства объективно порождает тип взаимодействия людей с орудиями труда. Это

форма детерминизма, но отличная от механического понимания взаимодействия причины и следствия как внешнего воздействия, с одной стороны, и следующего за ним результата — с другой. Здесь исторический детерминизм выступает как определенная форма необходимой корреляции общественных состояний и практических действий людей. Развитие общества в своих главных и необходимых тенденциях диктуется действием исторического детерминизма, который выражает неразрывную связь объективных условий жизни людей и их общественной практики.

Этот тип исторического детерминизма определяет не только формы соединения человека и орудий труда, но и устойчивость состояний и устремлений социальных групп, находящихся в аналогичных обстоятельствах при всех их внешних разнообразиях и особенностях. При этом эволюция орудий труда оказывает свое воздействие на социальные устремления людей опосредованно, через систему общественных отношений, которые могут сохранять некоторый консерватизм по отношению к динамичному развитию орудий труда. Современный монополистический капитал с точки зрения используемых им развитых в огромных масштабах производственных мощностей и средств управления существенно отличается от капитализма эпохи свободной конкуренции. Однако ныне капиталисты не менее решительно устремляются к прибыли, чем их предшественники в XIX веке. Как представители одного и того же

класса они действуют в одинаковом направлении, хотя как индивиды они могут отличаться друг от друга вкусами, привычками, религиозными воззрениями, маперами и склонностями.

Неверно думать, что научная теория истории невозможна до тех пор, пока не создана общая антропология, вбирающая в себя выводы этнографических, медицинских, психологических, философских и т. п. исследований человека вообще, раскрывающих «целиком и полностью» его материальную и духовную природу, выявляющих мотивы его поведения и действия, а стало быть, и формирования истории. Действительно, сколь широкий круг познаний о человеке ни включала бы в себя такого рода общая антропология, она не может послужить основой теории истории, поскольку на уровне исследования человека вообще в отрыве от конкретно-исторических связей его жизнедеятельности нельзя раскрыть природу исторического детерминизма.

Аналогичным образом история не может быть понята как продукт воздействия внешних по отношению к ней факторов. Когда говорят, что неожиданно разыгравшаяся у берегов Англии буря погубила «великую армаду» и тем самым изменила ход европейской истории, то нередко хотят сказать, что история определяется некими случайными факторами. Разумеется, внешние факторы влияют на те или иные исторические события. Больше того, космическая катастрофа, например, может вызвать гибель всего живого

на Земле, а вместе с тем и прекращение земной человеческой истории. Однако такого рода причины, воздействующие на историю, сколь значительны они ни были бы и по характеру, и по своим последствиям, не являются собственно историческими причинами.

Специфика научной теории состоит в том, что она выявляет природу исторического детерминизма, определяющего существенные связи и функционирование общественных формаций, их качественные изменения, и на этой основе дает объяснение отдельным историческим проявлениям. Если общие связи не раскрыты, то теоретическое сознание фиксирует индивидуальные проявления, представляя их всеобщими, стремясь упорядочить их каким-то образом, привести в систему. Так, например, два рабовладельческих государства греческого мира — Спарта и Афины — отличались по своему устройству, порядкам и традициям. Историк может считать это главным, самым существенным для анализа, сравнения исторических судеб двух государств. И он будет в известной мере прав, поскольку речь идет о последствиях этих различий для судеб государств в рамках рабовладельческой формации. Однако, сколь бы тщательным ни был анализ этих различий и особенностей, он не даст ответа на вопрос о судьбах рабовладения как исторического явления. Поскольку история обладает огромным богатством своих индивидуальных проявлений, то тем самым имеется и предпосылка как для фиксации индивидуального в истории в качестве методологического прин-

ципа ее анализа, так и для абстрактных обобщений, нахождения черт сходства у явлений, относящихся к качественно различным формациям, объявления этого сходства реальным тождеством различных по своему содержанию исторических явлений.

Теоретическая мысль, создавая абстрактно-всеобщую теорию истории, создает и предпосылки ее крушения; крушение абстрактных теорий истории становится аргументом для плоского эмпиризма, который, однако, заходит в тупик дурной бесконечности индивидуальных фактов истории, то или иное «упорядочение» которых не может совершаться иначе, как на основе какой-то рассудочной теории, не открывающей объективно общее, а скорее создающей его спекулятивно. Чтобы объективно общее стало достоянием теоретического сознания, а вместе с тем было выделено из индивидуальных проявлений без утраты своей качественной исторической спецификации, необходимо, чтобы эта историческая спецификация многократно повторялась в общественной практике. Развитая теория истории не может быть создана до самой истории. Поскольку мы всегда имеем дело с незавершенной историей, то, казалось бы, невозможна и ее теория. Здесь заключен определенный парадокс.

Научная теория, исходящая из адекватного понимания исторического детерминизма, «снимает» этот гносеологический парадокс, поскольку она исходит не из идеи истории вообще, а из объективного существования об-

щественно-экономических формаций. Исторический детерминизм позволяет дать объяснение самодвижения, развития истории, а вместе с тем и ее «самопознания».

Исторические условия и общественная практика людей складываются в систему экономических, социальных и политических отношений. Эта система обретает свою внутреннюю качественную определенность в зависимости от уровня развития производительных сил общества. Вместе с ускорением темпов общественного развития все четче выявляется и действие глубинных связей истории, исторического детерминизма.

Исторический детерминизм определяет глубокие устойчивые связи социальных структур: между уровнем развития орудий труда производительных сил, их характером и системой организации людей в процессе производства; между системой производства и социальными отношениями, отношениями между классами и социальными группами; характером социальной структуры общества и основными тенденциями практической политики; между особенностями функционирования общества на том или ином этапе его развития и специфическими чертами духовного производства, основными идеологическими представлениями.

Глубокие и устойчивые связи общества образуют ту внутреннюю структуру социального взаимодействия, которая становится ареной игры творческих сил человека. Раз возникнув, эта арена обретает независимый по отношению к сознанию человека характер.

Каждый человек находится «внутри» социальной структуры. В силу этого его видение действительности диктуется той «конкретной точкой», из которой он на нее смотрит. Так возникают различные, а то и *противоположные* точки зрения на одну и ту же социальную действительность. Здесь заложены предпосылки возникновения и формирования различных идеологических течений в обществе, их противостояния друг другу, а в конечном счете и острой борьбы между ними, определяемой реальными интересами общественных классов.

Социальное явление может оцениваться положительно с одних идеологических позиций и отрицательно с других. И это происходит потому, что социальная действительность объективно «повернута» к различным классам и социальным группам *по-разному*. Если илоты в Древней Спарте систематически подвергались массовым избиениям и убийствам, то, вполне понятно, они не могли позитивно относиться к той социальной структуре, в которой им приходилось существовать. Между тем для свободных граждан Спарты такие их действия выступали в роли позитивного фактора «порядка» и устойчивости социальной системы, которая их устраивала. Характерно, что действия спартиатов по систематическому наведению «порядка» среди илотов мотивируются не каким-либо конкретным проявлением беспорядка, восстания и т. д., а спецификой самой системы, которая превращает илотов в потенциальную угрозу для господствующего класса. Иными словами, социаль-

ная система диктует тип политического поведения различным составляющим ее классам и социальным группам. Если каждый отдельный случай такого кровопролития можно объяснить теми или иными действиями отдельных людей, принятием какого-то решения, соответствующим приказом и т. д., то систему таких действий можно вывести лишь из соответствующей организации общества.

Наличие устойчивых связей обнаруживается и в истории взаимоотношений между государствами. В качестве характерного примера можно привести известные Пунические войны между Древним Римом и Карфагеном. Разделенные Средиземным морем, Рим и Карфаген, казалось бы, могли спокойно развиваться и сосуществовать, не вступая в военный антагонизм. Между тем в условиях, когда формирование рабовладельческой империи все более становилось главной тенденцией в политике Рима, развивающийся и сильный Карфаген стал постоянной и возрастающей для могущества Рима угрозой. Вот почему тезис Катона «Карфаген должен быть разрушен» превратился в конечном счете в лейтмотив практической политики Рима. Но точно так же понятны позиции и Ганнибала, собравшего огромную армию и поведшего ее на завоевание Рима. В данном случае сам характер исторического детерминизма не позволяет оперировать упрощенными представлениями. На вопрос о том, что явилось причиной Пунических войн: существование и политика Карфагена или, напротив, импер-

ские устремления Рима,— нельзя дать однозначного ответа. В основе Пунических войн лежали более глубокие социальные связи, нежели те, которые раскрываются в анализе конкретных действий отдельных личностей и государств. Оценки римлянами Карфагена и оценки карфагенянами Рима по своей социально-политической направленности не только различны, но и противоположны. Но социально-политическая действительность того времени характеризуется такой противоречивостью, которая обуславливает принципиальную правильность и той и другой оценки. И Рим и Карфаген того времени представляют друг для друга взаимную угрозу. Победа Карфагена над Римом (а это было реальной возможностью, которую Ганнибал пытался превратить в действительность) привела бы к тому, что господство одной империи сменилось бы господством другой. Сущность истории того времени от этого не изменилась бы, хотя то или другое течение событий в истории было далеко не безразличным и для Рима, и для Карфагена. Исторический детерминизм, определяя необходимые тенденции в формировании глубинных общественных связей, создает объективную основу для действия детерминизма в истории, практического осуществления возможностей, превращения их через посредство деятельности людей в конкретную историю.

Ходячее возражение против детерминистической трактовки исторической действительности состоит в том, что предположение, будто высшие явления происходят из низших чи-

сто причинным путем, является прегрешением против принципа причинности, в соответствии с которым в следствии не должно быть ничего такого, чего не было в причине. Поскольку действительность постоянно рождает новое, то отсюда логически вытекают два возможных его объяснения: либо признать, что это новое является не чем иным, как старым, а высшее — тем же низшим в несколько иных комбинациях, и тогда сохраняется неизблемым принцип причинности; либо отвергнуть универсальный характер принципа причинности и признать, что явления восходящего развития проникнуты всемирной творческой силой, то есть встать на позиции теизма. В действительности эта дилемма является искусственной, поскольку она отталкивается не от реального анализа исторического детерминизма, а от абстрактно сформулированного принципа, в который укладывается живая история.

Коль скоро теория истории игнорирует конкретные причины возникновения новых исторических явлений, она оказывается вынужденной сползать на позиции антиисторизма либо прибегать к *изобретению* абстрактных сил «сверхдетерминизма», которые меняют свое название, но остаются *темными* по своему содержанию и поэтому вынуждены занимать конкретность у реальной эмпирической действительности. Этот подход наложил свой отпечаток на многие ведущие направления современной буржуазной социальной мысли.

Ключевые понятия современной буржуазной философии являют собой разительный пример возврата к представлениям греческой мифологии, таким, как, например, Кронос, Эрос и т. д. Согласно Гегелю, эти титаны были побеждены уже в ходе войны богов, установления господства Зевса. Однако, как оказалось, эта победа греческого духа была не окончательной и мифологические представления переживают сейчас свое второе рождение, естественно, в более рафинированной своей форме.

Во второй половине XIX века и в XX веке буржуазная мысль в качестве сущности действительности полагает некие абстрактные силы, такие, как Бессознательное, Жизнь, Бытие, Время, Трансценденция и т. д., которые постигаются особым образом. Этот взгляд не может стимулировать разумную творческую активность человека, а, напротив, сковывает ее. Вместе с тем и революционное преобразование действительности представляется бессмысленным.

В этом историческом факте еще раз наглядно проявляется ограниченность абстрактного гегелевского рассуждения о непрерывном восходящем характере процесса развития разумной духовной сущности человечества вообще. Процесс исторического развития человечества нельзя представить как имманентное развитие духа, восхождение его ко все более высоким ступеням самопознания. Это представление верно лишь отчасти, поскольку речь идет о процессе формирования научного сознания, освобождения его от

ограниченных представлений. Здесь верно схвачена тенденция развития сознания различных народов по пути все более точного и глубокого постижения действительности и процесса взаимодействия субъекта и объекта в исторической перспективе. Но поскольку Гегель рассматривал этот процесс как телеологический по своему характеру, то в его представлении в качестве исторических случайностей полагаются фундаментальные социальные факторы, оказывающие воздействие на действительные духовные тенденции общественной жизни.

IV

К вопросу о характере исторического изменения

Проблема восхождения ко все более высоким социальным формам в сфере реальной истории предстает не только как теоретическая, но и как *практическая* проблема. Коль скоро эта проблема оставалась в рамках чистой теории, рождение нового, взятое в качестве эмпирического факта, требовало *объяснения*. И поскольку новое логически не следовало из своего предшествующего основания, дух, разум, идея наделялись особыми свойствами отрицательности, творческими потенциями, которые предопределяли их внутреннее беспокойство, необходимость выхода за свои границы, превращения в собственную противоположность.

Гегель, как известно, находил объяснение диалектики духа в различении рассудка и разума. *Рассудок*, согласно Гегелю, не идет дальше *неподвижной* определенности и отличия последней от других определенностей. Гегель проводит мысль о соответствии рассудка тому, что называют божьей *благодатью*: в природе она познается в том, что

различные классы и виды животных и растений снабжены всем тем, в чем они нуждаются для своего существования. Точно так же, продолжает Гегель, обстоит дело и с человеком, с индивидами и с целыми народами, которые все, что нужно для их существования и развития, отчасти преднаходят как непосредственно наличное.

Диалектический же момент есть снятие такими конечными определениями самих себя и переход в свою противоположность. Диалектика, подчеркивал Гегель, есть *имманентный* переход одного определения в другое, в котором обнаруживается, что эти определения рассудка односторонни и ограничены, то есть содержат отрицание самих себя.

В диалектике понятий Гегель угадывал реальную диалектику исторических форм, которые в себе содержат собственное отрицание, а стало быть, и возможность перехода в свою противоположность.

Можно сказать, что проблема перехода социальной структуры в свою *противоположность* оказывается *ключевой* для всей философско-исторической мысли XIX и XX веков. Наступление эпохи перехода от капитализма к социализму превращает ее в *практическую* задачу с грандиозными социальными последствиями.

В этой ситуации буржуазная мысль была вынуждена вновь вернуться к самым общим вопросам философии истории, к ее гносеологическим основаниям. При этом наблюдается возрождение старой *рассудочной* философ-

ской позиции в новых формах. Особенность этих форм состоит в *отождествлении* всех изменений в истории, в превращении их в *изменения вообще*, где качественные и количественные изменения оказываются принципиально неразличимыми по своему характеру.

В буржуазной философии истории XX века выходит на поверхность точка зрения, согласно которой история есть сосуществование в историческом пространстве качественно различных цивилизаций. Каждая цивилизация полагается внутренне специфичной, эволюционирующей и вместе с тем сохраняющей свое качественное своеобразие. Взаимодействие между цивилизациями, или культурами, понимается главным образом как их внешнее соприкосновение на временных и географических границах. В качестве основы индивидуальной устойчивости цивилизации полагаются духовные ценности, принципы, якобы предопределяющие и предназначение общества, и решение стоящих перед ним задач, и его обособление из ряда других. Характерны в этом отношении позиции А. Тойнби¹.

Рассудочная точка зрения представлена и концепцией структурализма. Структурализм выдвигает идею, согласно которой общественная эволюция объясняется комбинациями инвариантных компонентов социальной системы. Не случаен столь большой интерес структуралистов к так называемым «прими-

¹ См. А. Toynbee. Study of history, vol. 1—12. Oxford university press, 1934—1961.

тивным обществам». Именно в них они видят первопроизводителей культуры. Новые результаты дают комбинации одних и тех же элементов. История в целом не может быть представлена с точки зрения структурализма как единое целое, с ее объективными законами качественных переходов от одной системы к другой.

Неразрешимой теоретической проблемой становится противоречие между стабильностью, устойчивостью структуры и ее качественным изменением. Если структура выступает как соответствие ее частей друг другу и целому, то тогда ее эволюция может быть выведена лишь из внешнего несоответствия элементов структуры друг другу. Но это механистическое в своей основе объяснение в действительности не объясняет ничего, ибо остается неясным, как вообще может возникнуть такого рода несоответствие, если определяющим является внутреннее соответствие элементов структуре.

Другая теоретическая трудность, возникающая в рамках рассудочной методологии, состоит в том, что она рождает представление о *константности* фундаментальных отношений человека к природе и сформировавшейся социальной структуре. Между тем действительная история свидетельствует о том, что такая константность — явление исторически преходящее, меняющееся.

Исторический опыт подталкивает к тому непреложному выводу, что для выявления характера и направленности исторического изменения принципиальное значение имеет

правильное понимание *объективного* положения субъекта этого изменения, его места в условиях данной эпохи. Изменение практического отношения человека к природе, а вместе с тем и к другому человеку — это исходный пункт научной интерпретации исторического движения.

На ранних стадиях истории в силу крайней ограниченности возможностей воздействия на мир, его преобразования это отношение приобретает в основном характер создания благоприятных условий для *потребления* того, что дает человеку природа. Этим вызывается выбор *ареала обитания*. Стремление к его сохранению или, напротив, изменению диктуется естественными условиями, способствующими или препятствующими поддержанию жизни и воспроизводству человеческой общности.

В рамках этого отношения человека к миру, которое выступает как отношение *к природе*, отношение человека к человеку также несет на себе печать естественности. Внутри человеческой общности дифференциация отношений определяется половыми и возрастными различиями. Различия естественных условий во многом диктуют и различия человеческих отношений. Доминирующую роль в общности могут играть либо женщины, либо мужчины. Решающая роль в оценке отдельного человека и его места в общности может отводиться либо физической силе, либо опыту, и в связи с этим по-разному оценивается роль старших. История знает и матриархат, и патриархат. Она знает

примеры и особого почитания старших и отношения к ним как к бремени, которое мешает выживанию общности. Эти различия социальных отношений связаны с различиями в условиях жизнедеятельности людей.

Вместе с тем, по мере того как человек все более активно овладевает природой, обнаруживает, что система его практических действий позволяет более или менее *постоянно* обеспечивать себе существование, происходит сдвиг и в сознании человека. В качестве «конкурента» абсолютного господства природы теперь выступает человек, который овладел системой практических действий, заставляющих природу работать на человека.

Однако первоначально эта сила и власть человека над природой еще полностью обусловливается самой природой, ее качественными своеобразиями, диктующими характер жизнедеятельности человека. Истории известны племена и народы, у которых в силу естественных обстоятельств определяющую роль играют либо скотоводство, либо земледелие.

В скотоводстве главным фактором являются приручение животных и обеспечение их естественного воспроизводства. Воздействие человека на природу здесь на первых порах ограничивается обеспечением условий сохранения и расширения стада. На этой основе разворачивается собственно историческая деятельность: экстенсивное расширение пространства, пригодного для решения этой задачи.

В отличие от скотоводства, земледелие, как постоянный источник существования, требует довольно сложных орудий обработки земли, физической силы, приводящей в действие эти орудия, приспособления к постоянно и последовательно меняющимся естественным условиям. Вместе с тем поскольку в землю вложен труд, то она обретает большую ценность в силу того, что становится удобной для обработки, а порой и связанной с целой системой сооружений, обеспечивающих орошение и удобрение. Теперь уже определенная земля привязывает к себе человека. Ему противостоит не природа в целом; человек особо выделяет из природы ту часть земли, которая подвергнута его практической обработке, на которой находятся сделанные им приспособления и сооружения, работающие тем более эффективно, чем больше усовершенствований в них вносилось следующими друг за другом поколениями.

Осознание принадлежности к земле и связи с нею играло важную роль в развитии культуры земледелия и цивилизации вообще. Спорадическая, случайная связь человека с землей не могла создать той базы, на которой формировались последующие ступени цивилизации.

Практическое овладение землей открывает новые возможности формирования социальных отношений и соответственно всей общественной организации. Соединение общин в большой конгломерат, управляемый централизованной властью, индивидуальные, частные хозяйства, вступающие между собой в

прямые и опосредованные связи; коллективная обработка земли и соответствующие этим условиям формы организации труда и распределения — эти возможности реализуются в истории, что вызывается конкретными и природными и социальными условиями, к которым приспособляются формы организации земледелия.

Возможности индивидуального успешного земледелия оказываются весьма ограниченными в условиях, когда необходимо сосредоточение больших материальных ресурсов для решения некоторых общих задач (создание системы орошения, например) и если не создаются соответствующие организационные формы, обеспечивающие их решение. Вместе с тем здесь рождаются специфические формы зависимости одних групп людей от других, которые получают соответствующее социальное и духовное закрепление. И эти формы неизбежно воспроизводят себя в смене поколений.

Это обстоятельство обеспечивает относительную устойчивость общественных структур, тесно связанных с устойчивостью условий функционирования общественного производства. В историческом сознании наличие устойчивых общественных структур фиксируется как факт существования неизменных в своих основных принципах цивилизаций. Изменение же этих основных принципов связывается либо с внешним воздействием других цивилизаций, либо с действием абстрактного закона, вызывающего рождение, расцвет и гибель цивилизаций.

В действительности, однако, эволюция цивилизации связана не с всеобщим абстрактным законом, а с конкретными условиями жизнедеятельности социальных групп, которые складываются и развиваются внутри конкретно-исторической цивилизации.

Процесс организации определенного типа общественного производства и основывающейся на нем системы общественных отношений не одномоментный акт. Но коль скоро в ходе этого процесса складываются полярные общественные группы, для одной из которых уготована судьба средства осуществления внешних для нее целей, то тем самым, чем более консервативный характер приобретает такая общественная структура, тем меньше стимулов для позитивной деятельности у той социальной группы, которая составляет фундамент общества.

Эта связь может рассматриваться в качестве общего закона развития цивилизаций, основывающихся на антагонистических общественных отношениях. Но она получает различное конкретно-историческое выражение в зависимости от условий места и времени.

Социальный антагонизм — продукт истории. Этот антагонизм воспринимается как противоположность свободы и рабства в силу того, что именно такова была его первая развитая конкретно-историческая форма.

Рабы выполняют необходимую часть жизнедеятельности свободных людей. Вместе с тем эта жизнедеятельность для них безразлична. Они не видят в ней какого-либо смыс-

ла, ибо ее смысл отчужден от них. Рабы, как правило, выполняют самую тяжелую физическую работу. Но, как показал исторический опыт, рабы могут заниматься военными упражнениями и интеллектуальной деятельностью. Однако даже деятельность, которая являлась признаком свободного человека, не делала раба свободным в силу того, что цель этой деятельности не была собственной целью раба. Раб лишается возможности выражения собственных устремлений и целей, становясь говорящим орудием. Свою человеческую сущность он может выразить лишь в сопротивлении использованию себя как раба. И чем шире масштабы применения рабского труда, тем больше усилий и материальных ресурсов вынуждено затрачивать общество на сохранение своей структуры. Тем самым структура сама во все возрастающих размерах пожирает общественные ресурсы и все более теряет историческое оправдание как форма организации общественной жизни вообще.

Реальная общественная связь раба и господина получает различные социальные, правовые и духовные формы выражения. Она становится коренным фактором подлинно исторических изменений. Когда человеческая общность в качестве фундаментального отношения имела свое отношение к природе в целом, как источнику существования и удовлетворения своих естественных потребностей, различия в положении людей не являлись такой социальной проблемой, которая затрагивала главные основы их существова-

ния. Теперь же вопрос о существовании человека неотделим от вопроса о его *положении в обществе*. Рабское существование не является человеческим существованием в строгом смысле этого слова. Будучи рабом, человек может существовать, то есть получать тот минимум средств, который необходим для жизни, но такая жизнь тождественна нечеловеческому существованию. Эта ситуация усугубляется, если рабство из случайного явления становится необходимостью, а рабство индивида воспроизводится его последующими поколениями.

Когда раб утрачивает смысл существования, а стало быть, и жизнедеятельности, тогда начинают колебаться и условия существования господина. Это является выражением кризиса *социальной* структуры и одновременно объективной потребности в переходе от одних форм общественных отношений к другим. Изменение форм социальных отношений органически связано с кризисом условий социального существования человека. И не случайно развитие истории воспринималось социальными мыслителями как процесс становления свободы человека. Но свобода человека ограничена объективными историческими условиями.

История знает классические формы рабства, когда между рабами и свободными гражданами существует четкая разграничительная линия. Соответственно и формы социального насилия здесь обнажены до предела. Но могут существовать и более сложные социальные структуры, в которых между

высшим и низшим социальными полюсами существует ряд переходных звеньев. Примером этого является кастовая система в Индии. Здесь социальное неравенство распределяется по этажам иерархической структуры. Сложная система иерархического соподчинения препятствует четкой поляризации основного антагонизма, обеспечивая тем самым относительную устойчивость социальной структуры. Эта устойчивость может также поддерживаться и сохранением в системе антагонистических общественных отношений неадекватного им в своей основе патриархализма. Иными словами, системе господства и подчинения придается субъективная форма отношений старших к младшим, отца к сыну, то есть требовательности, с одной стороны, и почитания — с другой. Отношения эксплуатации и угнетения субъективно воспринимаются как «естественный» порядок вещей, являющийся экстраполяцией на все общество семейных отношений.

Если в Европе переход от рабства к феодализму был относительно динамичным и на развалинах Римской империи сформировалась формация, «снявшая» рабство и вновь в классических формах обозначившая зарождение социального антагонизма — между классом феодалов и крестьянством, то на Востоке иерархические и патриархальные структуры длительное время препятствуют социальному динамизму.

Фактором исторического изменения является наличие позитивной социальной силы, которая несет с собой новую форму об-

ественного устройства и практически доказывает ее эффективность.

Глубоко революционным по своему характеру явилось отделение *ремесла* от других форм общественного производства. Его революционная сущность состоит в том, что оно является формой отпочкования производства орудий производства в особую отрасль. И чем глубже отпочкование, тем шире масса людей, включенных в эту особую отрасль. Если в скотоводстве и земледелии объект, на который направляются усилия человека, первоначально выступает как заранее данный и неизменный в своей сущности, то в ремесле человек сам создает объект, меняет его в соответствии со своим замыслом. Производство орудий производства потенциально оказывается самой динамичной областью, причем этот динамизм зависит от творческих способностей человека.

Это обстоятельство открывает возможности для революционных изменений в орудиях труда. И история раскрывает те формы, в которых эти возможности превращались в реальную действительность. Особое место в этих изменениях занимает *промышленный переворот*, который приводит к замене ручного труда машинным. Была доказана возможность замены в широких масштабах естественной физической силы человека, животных, природы физической силой созданной человеком машины — это паровой двигатель, а затем и двигатель внутреннего сгорания. Оказалось, что производственные операции, производимые рукой человека, также

могут выполняться соответствующим образом сконструированной машиной.

Этот исторический факт явился отправным пунктом в постоянно нарастающем изменении образа деятельности и жизни огромных *масс* людей в различных странах и на различных континентах, постепенного создания универсальных условий их существования, соответствующих требованиям индустриального развития. Сдвиги в развитии производительных сил ведут к целой серии буржуазных революций, сопровождающихся крушением феодальной иерархии, сословной системы, глубокими духовными переменами. А вместе с тем колоссально возрастает динамизм всего общественного развития, оказывающий обратное воздействие на развитие производительных сил в обществе.

Однако это развитие происходит в условиях новой формы социального антагонизма, все нарастающих противоречий между буржуазией и пролетариатом, которые находят свое выражение в социалистических революциях, впервые утверждающих принципиально новые параметры развития мировой истории.

Таким образом, природа *изменений в истории* не может быть адекватно раскрыта до тех пор, пока не понята природа *исторических изменений*. Исторические изменения затрагивают сам фундамент общественных отношений, те социальные связи, которые в силу их массовости кажутся естественными по своему характеру. Это, как показали Маркс и Энгельс, способ производства, отно-

шения собственности, которые расставляют людей по соответствующим социальным ячейкам, а вместе с тем определяют весь уклад их жизни и образ мышления.

История не может быть правильно понята и оценена с позиций исторического сознания, либо апологетически утверждающего в качестве вечных и неизменных исторически переходящие формы общественной жизни, либо абстрактно отвергающего ход истории, поскольку его направленность не соответствует субъективистским устремлениям.

Поскольку повседневный опыт убеждает человека в том, что он вначале думает, а потом предпринимает какие-то действия, то абстрактный теоретик возводит это индивидуальное убеждение в исходный принцип общественной теории. Причем это представление приобрело характер прочного предрассудка. Даже некоторые теоретики, называвшие себя «марксистами», цитировавшие известное предисловие Маркса «К критике политической экономии», считали необходимым обязательно «дополнить» Маркса в этом пункте. Так, например, Богданову казалось очевидным, что социальная жизнь во всех своих проявлениях есть сознательно-психическая, что общественное бытие и общественное сознание в точном смысле этих слов тождественны. В. И. Ленин в этой связи указывал Богданову на тот факт, что крестьянин, продавая хлеб, вступает в «общение» с мировыми производителями хлеба на всемирном рынке, но он не сознает этого, не сознает и того, какие общественные отношения скла-

дываются из обмена. «Из того,— писал В. И. Ленин,— что люди, вступая в общение, вступают в него, как сознательные существа, никоим образом *не следует*, чтобы общественное сознание было тождественно общественному бытию»¹. «...Для «освещения» истории,— подчеркивал В. И. Ленин,— надо искать основы не в идеологических, а в материальных общественных отношениях»².

Материальные общественные отношения, отмечал В. И. Ленин, складываются помимо воли и сознания человека. Каждая общественная формация, как и каждый этап истории, отличается объективными условиями, которые заставляют действовать народные массы в определенных направлениях. Объяснить и понять направленность действий масс, исходя из неких абстрактных представлений об «обществе вообще», рациональности или иррациональности исторических изменений, оказывается невозможным. И не потому, что человеку недостает фантазии или изобретательности в деле составления принципов цивилизации, ее идеалов, а в силу того, что они неизбежно оказываются беднее живой жизни и не могут подчинить себе реальное движение истории.

Научная теория общественного развития фиксирует фундаментальную зависимость общественного сознания от общественного бытия, идеологических отношений от материальных. Но это не абстрактная схема «об-

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 18, стр. 343.

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 1, стр. 149.

щества вообще», а реальная связь, «стержень» всякой социальной структуры.

Во многих современных теоретических построениях философии истории социальные структуры «просто даны»; они анализируются как факт, смысл которого должен быть истолкован либо с точки зрения *общей цели*, лежащей в его основе, либо с точки зрения *простейших элементов*, из суммы которых складывается сложная социальная структура.

Однако этим не снимается проблема *происхождения* социальных структур в истории, их качественных изменений. В рамках представлений буржуазной философии истории она может истолковываться либо как проявление спонтанности духа в той или иной форме, либо как эпифеномен вечных факторов истории. При этом социальные изменения обретают характер неопределенности и несущественности сравнительно с константами истории, которые, однако, толкуются самым различным образом.

В этих подходах фиксируются не просто «блуждающая» теоретическая мысль, а решается кардинальная историческая задача — задача формирования определенного *отношения* к социальной структуре.

Формирование *осознанного* отношения к социальной структуре есть момент перехода общественного класса из одного состояния в другое. Самосознание класса определяет его конкретные политически-практические позиции по отношению к другим классам, содержание целей, которые ставит перед собой об-

пщественный класс как социальное целое. Это не только проблема пассивного отображения существующего, но и нахождения в существующем социальном порядке реальных условий его изменения.

Сформировавшаяся общественная структура содержит в себе то диалектическое противоречие, которое объективно обуславливает ее развитие, переход из одного качественного состояния в другое, а вместе с тем и изменения в общественном сознании. Так, все более широкое распространение идей социализма в XIX веке в Европе происходит внутри капиталистического общества, и не в противоречии с его социальной структурой, а в соответствии с развивающимся в ней классовым антагонизмом между буржуазией и пролетариатом. Идеи социализма как бы вырастают на плечах идей свободы, равенства и братства, которые родились в условиях буржуазных революций.

С упрочением международных экономических связей усиливаются и общие тенденции социально-политического развития стран, казалось бы качественно отличных по своему образу жизни, духовным и иным традициям. Внимание теоретической мысли не могла не привлечь качественно новая историческая ситуация, связанная с выходом на авансцену исторического движения рабочего класса. Рабочий класс объективно тянулся к международной солидарности, к объединению усилий в борьбе с общим своим классовым противником. Складывание международного фронта борьбы пролетариата за свое осво-

бождение явилось той основой, которая в конечном итоге обусловила ломку многих прежних представлений социальной мысли.

Раньше социальная теория делала акцент на особой судьбе народа в истории. Это представление отображало и происходившее изменение соотношения сил на мировой арене между отдельными странами. Европа в этом отношении давала богатейший фактический материал. И не только Европа. Качественное изменение в истории при этом рассматривалось как смена господства того или иного региона, народа, государства.

Гегель, как известно, подвел под эти факты теоретическое основание, видя в отдельном народе носителя той или иной рациональной идеи. Отдельные народы, согласно Гегелю, выступали в роли избранных для осуществления высших целей истории.

Верное осмысление хода исторического развития в новое время объективно потребовало мышления, выходящего за рамки ставшего узким теоретического горизонта социальной мысли. Исторический опыт XX века бесспорно доказал, что главный социальный смысл эпохи определяется процессом перехода от капиталистического способа производства к новому, социалистическому. Соответственно и историческая роль отдельных народов и государств, их место во всемирной истории определяются их положением в системе социально-экономических отношений, их вкладом в дело социального прогресса, строительство нового общества, борьбу про-

тив системы эксплуатации, социального и национального угнетения.

Интерпретация общественной жизни с точки зрения рассудочных понятий о народе вообще, без учета роли конкретных классов в борьбе за общественный прогресс, оказывается абстрактной, ибо в этом случае качественные социальные изменения, составляющие стержень исторического движения, считаются «несущественными», тогда как «вечные основы» и «вечные ценности» — действительной сущностью истории.

Буржуазные теоретики в этих условиях переходят на позиции особого толкования идеи свободы, которая применительно к экономической области служит оправданием растущего неравенства доходов, обосновывает необходимость ликвидации препятствий, стоящих на пути капиталистического производства, а в политической сфере полагает необходимым создание условий, при которых «наиболее достойная» элита общества получала бы и наибольший доступ к власти, не была подавлена эгалитарными устремлениями «низших» классов.

Исторические изменения трактуются буржуазными философами как крушение основ общества, разума и нравственности. Этот подход является выражением субъективистских интерпретаций природы и характера исторического изменения, диалектики истории. Он диктует специфический угол зрения буржуазной идеологии на события, непосредственно связанные с социалистической революцией и теми условиями, которые их подго-

товили и вызвали к жизни. Объективный анализ социальных антагонизмов, которые принес с собой капиталистический строй, объявляется «историческим мифом», в корне трансформировавшим действительную историю¹. Вместе с тем буржуазные теоретики закрывают путь научного анализа исторического развития с точки зрения того результата, к которому пришла история в XX столетии. А ведь речь идет о коренной методологической проблеме — реальных факторах формирования всемирной истории, объективных предпосылках, обусловивших ее действительное, а не иллюзорно-спекулятивное становление.

Начинают закладываться идейные предпосылки представления, согласно которому кардинальные социальные изменения буржуазного общества не имеют позитивного исторического смысла. К собственно историческим изменениям относятся эволюционные шаги, направленные на совершенствование социально-экономической структуры, будь то следствие действия «естественных» законов капитализма или результат государственного вмешательства для того или иного регулирования социальных процессов.

Либерализм буржуазных теоретиков перерастает в откровенно консервативные политические установки. Этот процесс усиливается в XX веке. Формируются идеи индустриального и постиндустриального общества. Для этих идей характерна вера в безгранич-

¹ См., например: *F. A. Hayek. Capitalism and historians. Chicago, 1954.*

ную «рационализацию» капиталистического общества на основе промышленного и научно-технического прогресса.

Буржуазные теоретики пытались и пытаются доказать, что капиталистические отношения являются «естественными», поскольку они якобы соответствуют природе человека. Этот предрассудок был опровергнут марксизмом на основе самого тщательного анализа исторических фактов, процесса рождения капитализма. Особую методологическую ценность имеет марксов анализ процесса исторического формирования капитализма в Англии, как классического примера рождения капитализма вообще.

Маркс отмечал, что крепостная зависимость исчезла в Англии фактически в конце XIV столетия. Огромную массу крестьянства составляли мелкие собственники. Еще в последние десятилетия XVII века иомены, независимые крестьяне, были многочисленнее, чем класс арендаторов.

Капиталистическое производство оказывалось возможным в том случае, если в наличии имелись накопленный капитал, с одной стороны, и лишенная собственности масса людей — с другой. Другими словами, должна была возникнуть такая историческая ситуация, когда трудящемуся не остается ничего другого, кроме как продать свою рабочую силу собственнику капитала. И история создания этой ситуации была, по выражению Маркса, вписана в летопись человечества пламенеющим языком крови и огня.

Толчком для массовой экспроприации

крестьянства послужили расцвет фландрской шерстяной мануфактуры и связанное с ним повышение цен на шерсть.

Целая цепь событий — роспуск феодальных дружин, реформация, следствием которой было расхищение церковных имений, а главное — огораживание, узурпация земель независимого крестьянства, «очистка имений» — все это привело к возникновению той массы пролетариата, которому не оставалось никакого иного пути, кроме ужасной дороги на капиталистическое предприятие. В частной собственности оказывались и государственные, и общинные земли.

Процесс первоначального капиталистического накопления был неразрывно связан с массовой пауперизацией, обнищанием, разрушением средств производства мелких собственников, их жилищ. Для них прогресс капитализма оборачивался ужасающим регрессом их собственного общественного положения, их бытия. Их прошлое состояние не могло не казаться поистине «золотым веком» сравнительно с положением, в котором они очутились.

Вполне понятно, что такой общественный переворот не мог быть осуществлен без применения прямого насилия, игнорирования традиций и законов. Все эти соображения были отброшены, коль скоро речь шла о «необходимости» обогащения лендлордов и получения рабочей силы капиталистической мануфактурой города ¹.

¹ Заметим кстати, сколь охотно современная буржуазия апеллирует к «правам», «закону» и «спра-

С другой стороны, утверждение новой дисциплины сопровождалось жесточайшим законодательством, вплоть до превращения в раба всякого уклоняющегося от работы — известный закон 1547 г., установленный Эдуардом VI.

Таким образом, представления буржуазных философов и социологов о переходе к буржуазному обществу как установлении «естественного» строя оказываются по меньшей мере абстрактными. Представление о в равной степени «свободных индивидах», начинающих с одного и того же старта и приходящих к финишу с различным результатом в силу различия естественных, данных от природы, способностей в качестве главной философской характеристики капиталистического общества, могло бы показаться просто горькой шуткой, если бы оно не воспроизводилось вплоть до наших дней как прошлыми, так и современными сикофантами.

Как известно, рабы приходов сохранялись в Англии вплоть до XIX века. Что же касается Соединенных Штатов Америки, то рабство в Южных штатах было основой плантационного хозяйства и в XIX веке. Колониальная система также несла в себе определенные формы рабского труда. Поэтому нет ничего удивительного в том, что идея рабства в XX веке не только была возрождена гитле-

ведливости», когда речь заходит об экспроприации буржуазной собственности в ходе социалистической революции, хотя в данном случае речь идет лишь о том, чтобы вернуть трудящимся то, что создано их собственным трудом.

ровским пацизмом, но и практически осуществлялась в сочетании с геноцидом.

По мере упрочения позиций капитализма господствующий класс стремится смягчить внутренние противоречия. Вместе с тем значительно расширяются масштабы войн, которые ведутся за колонии, их передел и превращаются в мировые войны.

Буржуазные теоретики рассматривают социальный строй, основанный на современных (капиталистических) формах эксплуатации, как строй цивилизации или в более узком толковании как строй *западной цивилизации*. Они стремятся представить дело таким образом, что основой этой цивилизации являются некие общие ценности, возникшие в ту или иную историческую эпоху и ставшие традицией, определяющей образ мысли и поведения каждого члена этой цивилизации. Такой подход может казаться правдоподобным лишь постольку, поскольку сила экономических отношений закрепляет господство капиталистов над рабочими и поскольку последние признают условия этого способа производства как сами собой разумеющиеся естественные законы (Маркс). В этой ситуации ослабевает роль внеэкономического принуждения, и этот результат буржуазные теоретики выдают за исходный пункт капиталистического общества как якобы «естественного», а стало быть, и «вечного».

В действительности же, как это было доказано Ф. Энгельсом в его работе «Происхождение семьи, частной собственности и государства», цивилизация является не каким-то

особым явлением географического региона, а всеобщим продуктом разложения родового строя. Если первые ступени родового строя характеризуются отсутствием господства и порабощения, если общественная организация здесь еще выступает в качестве естественно выросшей структуры, то такие крупные шаги в разделении труда, как выделение пастушеских и земледельческих племен и создание условий для регулярного обмена, а затем и отделение ремесла от земледелия, создают предпосылки для массового использования труда рабов и превращения самого человека в предмет захвата, купли и продажи. Создаются условия, при которых человек сам по себе утрачивает свою действительную ценность; мерой его ценности становится власть и богатство, то есть неодушевленные факторы. Если человек сохраняет еще иллюзию своей собственной ценности как человека, то она разбивается реальной практикой общественной жизни. Возникшая на этой основе цивилизация рождает, таким образом, глубочайшую духовную дисгармонию: постоянно провозглашая человека в качестве высшей ценности, она на практике обращается с ним хуже, чем со скотом.

Характерной чертой цивилизации антагонистического общества являются упрочение разделения труда, складывающегося на предыдущем этапе, возникновение противоположности между городом и деревней, умственным и физическим трудом, возникновение класса, который, не принимая никакого участия в производстве, захватывает в общем

и целом руководство производством и экономически подчиняет себе производителей. Исторически первым классом, который заменяет формы военного грабежа добычи утонченным экономическим обогащением, выступает купечество. Вместе с тем человечество начинает познавать действительную власть богатства, которое шаг за шагом ставит себе на службу и военную силу, и специальный аппарат классового подавления — государство.

В основе буржуазной цивилизации, таким образом, лежит качественно новое отношение, заменяющее естественно складывающиеся связи между людьми как людьми. Теперь отношение человека к другому человеку опосредовано концентрацией общественного богатства, которое находится не в руках всего общества, а в частных руках. Это общественное богатство становится тем магнитным полюсом, к которому повернуты стрелки человеческих устремлений. А это значит, что каждый отдельный человек теперь объективно зависит не от общества в целом, а от частного лица, поскольку в его руках концентрируется общественное богатство, а также в потенции и условия жизни других индивидов. Эта качественно новая система связей пронизывает все общество сверху донизу, проникает не только в сферу официальных, социальных и государственных отношений, но и в самые интимные сферы, в том числе и в семью.

Чисто человеческие качества — физическая сила и красота, ум и организаторские способности, вдохновенное мастерство и талант —

сами по себе мало что значат, если они не приносят богатства. Даже самый физически и духовно богатый человек в условиях буржуазной цивилизации оказывается во власти того, кто может превратить эти действительно человеческие богатства в золото или его бумажный символ.

По мере ускорения развития такой цивилизации во все большей степени обнажаются ее отрицательные черты. Одновременно умножается число философских и социально-политических трактатов, претендующих на обнаружение путей ее совершенствования, изменения места человека в системе общественных связей. Руссо и Фейербах — провозвестники философской критики антагонистического общества с позиций «естественного человека». Это была попытка «исправить» бездушную цивилизацию, найти пути внесения в нее чисто «человеческого», облагораживающего элемента. Однако, поскольку не был понят действительный закон развития буржуазной цивилизации, философия здесь скорее выступает в роли эмоционального призыва, нежели определителя реальных путей глубоких социальных изменений.

С другой стороны, апологетическая философия видит в цивилизации не что иное, как действие тех «жестокых» «естественных» законов, которым подчиняется мир природы, а именно проявления всеобщей борьбы за существование. Ф. Энгельс в письме к П. Л. Лаврову (12—17 ноября 1875 г.) вскрыл механизм вращения социальной мысли в порочном круге: гоббсовская идея вой-

ны всех против всех переносится из общества в природу, а затем из органической природы в историю, обретая, таким образом, силу вечного закона человеческого общества.

Диалектика буржуазного общества неотделима от нарастания и расширения масштабов социального антагонизма. Переход капитализма в империалистическую стадию развития органически связан с мировыми войнами, гибелью миллионов людей, огромными разрушениями, рождением колониальной системы и феномена фашизма.

Наряду с рациональными, понятными изменениями буржуазной философии теперь фиксируются изменения иррациональные. Историческое изменение считается рациональным, если оно соответствует представлениям буржуазного рассудка. Однако поскольку исторические события в своих главных моментах выходят за пределы представлений буржуазного рассудка, то возникает тенденция коренной переоценки рационализма в его отношении к интерпретации истории в целом.

В философии абстрактный рационализм шаг за шагом уступал дорогу иррационализму в толковании исторического изменения. Иррационализм вынужден исходить из допущений, которые лишь по видимости отталкиваются от исторической действительности. В качестве постулата он выдвигает тезис, будто человек подталкивается к действию, ведущему к историческим изменениям, под влиянием не столько разума, сколько бессознательных факторов — инстинктов, подсознательных устремлений, биологических им-

пульсов и т. д. Меняться могут лишь отдельные люди в общей исторической драме, но не сам человек. Если это так, тогда оказывается исторически оправданной и иррациональная форма действий господствующей элиты, вынужденной подчиняться общему характеру истории.

Однако иррационализм неизбежно попадал в замкнутый круг. Иррационализм пытается объяснить исторический феномен из гипотезы вселенского бессознательного. И здесь он вступает в противоречие с фактом возникновения человеческого разума. Если бессознательное объявляется абсолютным принципом, то это определение оказывается по меньшей мере ограниченным наличием явления рациональности, а стало быть, не может претендовать на безусловную абсолютность.

На реальном историческом уровне проявлением противоречия между рациональным и иррациональным в буржуазном сознании являются так называемые «парадоксы» истории, ее неожиданные повороты. Господствующему классу может представляться, что он имеет вполне достаточные реальные средства для достижения кажущихся «разумными» желаемых целей. Однако предпринимаемые действия в конечном итоге дают прямо противоположный суммарный результат.

Развязывая первую мировую войну, правящие круги имели в виду передел мира. Однако конечный результат оказался «неконтролируемым»: социалистическая революция в России пробила брешь в империалистической системе. Развязывая вторую мировую войну,

фашизм ставил своей целью установление мирового господства, упрочение позиций империализма, уничтожение социализма. Для достижения этой цели были сосредоточены огромные материальные ресурсы и вооруженные силы. Конечный результат известен: разгром фашизма, образование мировой системы социализма, крушение колониальных империй. В послевоенный период империалистические круги стали осуществлять курс «холодной войны», рассчитывая на экономический потенциал и атомную бомбу в качестве базы «крестового похода» против коммунизма. Однако все расчеты на «решающее военное превосходство» обернулись стратегическим просчетом, приведшим к углублению общего кризиса капитализма.

В философии истории эти явления современной исторической жизни получают своеобразное преломление. Наблюдается активный поиск духовных, ценностных оснований буржуазной цивилизации, которую необходимо защищать от разрушения, распада, стремление обнаружить некие идеальные пути преодоления социальных антагонизмов. Однако и здесь буржуазная мысль не столько устремлена в перспективу исторического развития, сколько к его ретроспективе. Даже в том случае, когда буржуазные теоретики ставят вопрос о необходимости качественного изменения исходных принципов стратегического мышления на базе нового толкования истории, они не могут выйти за пределы тех основных условий, которые определяют существование и функционирование буржуазного

общества. Видя необходимость *изменений* в истории, они не могут подняться до понимания необходимости *исторических* изменений.

Характерна в этом отношении интерпретация исторической ситуации XX века, данная Карлом Ясперсом¹.

Ясперс отмечает превращение масс в определяющий фактор исторического процесса. Раньше крестьянство составляло основную часть населения, а оно характеризовалось постоянством образа жизни, было своего рода неисторической субстанцией населения, жило религиозной верой. Теперь же все выглядит иначе, социальные условия находятся в постоянном изменении. Все население Земли оказалось вырванным из традиционных порядков и форм сознания.

Он, однако, считает, что необходимо отличать массу от народа, характеризуя ее как нечто неподразделенное, не осознающее себя, количественное и однообразное, лишенное специфического характера и культурного наследия, не имеющее основ и пустое.

Народ же осознает свой образ жизни, формы мышления и культурное наследие. С точки зрения Ясперса, в современном мире происходит процесс превращения народа в публику, а затем в массу, и этот процесс нельзя остановить. Он выражение распада человечества.

Другая характерная черта современной ситуации, по мысли Ясперса, — это распад традиционных ценностей. Раньше, отмечает

¹ См. «Philosophy in the Twentieth century», vol. 4. New York, 1962, p. 584—597.

Ясперс, религии были тесно связаны с социальными устоями. Ныне религия — дело выбора. Почти все догмы и откровения с их претензиями на абсолютную истину ныне подвергнуты сомнению. Большинство христиан живут нехристианской жизнью. Во все века существовали скептики. Но сейчас, подчеркивает Ясперс, распад традиционных ценностей стал ферментом всего населения. Нигилизм, казавшийся бессильным вначале, стал доминирующим образом мышления.

В основе кризиса, по мысли Ясперса, лежит несколько причин. Прежде всего *технологический век*. Именно он оторвал человека от корней традиций. Но еще и до него в этом направлении действовали такие силы, как *просвещение, французская революция и немецкий философский идеализм*. Все эти факторы, по мысли Ясперса, и привели к подрыву основ стабильного существования человечества. Технологическая революция, вызванная наукой и исследованиями, является основой и причиной духовной катастрофы.

Ясперс, таким образом, сосредоточивает внимание на критике *техники и просвещения*, оставляя в стороне критику тех общественных отношений, которые объективно обуславливают направленность в использовании и техники и науки, ведущую к огромным отрицательным социальным последствиям.

В своих представлениях буржуазная мысль, как бы возвращается назад, к идеям и принципам социальной мысли, формирующейся в условиях разложения родового строя и формирования государства. Укрепление государ-

ства, в силу возникновения социального антагонизма внутри «народа», связывалось с рождением совершенной мудрости, обеспечивающей стабильность сложной социальной системы. Перемены в жизни государств полагались либо как изменение к худшему, как распад, либо как изменение к лучшему, как укрепление социального организма, могущества государства. Выработка форм, методов этого укрепления, овладения сложным механизмом социального взаимодействия оказывалась предметом размышлений, выделения форм управления структурой социальных отношений и действий.

Общество представлялось управляемым тогда, когда оно виделось в своих существенных связях как организм, подобный человеческому, в котором все группы людей занимают соответствующее место и четко выполняют отводимые им функции.

Такого рода представления возникают везде, где складывается классовое государство. Здесь проблема изменения оказывается связанной с решением вопроса о путях и средствах формирования «совершенной» государственной структуры.

В XX веке широкое распространение получает идея, что буржуазное общество не может следовать каким-либо абсолютным духовным установлениям, что оно должно действовать «свободно», опираясь на единственный реальный фактор — на силу, прокладывающую дорогу социальному господству. В условиях утверждения империализма философия истории делает акцент на *технику*, а политика —

на военную технику в качестве главного фактора движения истории. Здесь техника выступает в качестве средства утверждения власти, но одновременно ей придается некий метафизический смысл демиурга современной истории.

Вместе с тем полагается некая общая абстрактная структура изменения в истории, полюсами которого являются творческое начало элиты, с одной стороны, и пассивные, исполнительские массы — с другой. Поскольку, однако, эти философские позиции считаются истоком углубления духовного кризиса буржуазного общества, то им противопоставляется критика техники и просвещения вообще в качестве предпосылки возврата к «докризисной» исторической ситуации в той или иной форме. Однако эта позиция является весьма поверхностной и переалистической, чуждой действительного историзма.

Анализируя позиции Ясперса, нельзя не обратить внимания на то обстоятельство, что рождение духовной пустоты, превращение народа в лишенную самосознания толпу, неорганизованную массу, публику, ищущую разного рода духовных заменителей утраченной веры и лжелидеров, толкуется им как некий побочный продукт просвещения и технологии. В действительности же превращение народа, рабочего класса в лишенную самосознания массу — цель духовной политики империализма, действия всей его «культурно-просветительной» индустрии. Масштабы этой индустрии колоссально возросли. Именно с ее помощью наряду с действительным миром

социальных, классовых антагонизмов империализма создается иной — неклассовый мир, мир авантюрных приключений, развлечений, абстрактных человеческих драм и конфликтов, мир абсурда и безудержной фантазии. Этот мир формирует неклассовую идеологию, разрушает историческое самосознание народа, поскольку мешает видеть и понимать историческую действительность. Ясперс противопоставляет этому духовному миру не научное историческое миропонимание, а иной — иллюзорный мир. Свойственные эксплуататорскому обществу черты духовной жизни, а именно вера в ирреальный мир, в предустановленный свыше «мировой порядок», служивший духовным обручем расколотого на антагонистические классы и противостоящие друг другу социальные группы земного порядка, оцениваются им как специфически человеческие, без которых якобы человек перестает быть самим собой. И не случайно поэтому возврат человека к самому себе сопрягается у Ясперса с возвратом к тем духовным истокам, которые послужили началом основных религиозных течений.

Позиция Ясперса — типичная для современной буржуазной мысли позиция *глобальной критики истории*. Эта критика осуществляется с точки зрения иллюзорно понятой сущности человека, как человека метафизического, устремленного к трансцендентному, а не реальному историческому бытию. Она неизбежно приобретает рассудочный характер *резонерства*, отвергающего историческую необходимость тех изменений, которые на

деле определили реальный прогресс всемирной истории.

Человечество шаг за шагом идет по пути постижения объективных закономерностей изменений в истории. Но они не даются сразу в готовом виде. Общественные идеи, которые доминируют в общественном сознании, порой оказываются противоречивыми, иллюзорными. Субъективные намерения, поскольку они воплощаются в политическом курсе и системе практических действий, являются источником иллюзии о собственной истинности; они начинают «соответствовать» реальному положению вещей. И чем дольше сохраняется это реальное положение вещей, тем прочнее иллюзии.

Если в истории исследователь идет по пути лишь констатации фактов, берет их такими, какие они есть в настоящий момент, и исходит из постулата об их абсолютности, то он попадает в трудное положение, когда сам ход истории доказывает относительность этих фактов, подвергает их практической критике.

В некоторых ситуациях история ставит людей в так называемое «безвыходное» положение. При этом и сама «безвыходность» положения может означать возможность действия лишь в каком-то одном направлении, вопреки субъективным желаниям и устремлениям. Такова, например, ситуация «безоговорочной капитуляции» фашистской Германии в итоге второй мировой войны. Это была практическая критика всей нацистской доктрины, перед руководителями третьего рейха не открывалось никаких иных реальных воз-

возможностей. Разумеется, такая однолинейная направленность действия в истории, диктуемая внешними обстоятельствами, не является всеобщей. Но она дает возможность в наиболее «чистом» виде понять наличие в истории таких принудительных факторов, которые определяют волю социальных сил, отодвигают на задний план их собственные, субъективные желания, «исправляют» историческую реальность, приводят ее в соответствие с объективными законами истории, требованиями эпохи.

Исследователь имеет дело не только с критикой иллюзий, «извращенного сознания», но и с критикой реальной действительности истории, целей, действий людей и созданных ими общественных институтов. С точки зрения конечных исторических результатов, может ли наука в принципе подвергать критике факты? Ведь когда исследователь имеет дело с явлениями природы, он должен брать факты такими, какие они есть, не внося в них никаких субъективных «добавлений», иначе он встанет на заведомо ложный путь отклонения от истины. «Критика истории» имеет смысл лишь в том случае, если она осуществляется с позиций самой истории, ее объективных закономерностей. Всякая иная критика обретает привкус индивидуального или социального субъективизма.

История объективно представляет возможность выбора направленности социальных действий. Так, например, в середине XIX века правящие круги царской России в разработке внутренней политики могли идти как

по пути сохранения крепостного права, так и по пути реформ, ведущих к его ликвидации. В первом случае откровенно реакционная политика в конечном счете привела бы к концентрации общественного недовольства в такой степени, что родила бы взрыв, способный похоронить и крепостничество и царизм. Во втором случае, осуществляя реформу «сверху», можно было разрядить общественную атмосферу, отменив крепостное право и вместе с тем защитив интересы дворянства как класса. В этом случае, как казалось, царизм сохранял свою социальную опору, самого себя и вместе с тем «снял» социальный кризис. Был избран второй путь.

Здесь мы имеем дело с ситуацией, когда господствующий класс вынужден сам себе диктовать направленность социальной политики, кажущейся ему рациональной, хотя она и не соответствует его сокровенным желаниям. Российское дворянство в целом желало бы сохранения крепостного права, поскольку оно соответствовало его интересам. Но крепостное право в сочетании с крестьянской революцией не могло устроить и российское дворянство.

В ситуациях, когда политические позиции правящего класса начинают «расщепляться», огромное значение приобретает субъективное осознание того, в чем в действительности состоит его реальный интерес, а вместе с тем и определение конкретного курса политики. События в истории формируются под непосредственным воздействием этого фактора. И здесь между событиями возникает та

связь, которая обретает свою самостоятельную логику. Отмена крепостного права в России объективно потребовала осуществления целого ряда других реформ, затрагивающих не только область экономических, но и правовых отношений. Она дала толчок для ускоренного развития капитализма в России, которое подмывало социальную базу всей феодальной надстройки, создавало реальные предпосылки для постановки новых социальных задач — ликвидации эксплуатации вообще, осуществления социалистической революции. Характерно, что субъективные устремления царизма, правящих кругов России были нацелены на то, чтобы предотвратить революцию. В действительности, однако, ход событий получил такую направленность, в результате которой произошло сближение буржуазно-демократической и социалистической революций. Иными словами, объективная логика событий не соответствовала субъективной логике правящих кругов царской России. При этом объективную логику событий в конечном итоге оказалось невозможным изменить ни с помощью либеральных жестов, ни с помощью усиления социальных репрессий.

Характер исторического детерминизма обуславливает главные тенденции изменения в истории. Исторический детерминизм, определяя глубинные связи истории, вместе с тем не образует «жесткой» системы, которая постоянно, без всяких изменений и вариаций, воспроизводит себя. Рабовладение, например, как историческое явление осуществляет

себя в истории в различных регионах и странах, но со своими особенностями. То же самое можно сказать о феодализме, капитализме, путях и формах строительства социализма. Однако специфика исторических путей становления формации в отдельных странах не может «отменить» общих законов ее развития.

Изменение в истории является эмпирическим фактом, который наблюдается непосредственно. Наблюдение эмпирически данных изменений ставит целый ряд сложных проблем на уровне их теоретического осмысления. Что конкретно меняется в истории и как меняется? Каково отношение людей к изменениям в истории? Ответ на эти вопросы может быть получен, если сам человек рассматривается конкретно-исторически.

Смена персонажей исторической драмы, отдельных ее индивидов может явиться следствием естественных причин. Однако уже в древнекитайской философии было подмечено то обстоятельство, что в реальной истории человеку нужна немалая мудрость, чтобы прожить весь отведенный ему природой срок.

Отдельный индивид может быть не только юношей или стариком, мужчиной или женщиной, но и солдатом или ремесленником, государственным деятелем или торговцем, философом или поэтом. Условия и характер бытия отдельных индивидов оказываются различными. Соответственно и их личная судьба оказывается различной не только в силу тех или иных естественных причин, но и социальных условий их бытия. В общест-

вешной жизни действуют не некие «усредненные» индивиды вообще, а реальные люди. Именно поэтому терпели крушение те Robinsonады, которые пытались выдать искусственно созданную и исторически ограниченную схему отдельной личности за «человека вообще», через которого якобы можно понять все общество.

Критика истории — это повседневный медиум общественной жизни, а стало быть, сама она является моментом истории, от которого не может уклониться объективный исследователь. Однако вопрос состоит в том, как, каким образом эта критика должна включаться в научную интерпретацию истории. В случае, когда социальные представления и цели терпят крушение, обнаруживается их несоответствие закономерности в истории, их «субъективный» характер, неизбежность их видоизменения, «отрицания» обстоятельствами. В случае, когда цели успешно осуществляются, они становятся творческим фактором истории, а стало быть, ведут к изменению действительности, «обстоятельств».

Здесь историческая практика проявляет свою диалектичность, свою историческую относительность и одновременно абсолютность в качестве того критерия, с помощью которого идеи соотносятся с действительностью. «Точка зрения жизни, практики,— писал В. И. Ленин,— должна быть первой и основной точкой зрения теории познания. И она приводит неизбежно к материализму... Конечно, при этом не надо забывать, что кри-

терий практики никогда не может по самой сути дела подтвердить или опровергнуть *полностью* какого бы то ни было человеческого представления. Этот критерий тоже настолько «неопределенен», чтобы не позволять знаниям человека превратиться в «абсолют», и в то же время настолько определенен, чтобы вести беспощадную борьбу со всеми разновидностями идеализма и агностицизма»¹.

«Критика истории» имеет объективный смысл лишь тогда, когда она исходит из понимания конкретных объективных условий и закономерностей данного этапа исторического развития и утверждает новые, более прогрессивные формы общественной жизни в противовес старым, отживающим. В этом смысле научная критика противостоит всем формам субъективизма.

Субъективизм может выступать в форме личных пристрастий и предрассудков. Ими полны исторические свидетельства, разного рода мемуарная литература. Явление нередкое, когда одному и тому же деятелю даются противоположные характеристики представителями одних и тех же социальных групп. С аналогичным явлением приходится сталкиваться и в оценках отдельных событий. Более сложный характер имеет социальный субъективизм, который определяется положением не отдельной личности, а класса, социальной группы в реальной связи событий. Коль скоро общественный класс, его политика утрачивают объективно прогрессивный

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 18, стр. 145—146.

характер, идеологи этого класса оказываются вынужденными теоретически оправдывать такие социальные действия в истории, которые уже не могут быть оправданы с позиций ее объективных закономерностей, диалектики общественного развития.

Субъективизм в интерпретации истории преодолевается в ходе общественной практики, в противоборстве различных политических направлений и тенденций.

По отношению к ставшей истории аналитик может сказать, как конкретно складывалось то или иное историческое изменение, какие события явились манифестацией глубоких социальных сдвигов. По отношению к становящейся истории, до тех пор пока победа одной из многих тенденций еще не превратилась в реальный факт, аналитик нередко теряется в догадках, фиксирует различные, порой противоположные, возможности хода событий. Это объясняется динамизмом истории, ее зависимостью от способности различных социальных сил оказать свое воздействие на формирование того или иного события.

Общественная практика и определение исторической перспективы

1

Иррационализм как предпосылка общественной практики

Утверждение буржуазных общественных отношений, перерастание домонополистического капитализма в империалистическую стадию развития получают субъективное отображение в буржуазной мысли в виде оправдания духовного переворота в общественном сознании, утверждения нравственных, культурных, практических начал, означающих коренной разрыв с рационалистическими принципами, которыми руководствовалось буржуазное просвещение. Этот разрыв фиксируется в форме противопоставления Диониса и Аполлона, древнегреческих богов, в которых, по мысли буржуазных теоретиков, в аллегорической форме отображаются главные духовные движения новейшего времени.

Дионисическое начало рассматривается при этом как доминирующее, определяющее практическое отношение современного человека к действительности, его волевой порыв, в основе которого в принципе не может лежать абсолютная рациональная предпосылка.

Интерпретация нового практического от-

ношения человека к действительности сфокусирована прежде всего на социальную сферу — сферу отношения человека к человеку, народа к народу, элиты к массе. Именно в этой сфере прежде всего и разрушаются, как искусственные схемы, все нравственные законы, основанные на признании социального разума, полагающего принципиальное равенство людей. Это затрагивает не только просветительские, демократические, либеральные, но и христианские доктрины, как якобы нацеленные на утверждение нравственных прав слабого перед сильным, консервирующие внутреннюю болезнь общества, препятствующие его реальному оздоровлению.

- Практическое отношение к действительности рассматривается теперь как принципиально *селективное* по своему характеру, при котором предпочтение отдается наиболее сильному. В соответствии с этим селективным принципом осуществляется переоценка всех норм нравственности, права, справедливости.

Особое значение приобретает оправдание субъективизма, признание «неистинности» объективной действительности, ее «ничтожности» по сравнению с духом, его способностью творить действительность в соответствии с собственными определениями. Свободное творчество, не подчиненное каким-либо объективным законам, рассматривается при-сущим действительности. Материя здесь — лишь материал, момент в деятельности субъекта. Субъект полагает себя в качестве при-

чины постольку, поскольку он свободен, активен.

Но если это творчество — результат свободного самоопределения субъекта, то история развивается произвольно. В действительности история менее всего поддается произволу. Напротив, наблюдается неизбежное приведение целей людей в соответствие с объективной необходимостью истории. Это отмечал еще Гегель.

В гегелевской философии истории, в которой гениально угадывается исторический характер субъекта, качественные сдвиги в истории относятся к сдвигам в области духа, следующего не произволу, а объективной логике Идеи. Гегель пытался проследить действие духа в качестве главной детерминанты развития человечества как родового целого. Именно поэтому для него особую значимость приобретает вопрос о том, соответствуют ли представления данного народа идее, как конституирующей силе формирования человеческого рода. Не субъективные цели, а идея дается в качестве творящей, каузальной силы, а история обретает внутреннее единство. Гегель улавливает тот кардинальный факт, что человек выступает в качестве каузальной силы, определяющей ход мировой истории, лишь в том случае, если он является моментом более высокого целого, выходящего за рамки случайных индивидуальных целей и устремлений. Гегель полагает это более высокое целое как дух, который через идею получает свою действенную силу и практическое воплощение.

В этом выводе Гегеля содержится глубокая догадка о специфике исторического детерминизма и вместе с тем получает свое классическое выражение иллюзия, будто в духе сублимируется общий родовой интерес человека, находящий выражение в религии, искусстве, философии, государстве. И это не просто заблуждение, а выражение устремления тех классовых общественных и духовных сил, которые еще могли представить себя в качестве общечеловеческих, общенародных, всемирно-исторических. Это вместе с тем своеобразное отображение того этапа развития истории, на котором существовавшие в тот момент разделение труда и классовая дифференциация воспринимались как выражение «исторического разума». Поэтому реальному социальному различию Гегель еще оказывается способным противопоставить не реальную социальную общность, а общность духовную, как соответствующую природе «абсолютного разума».

Во второй половине XIX века и в XX веке наблюдается кардинальный отход буржуазной идеологии от гегелевского рационализма, введение иррационалистических посылок в качестве исходного момента толкования исторической активности человека, ассимиляция тезисов религиозных учений Востока, придание им своеобразного активистского смысла.

Буржуазная философия и социальная мысль в XX веке интерпретируют социальное действие вообще по преимуществу как сферу субъективного целеполагания, не за-

висящую от объективной исторической необходимости, требований общественного прогресса. Такие философы, как, например, Карл Поппер, утверждают, что история вообще не имеет какого-либо смысла, помимо того, который мы ей сами придаем¹. Поппер фактически прокламирует произвол общественных целей, оправдывая социальный субъективизм.

С другой стороны, в качестве объективной предпосылки социального действия называется не исторический разум, а «зов» исторической судьбы. Под эту интерпретацию подводится теоретическая база путем выделения «фундаментальных качеств» отдельных народов, рас, якобы призванных своим массовым действием превратить «зов судьбы» в историческую действительность.

Поскольку буржуазная мысль пытается отождествить узкоклассовую политику с народным или национальным интересом вообще, она наделяет ту или иную нацию, расу, тот или иной народ *особыми* качествами. В новом идеологическом оформлении возникают представления о народах-избранниках, об исключительности их судьбы. В качестве ключевой становится проблема выявления внутренних психологических духовных истоков, которые обуславливают историческую судьбу народа. Прокламируется некое «коренное» духовное обновление, возврат к «изначальным» элементам «юности», дающей якобы импульс новых жизненных сил.

¹ См. К. Popper. Open Society and its Enemies. Princeton University Press, 1950.

В силу неопределенности и темноты так называемых «изначальных элементов», которые призваны играть роль фундаментальных предпосылок исторического действия, они обретают характер предчувствий, внутренних, невыразимых импульсов, оказывающихся «тайной», попятной и доступной только избранным, своеобразной «высшей мудростью», о которой следует хранить благоговейное молчание, но которая приносит действенный практический успех, если признается в качестве непререкаемой и не подконтрольной разуму истины.

Отказ от абсолютности человеческого разума, признание его «некорректности» мотивируются ссылкой на включенность исторического сознания в историю воздействий. Характерны в этом отношении позиции западногерманского философа Гадамера, изложенные в его работе «Истина и метод»¹.

Гадамер в сущности исходит из того, что деятельность людей в истории обусловлена не столько разумным постижением объективной действительности, сколько традицией, которая формируется под воздействием авторитета и может включать в себя различные предрассудки. В этом смысле Гадамер и противопоставляет разумному познанию, критическому отношению просвещения к предрассудкам так называемое «понимание», считающее, что предрассудки индивида, много больше чем его суждения, составляют историческую действительность.

¹ См. *Gans Georg Gadamer. Wahrheit und Methode. Tübingen, 1960.*

Иными словами, поскольку отношение человека к действительности опосредовано традицией, то понимание выступает как явление, выходящее за рамки верифицируемого научного знания и его методов. Оно оказывается своеобразным практическим импульсом, определяющим направленность воли, ее стремление к действию и господству.

Здесь мы сталкиваемся с категорическим утверждением тезиса, согласно которому рационально обоснованное, научное, свободное от традиционных предрассудков историческое мировоззрение, опосредующее практическое отношение человека к действительности, невозможно в принципе. Однако это утверждение отталкивается от анализа исторических традиций, включающих в себя мировоззренческие предрассудки. «Истинность» предрассудков и опирающейся на них традиции мотивируется лишь единственным достойным рассмотрения аргументом, а именно по их «необходимостью» в практической жизни человека, находящегося в медиуме истории.

Однако здесь встает другой вопрос, а именно: является ли сама эта необходимость универсальной, действующей на всех этапах всемирной истории, в любых социальных условиях? Действительно ли общественное регулирование поведения людей всегда требует традиции, опирающейся на предрассудки в той или иной форме, на постулаты, которые находятся *перед* разумом и должны *господствовать* над ним и его выводами? Утвердительный ответ на этот вопрос не может

получить какого-либо убедительного теоретического обоснования.

Уже мысль просвещения отмечала тот факт, что существует *плюрализм* религиозных доктрин, которые с одинаковым пафосом и фанатизмом прокламировали в качестве абсолютного один-единственный образ жизни. Все религиозные доктрины имели *равное* основание для утверждения своей абсолютности, в силу чего нельзя было признать абсолютной ни одну из них.

Скептицизм выступал как естественное следствие широкого знакомства с исторически сложившимся плюрализмом образа жизни различных народов. Однако позиция скептицизма никогда не была достаточно прочной в силу практической потребности строительства образа жизни народа, а вместе с тем и признания для каждого индивида определенных норм и правил поведения в качестве абсолютных, ибо, как казалось, без этого нельзя было эффективно регулировать правовые и нравственные отношения в обществе.

Поскольку религиозная мысль создавала своеобразную сетку ориентаций общественного поведения индивида, в той или иной степени соответствующую запросам общественного развития, она (эта сетка) канонизировалась как абсолютная и в то же время подкреплялась целой системой наказаний и поощрений. Так складывается система социальных традиций, привычек, представлений и взглядов, которая воздействует на поведение каждого индивида в обществе. И в

этом случае начинает вступать в силу социально-психологический фактор общности воззрений и поведения социального целого.

С другой стороны, реальные исторические факторы и развитие научного знания подрывают те самые религиозные принципы, которые субъективно воспринимаются как абсолютные.

Философский идеализм, исторически возникавший в условиях кризиса «примитивных» религиозных верований, предлагал более интеллектуальную, более рафинированную систему социальных ориентаций. Отвергая ту или иную конкретную религию, предлагая те или иные пути ее модернизации, он, однако, не порывал с ее исходными принципами, ибо так или иначе, в той или иной форме исходил из необходимости экстраполяции вечных принципов, вечных идей на историческую жизнь в целом, поведение каждого человека в частности. «Истинный образ жизни» в истории здесь понимается как ориентация, как движение к вечным принципам, идеям, ценностям, а стало быть, и сама история и путь каждого конкретного человека в истории рассматриваются либо как осуществление этих вечных абсолютных принципов, либо как отклонение от них, а стало быть, и от «истины».

Буржуазная идеология объективно не может выйти за рамки проблемы формирования духовной общности людей в условиях классового антагонизма. Она полагает эту общность не на основе исторического разума, а на основе общности иррациональных пред-

посылок, включающих в себя предрассудки и духовные традиции, на них основанные.

Такого рода мировоззренческое основание ведет к формированию типов поведения людей и их жизненных установок, опосредованных предрассудками, составляющими стержень «внеклассовой» идеологии, служащей целям духовной консолидации. Прокламируемый в качестве «истинного» тип мышления и поведения формируется не в результате научного анализа исторической эпохи, выступает не как естественный результат ее теоретического постижения, а как следствие заранее заданной потребности или социальной установки, вырастающей из целей господствующего класса. Если эта потребность или цель остается за пределами теоретического анализа, то сам процесс формирования неадекватных типов поведения и мировоззренческих установок выглядит просто как специфический феномен исторической действительности вообще, а то и как неустрашимый компонент отношения человека к миру.

Поиск пути в истории становится важной, кардинальной проблемой, на решении которой сосредоточены духовные силы идеологов буржуазного общества.

Если учитывать огромную работу, осуществленную критической мыслью, то сейчас уже очевидны многие кардинальные, теоретические слабости религиозных и идеалистических построений. Однако вплоть до рождения материалистической диалектики проблема критики религии и идеализма скорее представлялась лишь как теоретическая, а не

исторически-практическая задача. И в этом состояла одна из слабостей критической мысли домарковского материализма.

Старый материализм противопоставляет религии природного, естественного индивида, и в этом смысле он не преодолевает абстрактного, неисторического подхода к человеку. Действительная социальная сущность человека при таком подходе в лучшем случае подменяется его абстрактно-родовой сущностью. Индивиды здесь предстают лишь как мужчины, с одной стороны, и женщины — с другой, как родители и дети. Иными словами, человек становится в ряд с другими биологическими особями и видами и в этом смысле, как и последние, не нуждается не только в религии, но и в философии вообще.

Однако коль скоро за исходное берется исторический человек, вышедший за пределы бессознательного отношения к своему природному и социальному окружению, то становится понятной действительная, объективная необходимость таких духовных форм, отталкиваясь от которых он строит свое поведение, свой образ жизни, свою культуру.

Вопрос об «истинности» этих духовных форм оказывается связанным с их функциональным соответствием экономическим и социальным отношениям, в которых организованные в общество индивиды осуществляют свое движение в истории. Стало быть, и их изменение связано с глубокими историческими преобразованиями тех общественных отношений, на основе которых они сформировались. Вот почему вслед за теоретиче-

ским раскрытием несостоятельности тех или иных религиозных и философских догматов не следует автоматически их исчезновение в общественном сознании. Этим также объясняется и то обстоятельство, что духовные сущности, относящиеся к сфере нравственных и культурных ценностей, нередко воспринимаются как надындивидуальный, неприродный и неисторический мир, имеющий свою особую область существования. Для них «не обязательно» иметь аналог в реальной действительности, поскольку они обладают собственной реальностью и могут соответствовать лишь самим себе. Раскрытие истоков этой иллюзии не под силу метафизическому материализму. Лишь конкретно-исторический, диалектический анализ позволяет выявить процессы возникновения особых форм духовного производства, являющихся составной частью функционирования всего общественного организма, а не просто тем или иным заблуждением, исторической ошибкой, продуктом реформаторской деятельности отдельного индивида и т. д.

С точки зрения объективных потребностей социального прогресса человечества в современную эпоху коренные установки буржуазного мирозерцания оказались несостоятельными в самой своей основе. Вакхическое начало в качестве предпосылки практического отношения к действительности развязало самые темные духовные силы, проложило путь распадским и элитарным доктринам, служившим оправданию агрессивных войн, политики геноцида, массового уничтожения лю-

дей. Правственная и культурная деградация, как феномен современной истории, несомненно питается идеями, прославляющими примитивизм и первобытные импульсы, «освобождение» человека от совести и моральных норм.

В этом социальном смысле оправдание иррационализма становится выражением откровенной мракобесной линии духовного воздействия.

Иррационализм оказывается предпосылкой оправдания *сознательного* формирования извращенного сознания как того средства, с помощью которого открываются возможности осуществления реакционной политики. Эта сторона духовной обработки приобретает практически-политическое значение. Речь идет о поиске средств духовного воздействия путем игры на вековых предрассудках, низменных инстинктах, нахождении средств манипулирования сознанием масс.

Социальная теория теперь выступает как рациональное осмысление иррациональных факторов формирования общественной психологии, стереотипов сознания и поведения людей, навязываемых извне мощной пропагандистской машиной, подкрепляемой репрессивным аппаратом. Все более широкое распространение получает псевдонаучная интерпретация смысла мировой истории, национальных традиций, тех или иных этапов исторического развития. Именно такая псевдонаучная интерпретация служит предпосылкой формирования массового извращенного сознания.

При всех конкретно-исторических вариациях реакционные силы пользуются в принципе сходными или одинаковыми приемами и философскими обоснованиями процесса формирования извращенного социального сознания. В арсенале этих приемов, как показывает опыт, определяющую роль играет теоретическое формирование социально-исторической схемы положения, места того или иного народа, региона в современном мире. Эта схема формируется под воздействием целевых установок сил реакции, однако ей придается псевдообъективистский, а порой и наукообразный характер. Для этого активно используются односторонне интерпретируемые реальные факты мировой истории, а также «выводы» и «заклучения» разного рода псевдонаук, расистские и иные теории.

Особую роль в формировании извращенного социального сознания ныне играют доктрины *антикоммунизма*, который превратился в главную социальную установку идеолого-политических изысканий сил современной реакции. Общий механизм формирования извращенного сознания в качестве исходной предпосылки включает в себя переинтерпретацию исторической действительности в зависимости от стратегического курса реакционных сил. Так поворот сил империалистической реакции в сторону политики «холодной войны» в послевоенный период был неразрывно связан с формированием целого ряда социальных предрассудков, которые были призваны «обосновать»

извечную «агрессивность» коммунизма, его «враждебность» свободе, природе самого человека и т. д. И социальная мысль и весь аппарат буржуазной пропаганды были настроены на эту волну, которая служила средством формирования своеобразной «второй» исторической реальности, выдаваемой за историческую действительность. Конечная цель политики в области пропаганды здесь соответствовала политической стратегии, нацеленной на подготовку и развязывание новой мировой войны.

Пропаганде идеи «крестового похода» против коммунизма давался беспрепятственно зеленый свет до тех пор, пока эта идея, как казалось, соответствовала тем средствам, которыми располагала империалистическая политика в послевоенный период. Таким образом, «холодная война» становилась исторической реальностью, превращалась в «традицию», которая обуславливала стереотипы социально-исторического мышления и пропаганды. Историческая перспектива, прочерченная на основе политики «холодной войны», представлялась силам реакции как перспектива «отбрасывания» коммунизма.

Представление о том, будто силы «холодной войны» определяют динамику исторического движения, могло казаться правильным до тех пор, пока воочию не обнаружился *абсолютный* их предел. На самом деле политика «холодной войны» в ее исторической перспективе не вела и не могла вести к «победе» над коммунизмом. Она вела к термоядерному уничтожению цивилизации. Бес-

смысленный конечный результат этой политики обнаруживает и несостоятельность ее исходных теоретических посылок и действительную необходимость коренной ломки ставших «традиционными» стереотипов мышления. Становится очевидным и то обстоятельство, что прокламирование предрассудков и основанных на них традиций в качестве некоего «непреодолимого» компонента отношения человека к миру вообще и к исторической действительности в особенности является реакционным по своему содержанию.

Современная действительность приводит к столкновению передовых принципов с теми установками буржуазной идеологии, которые являются тормозом духовного прогресса человечества, вольно или невольно препятствуют решению назревших исторических задач.

Ответственность в мировой политике ныне неотделима от требований разума. Это — не божественный разум, основанный на гегелевской «абсолютной идее», а разум, осмысливающий реальные объективные требования современного исторического развития, интересов человечества, его дальнейшего прогресса. Инициатива разума — это инициатива передовых общественных сил современности, и прежде всего сил социализма, определяющих перспективы мировой истории.

Исторический опыт XX века наглядно обнаруживает практические последствия волюнтаристических и иррационалистических доктрин, идей «омоложения» цивилизации,

возврата к так называемым «праэлементам», которые выдвигались в качестве противоядия главным объективным тенденциям исторического развития, возрастанию роли народных масс, исторической миссии рабочего класса.

Факты исторической жизни проясняют действительный смысл исходных принципов социального мирозерцания реакционных сил XX века. Само это мирозерцание вырастает на почве соответствующей исторической реальности. Его научная несостоятельность вскрывается не только теоретической критикой, но и движением реальной истории, ее объективной диалектикой. Ход истории в XX веке доказывает неодолимость революционной борьбы масс за социальный прогресс, ликвидацию колониализма, социального и национального угнетения, эксплуатации. Исторический разум стал на деле совпадать с волей и интересами передовых сил современной эпохи.

Мы являемся свидетелями исторического кризиса тех общественно-политических сил, которые исходят в политике из концепций колониализма, расизма, элитарных доктрин и имперских притязаний. В основе этого процесса лежит неуклонное укрепление сил социализма.

То, что буржуазная идеология провозглашает в качестве «истины» истории, ее вечным составным компонентом, обнаруживает свою неистинность в реальном диалектическом, практическом отрицании противоположным, более сильным историческим движе-

нием, на деле определяющим историческую перспективу.

Сознательное воздействие на ход мировых событий диктуется возросшим могуществом человека, тех материальных средств, которые дал в его руки индустриальный, технический, научный прогресс. Опасность термоядерной катастрофы, экономические, экологические, демографические проблемы современности диктуют определенную направленность всей современной мировой политики. И здесь обнаруживают свою несостоятельность те социально-политические установки, которые сложились в условиях безраздельного господства империализма.

XX век по-новому поставил проблему *рациональности* социальных целей. Критерием рациональности выступает соответствие общественных целей объективным требованиям прогрессивного развития человечества.

Вместе с тем создаются и адекватные теоретические предпосылки для действительно-го, а не мнимого, догматического по своему характеру преодоления *нигилизма* в истории как своеобразного практического эквивалента абсолютного скептицизма по отношению к общественным установлениям, нормам и ценностям.

Исторические формы *нигилизма*, от первых циников до современных проповедников так называемой «контркультуры», представляют образцы примитивов, которые, при всем их историческом разнообразии, характеризуются общим устремлением к попятному движению от достигнутого уровня соци-

ального, духовного, культурного развития человечества. Это попятное движение прокламируется как действенное средство всеобщего духовного подъема, преодоления социальных противоречий, рожденных на том или ином этапе развития цивилизации. Однако оно не разрешает существующих социальных противоречий, так как не дает действительной позитивной перспективы формирования общественных отношений нового типа. Движение нигилизма неизбежно становится ограниченным анклавом в общем историческом прогрессе человечества ко все более высоким формам общественного развития. Направляя свой критический пафос против, казалось бы, конкретных проявлений «абсурдности» сложившихся традиций, обычаев, а также мира вещей, созданных человеком и подавляющих его «естественные» духовные стремления, нигилизм скользит по поверхности социального уклада, оказываясь обратной стороной консерватизма, утверждающего правомерность и истинность всего существующего.

И нигилизм и консерватизм идут к действительности от субъективных представлений, принимающих конкретное практическое, вещное выражение, а не от анализа действительной исторической диалектики. И в этом смысле они не выходят за пределы идеалистической традиции в философии истории, являясь формами духовных проявлений антагонистического общества.

Качественное изменение формы исторического развития, в соответствии с материали-

стическим пониманием истории, оказывается возможным лишь тогда, когда вызревают объективные условия для сознательного формирования не только образа жизни отдельных индивидов, но и объективных экономических предпосылок всей их жизнедеятельности. Овладение историческим детерминизмом является предпосылкой позитивного исторического творчества народных масс в истории.

В классовом антагонистическом обществе социальные отношения складываются в качестве побочного продукта деятельности масс. Отсюда вытекает представление, будто движение цивилизации определяется религиозными, правовыми, идеологическими принципами, специфическими особенностями культуры, а история — это продукт строительства цивилизации элитой, которая выступает как особая творческая сила. В условиях преодоления социального антагонизма открываются качественно новые возможности сознательного строительства общества самими массами в соответствии с познанными объективными законами общественного развития. Именно в этих условиях и может идти речь о позитивной исторической инициативе народных масс в строгом смысле этого слова.

Историческая инициатива масс формируется в процессе классовой борьбы, глубоких социальных преобразований, меняющих и обстоятельства и характер человеческой деятельности.

Совпадение изменения обстоятельств и человеческой деятельности, подчеркивал Маркс, может рассматриваться и быть рационально понято только как *революционная практика*¹.

2

Рациональные предпосылки революционной практики

Деятельность человека рассматривается идеалистической философией как деятельность вообще, практическая или мыслительно-теоретическая. Тем самым она утрачивает свой реальный исторический смысл, обретая иллюзорный, абстрактно-всеобщий характер. Но в действительной истории не существует деятельности вообще, как не существует человека вообще. Коль скоро философия исходит из абстракций, не имеющих реальных оснований, историческим ее эквивалентом оказывается идеология, обретающая конкретно-исторический, классовый характер. Идеология в конечном счете переводит на практический язык абстракции философии. Вместе с тем и конкретный субъект истории получает импульс, определяющий главные направления жизнедеятельности, которые обретают видимый характер «вечных измерений» истинного образа жизни.

Марксистско-ленинская теория позволила преодолеть абстрактные представления о

¹ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные произведения в трех томах, т. 1, стр. 2.

человеке вообще и народе вообще, раскрыв прямую зависимость социального состава народных масс от уровня общественного развития, а стало быть, и характера классового расслоения общества. Конкретно-исторический подход позволяет понять решающую роль народных масс в истории, вскрывает характер исторической деятельности классов в тех или иных конкретных социальных условиях, а также и их роль в изменении системы общественных отношений, в процессе революционной борьбы.

Идентичность условий жизни и деятельности отдельных индивидов предопределяет общность их объективных потребностей, интересов.

Общими оказываются и те цели, которые они ставят перед собой. Изменение индивидуальной ситуации, и только ее одной, не влечет за собой изменения социальной ситуации.

На различных этапах общественного развития формирование социальных целей в качестве лейтмотива общественной деятельности происходит различным образом. Если формулирование социальных целей облекается в абстрактную форму, не затрагивает системы общественных отношений, характера общественного производства, естественно нельзя говорить и об их адекватности. Формирование адекватных исторических целей не дается в качестве готового результата. Оно выступает как процесс.

Рассмотрение условий, при которых идеологические предпосылки оказываются *рацио-*

нальными, соответствующими конечным результатам революционной практики, занимает в теории марксизма *важнейшее* место. Маркс и Энгельс самым тщательным образом исследовали опыт революции 1848 года, соотношение лозунгов различных партий с действительным ходом общественной борьбы, ее итогами. Этот анализ полностью подтвердил правильность материалистического понимания истории.

Люди, отмечал Маркс, сами делают свою историю, но они ее делают не так, как им вздумается, при обстоятельствах, которые не сами они выбрали, а которые непосредственно имеются налицо, даны им и перешли от прошлого. Практическая деятельность людей, в зависимости от исторических условий, по необходимости приобретает объективно различный смысл, даже если она осуществляется под флагом тех же идеологических символов. К этому выводу приводит Маркса сопоставление первой французской революции и революции 1848 года.

Великая французская революция двигалась по восходящей линии. В ней за господством конституционалистов следует господство жирондистов, а за господством жирондистов — господство якобинцев — самой смелой партии буржуазной революции. В революции 1848 года события разворачиваются в обратном порядке. Мелкобуржуазная демократическая партия изменяет пролетарской партии и способствует ее поражению, опираясь на плечи буржуазно-республиканской партии. Буржуазные республиканцы сбрасывают мелкобур-

жуазных демократов, опираясь на партию порядка. Партия порядка, объединявшая орлеанистов и легитимистов, с помощью вооруженной силы, устраняет республиканцев и в конечном счете сама оказывается на штыках. Наступает торжество бонапартистского «порядка».

Все классы и политические партии того времени, вступая в борьбу, рассчитывали на успех. При этом каждая партия рассчитывала на осуществление своих лозунгов, которые, как показала практика, оказывались различными, хотя первоначально их объединяло общее стремление к низвержению монархии.

На исторической поверхности борьба между партиями разворачивалась как борьба между различными *принципами*. Французский пролетариат, завоевавший республику с оружием в руках, провозгласил ее *социальной* республикой. Однако реальная власть оказалась в руках политических сил, интересы которых объективно находились в противоречии с требованиями пролетариата. Требования пролетариата воспринимались буржуазными силами как выражение анархии, противоречащей социальному *порядку*. Иллюзии пролетариата об общей социальной республике разбивались под ударами контрреволюции, а доктринерские эксперименты терпели неудачу.

Мелкобуржуазная гора воспринимала действительность со своей собственной колокольни, представляя дело таким образом, что она ведет борьбу с «реакцией вообще», отстаивая

республику и *«вечные права человека»*. По-
терпев поражение, демократы были вынужде-
ны пойти на сближение с рабочими. Однако
эта *«Новая гора»* стремилась превратить в
гармонию антагонизм между капиталом и на-
емным трудом, и на этом стремлении бази-
ровалась ее иллюзия, будто социальные
условия освобождения мелкой буржуазии
являются *общими* условиями социальной
гармонии, обеспечивающими устранение
классовой борьбы и спасение общества.

Легитимисты и орлеанисты, объединенные
в партию порядка, интриговали друг против
друга, щеголяли в монархических нарядах.
Однако в действительности они выражали
интересы крупной земельной собственности,
с одной стороны, и финансового капитала, с
другой, а не *монархии как таковой*.

Таким образом, идеологические лозунги
всех классов и партий имели иллюзорный
характер, не были адекватным отображени-
ем их *действительных* социальных позиций.
Причем эти заблуждения рассеивались под
воздействием революционной практики. Но
эта практика сама по себе еще не создавала
адекватной *теории*, которая определила бы
объективное положение каждого класса в
истории, а вместе с тем создала бы предпо-
сылки для формирования адекватных истори-
ческой ситуации лозунгов борьбы.

Формирование научной социальной теории,
раскрывающей *объективные* закономерности
экономического и социально-политического
развития, главные тенденции исторического
развития, позволяет увидеть реальный смысл

и конечный результат классовой борьбы, понять действительное значение различных идеологических лозунгов. При этом нередко реальное положение общественных классов оказывается противоположным тому, как оно рисуется в воображении идеологов этих классов.

Научный анализ обнаруживает объективную идентичность, общность интересов, направленности социальных действий буржуазии, средних, мелкобуржуазных классов и пролетариата. Не случайно марксистский анализ оказался актуальным как по своей методологии, так и по результатам в тех исторических условиях, которые, как представлялось, были далеки по времени от событий 1848 года, однако воспроизводили ту же социальную структуру, а стало быть, и те же исторические тенденции.

Научный анализ позволяет понять и причины поражения революции в условиях, которые объективно обеспечивали победу буржуазного порядка. Эти причины вместе с тем обуславливали и объективную слабость феодального строя даже в том случае, когда его политические основания казались чрезвычайно прочными. Это действие глубинных сил истории определяют ее, на первый взгляд неожиданные, крутые повороты. В этом отношении огромный научный интерес представляет классический анализ положения дел в Австрии накануне революции, сделанный Фридрихом Энгельсом.

Характерно, что в то время монархия порой чувствовала себя прочно сидящей в сед-

ле истории. И это ощущение базировалось не просто на наивно-оптимистическом взгляде на действительность, но, в известном смысле, на вполне трезвом расчете. Несмотря на первую французскую революцию, монархические режимы после разгрома армии Наполеона могли рассматривать свое положение как стабильное. Наполеон был сослан на остров св. Елены и умер там. Теперь, вроде бы, ничто не угрожало мощи феодальных империй, если рассматривать вопрос в международном плане. Ощущение стабильности подкреплялось продолжительным миром, наступившим после 1815 года. Кажущаяся невозможность падения такой тысячелетней империи, как Австрия, отмечает Энгельс, необычайно увеличила кредит правительства Меттерниха и даже доставила ему независимость от венских банкиров и биржевиков.

Правительство Меттерниха проводило искусную политику и внутри страны. Оно связывало каждую из наций, входивших в империю, с помощью других наций, держа их всех в узде. Оно опиралось на дворян-землевладельцев, которые не могли не поддерживать правительство, защищавшее их от крестьян. Крупные капиталисты — биржевики также были прикованы к правительству огромными суммами денег, которые они вложили в правительственные бумаги. Обеспечивая барыши банкирам, абсолютизм вместе с тем стал полным хозяином их личности и имущества. Таким образом, наиболее могущественные классы Австрии не были в оппозиции правительству. С другой стороны, абсолю-

тизм держал в своих руках такое мощное политическое оружие, как гражданское чиновничество и офицеры армии, служившие из поколения в поколение императору.

Однако стоило 24 февраля 1848 года разразиться революции во Франции, как 13 марта, то есть буквально через три недели, рухнула власть Меттерниха в Вене.

Дело в том, что в Австрии, как и в большинстве стран Европы, объективно происходили глубинные процессы, которые не мог остановить Меттерних, хотя в его руках была сосредоточена огромная власть; и, несмотря на всю изощренность его политического интеллекта, все более возрастало влияние промышленной и торговой буржуазии, интересы которой приходили в противоречие с феодальными устоями. Размывались крепостные устои и формировался новый класс — пролетариат. Всеобщее стремление к реформам затрагивало и наиболее просвещенную часть чиновничества. Школьные учителя, ученые приходили в противоречие с невежественным духовенством. Так формировалась *всенародная* оппозиция абсолютизму, которая сделала победоносной армию революции, перед которой стушеввалась кучка биржевых спекулянтов и дворян.

Победа восстаний в Париже, Вене и Берлине, однако, послужила прологом не развития революции, а наступления контрреволюции, главная характерная черта которой состояла в утверждении *буржуазного порядка*, означавшего подавление трудящихся классов, пришедших в политическое движение, для

чего буржуазии потребовались не только свои собственные силы, но и репрессивный аппарат старого строя, и все средства духовного закрепощения масс. Это был процесс конституирования, закрепления буржуазного строя, безжалостного подавления тех сил, которые выступали против него. Укрепление буржуазного порядка в XIX веке явилось и предпосылкой его *общего социально-политического ослабления*, организации тех сил, которые противостоят ему.

Как отмечал Маркс, буржуазия уже в XIX веке правильно поняла, что все виды оружия, выкованные ею против феодализма, обращались своим острием против ее самой, что все созданные ею средства просвещения восставали против ее собственной цивилизации, что все сотворенные ею боги отреклись от нее. Утверждение буржуазного способа производства, буржуазной диктатуры выступает на поверхности как контрреволюция, как борьба против принципов свободы, равенства и братства, под флагом которых осуществлялись антифеодалные революции. В своем последовательном осуществлении эти лозунги вели к действительному политическому господству пролетариата в союзе с другими трудящимися массами и низвержению последнего в истории эксплуататорского класса. Но поскольку для такого низвержения в XIX веке не созрели еще все необходимые объективные условия, буржуазия одерживает победу над пролетариатом, а революция развивается не по восходящей, а по нисходящей линии. В работе «Классовая борьба во

Франции» Маркс подчеркивает роль общей экономической ситуации для конечного исхода классовой, политической борьбы. «При таком всеобщем процветании, — пишет он, — когда производительные силы буржуазного общества развиваются настолько пышно, насколько это вообще возможно в рамках буржуазных отношений, о действительной революции не может быть и речи. Подобная революция возможна только в те периоды, когда *оба эти фактора, современные производительные силы и буржуазные формы производства, вступают между собой в противоречие*. Бесконечные распри, которыми занимаются сейчас представители отдельных фракций континентальной партии порядка, взаимно компрометируя друг друга, отнюдь не ведут к новым революциям; наоборот, эти распри только потому и возможны, что основа общественных отношений в данный момент так прочна и — чего реакция не знает — так *буржуазна*. Все реакционные попытки затормозить буржуазное развитие столь же несомненно разобьются об эту основу, как и все нравственное негодование и все пламенные прокламации демократов. *Новая революция возможна только вслед за новым кризисом. Но наступление ее так же неизбежно, как и наступление этого последнего*»¹.

Впоследствии, в 1895 году, во введении к работе Маркса «Классовая борьба во Франции» Энгельс осуществляет своего рода сопоставление теоретических выводов марксиз-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Собр. соч., т. 7, стр. 100.

ма, сделанных в середине XIX века, с реальным ходом истории почти за столетие.

Он отмечает, что, несмотря на неблагоприятные условия в смысле отсутствия достаточно точной статистики, учета всех моментов экономического положения, анализ Маркса выдержал испытание временем. Благодаря своему точному знанию как экономического положения Франции накануне Февральской революции, так и политической истории этой страны после Февральской революции, отмечал Энгельс, Маркс смог дать такое изложение событий, которое вскрывает их внутреннюю связь с непревзойденным до сих пор совершенством.

Верным оказался и вывод Маркса, что все виды оружия, выкованные буржуазией в борьбе против феодализма, обернулись против ее самой. Энгельс анализирует громадный рост рабочего движения, его организованности, усиление влияния Интернационала. В этих условиях партии рабочего класса все более успешно использовали избирательное право, буржуазно-демократические свободы в качестве оружия против классового господства буржуазии. Энгельс вместе с тем отмечает двойственную роль средних слоев. Народ, отмечал он, выступает разделенным, и простого повторения ситуации 1848 года уже не будет. Буржуазия как класс, по мысли Энгельса, вынуждена все чаще выступать против законности, поскольку законность выступает против ее классовых интересов. В этих условиях рабочий класс в борьбе за свои интересы должен применять все более совер-

шенную и гибкую тактику, используя различные формы борьбы.

В XX веке европейская буржуазия практически повсеместно вынуждена идти на ограничение буржуазно-демократических свобод, поскольку возрастает влияние рабочего класса и его партий. Больше того, в Германии, Италии, Испании, Японии и других странах была установлена открытая террористическая диктатура.

Здесь мы сталкиваемся с оригинальным явлением, природа которого была вскрыта Марксом в середине XIX столетия, — с использованием иллюзий средних классов для формирования политической диктатуры, которая острием обращается против трудящихся.

Развитие крупной промышленности ставит в отношении антагонизма два основных класса — буржуазию и пролетариат. В этих условиях ремесленники, мелкие торговцы, крестьяне, имеющие собственную parcelлу, средние хозяйчики попадают в промежуточное положение между двумя основными классами, составляя вместе с тем значительную долю населения капиталистических стран, а в некоторые исторические периоды — большинство. Эти слои объективно находятся в таком положении, что их *бытие* неустойчиво. Это получает отображение в их сознании в виде разного рода доктрин, обещающих *всеобщее* спасение, но на деле оказывающихся иллюзорными. Вместе с тем иллюзии, поскольку они становятся массовыми, могут воздействовать на складывание и исход исторических событий.

Анализируя исторические обстоятельства, обусловившие успех государственного переворота Луи Бонапарта 2 декабря 1851 года, Маркс обращал на эту сторону вопроса особое внимание. Он отмечает, что Луи Бонапарт — представитель класса, и притом самого многочисленного класса французского общества, представитель парцелльного крестьянства.

Парцелльные крестьяне в силу своей раздробленности, отсутствия политической организации, выражающей их интересы, неуклонного процесса обнищания, разорения нуждаются в политической силе, находящейся над ними и защищающей их от других классов. У них возникла иллюзия, что Луи Бонапарт и является такой силой, поскольку с именем его дяди в сознании широчайших масс крестьянства было связано получение земли. Период, казавшийся им героическим и вместе с тем полным надежд и оптимизма, поскольку сама парцелла — основное условие их существования — была еще молода и не подверглась тому процессу начинающегося распада, который обнаружился в середине XIX столетия.

Иллюзии парцелльного крестьянства привели к власти Луи Бонапарта.

Луи Бонапарт, поскольку он не принимал всерьез напыщенное фразерство буржуазных партий, был свободен от парламентского кретинизма, одержал победу в борьбе за власть. После этой победы он принимает всерьез свою императорскую роль, воображая, как отмечал Маркс, себя под наполеоновской маской

действительным Наполеоном, и становится жертвой своего собственного мировоззрения. Пытаясь играть роль патриархального благодетеля всех классов, Бонапарт в действительности был вынужден играть на противоречиях между классами, в силу чего вся его деятельность обретала характер противоречивых действий, действий паугад, ощупью. То унижая, то привлекая различные классы, он тем самым теряет действительное доверие всех классов. Кажущаяся всемогущественной, его власть в действительности оказывается весьма непрочной, что и было наглядно доказано самой историей.

В XX веке в развитых капиталистических странах усиливается разложение старого крестьянства, упрочиваются позиции организованного рабочего движения. В этих условиях происходит сужение социальной базы буржуазной диктатуры. В силу этого буржуазия вынуждена идти и по пути усиления политической реакции, и по пути усиления своего идеологического воздействия на массу, используя для этого реформистские уступки и различные формы массированного духовного воздействия с целью разложения классового самосознания рабочего движения. Особую роль приобретает эксплуатация колоний и полуколоний для поддержания внутреннего равновесия в капиталистических странах.

Именно в этих условиях наблюдается своеобразный ренессанс реформистских иллюзий, надежд на то, что капиталистический Запад найдет некий «третий» путь развития,

лежащий в стороне от исторической необходимости революционных социалистических преобразований. Эти иллюзии оказали и оказывают свое немалое воздействие на общую обстановку в рабочем движении.

Исторические изменения, ведущие к коренному преобразованию отношений собственности и классовой структуры общества, становятся реальностью тогда, когда общественные классы самой силой обстоятельств подталкиваются к их осуществлению. Вот почему помимо теоретического выяснения исторической необходимости смены общественной формации научное исследование обращается к реальной истории, где эта необходимость прокладывает свой путь через сложнейшие повороты борьбы классов, меняющегося соотношения сил между ними.

Если общие выводы теории бездумно применяются к изменяющимся историческим ситуациям, то это приводит лишь к компроматации общих выводов науки. Ф. Энгельс саркастически оценивал претенциозную болтовню тех «марксистов», которые полагали, что, усвоив общие положения материалистического понимания истории, они могут уже не изучать действительной истории. На вопрос, что думают английские рабочие о колониальной политике, Энгельс в сентябре 1882 года отвечал: то же самое, что они думают о политике вообще, то же самое, что думают о ней буржуа; рабочие преспокойно пользуются вместе с ними колониальной монополией Англии и ее монополией на всемирном рынке.

Развитие истории может послужить предпосылкой ее субъективного восприятия. При этом субъективное восприятие не обязательно выступает как произвольная фантазия.

Оно может опираться на факты, характер которых обусловлен тем или иным этапом истории и которым придается значение, выходящее за их действительные исторические пределы. Субъективное восприятие истории может быть не только индивидуальным, но и массовым, и в этом случае оно становится фактором формирования событий. Нередко лейтмотивом массовых социальных действий в истории выступали разного рода иллюзии, понятые в этом их качестве лишь позднее.

Многие социальные иллюзии в XX веке (такие, как идеи «государства всеобщего благоденствия», «классового сотрудничества» и другие) так или иначе отталкиваются от особенностей социально-экономического положения развитых капиталистических стран, динамики их классовой структуры. Одновременно они вполне целенаправленно формируются и с помощью социальной политики, выступающей в качестве защитной реакции империализма в условиях углубления его общего кризиса, приспособления к современной обстановке.

Вместе с тем политика, какой бы изощренной она ни была, не может остановить главной исторической тенденции современной эпохи, ведущей к неуклонному ослаблению позиций империализма, углублению его общего кризиса. Но эта политика может осложнить и усложняет условия классовой борьбы,

способствует формированию контрреволюционной идеологии, мелкобуржуазных предрассудков, которые канализируются против социалистических идей, против реального социализма, против достижений революционного рабочего класса. При этом нередко мелкобуржуазные предрассудки выдаются за некую адекватную интерпретацию марксизма, превращаются в самый заурядный реформизм, в либеральную идеологию буржуазного толка.

При империализме формировалась та социальная почва, которая обусловила бешеные нападки не только крайне буржуазной реакции, но и мелкобуржуазных идеологов на Октябрьскую социалистическую революцию, на большевиков, на ленинизм. В сущности это был прямой отказ от исторической инициативы в борьбе за социализм.

Характерны в этом отношении и позиции российских меньшевиков. Осуждая Октябрьскую революцию как якобы «незакономерную», являющуюся результатом «произвольной» акции большевиков, меньшевики рассматривали *свое понимание* необходимости и закономерности в истории как некий императив, которому *должна* следовать история. Это понимание, как отмечал В. И. Ленин, складывалось у них в результате рабской подражательности прошлому. Они исходили из истин, изложенных в учебнике Каутского, доказывали, что Россия не доросла до социализма, что она не имеет для социализма экономических и культурных предпосылок. Согласно их логике, к строительству социали-

зма должны были бы вначале приступить те страны, которые имеют наиболее высокий уровень экономического развития, грамотности и т. д. Действительная же история пошла иным путем, и все доктринеры, шаблонно толкующие марксизм, оказались перед фактом, что история развивается не в соответствии с их «наукой». Их растерянность перед действительными фактами истории была поистине комичной, а лихорадочные попытки спасти свою «науку» путем осуждения большевизма, изображения ленинской теории социалистической революции неким «волюнтаризмом» с каждым шагом истории вперед все более обнаруживали свою полную несостоятельность.

Действительность истории обнажается в том случае, если исследователь адекватно схватывает историческую специфику эпохи, реальное положение общественных классов, которое порой оказывается противоположным тому, как оно рисуется в воображении идеологов этих классов. Движение исторических событий — весьма сложное явление, которое не укладывается в упрощенную схему механистического детерминизма, согласно которой в причине уже должно заключаться и ее следствие. Условия развития одной общественной формации включают в себе объективные возможности возникновения другой. В известном смысле они выступают и как причина возникновения новой, причем определенной формации. Однако только этой потенциальной причины недостаточно для того, чтобы возможность стала действительностью.

Нужна еще практическая деятельность людей, превращающая возможность в действительность.

Цели практической деятельности без реальных возможностей их осуществления недостижимы, так же как и реальные возможности без практической деятельности не превращаются в действительность.

Перемещение центра революционного движения в Россию не изменило ни общей тенденции исторического прогресса, ни общетеоретических выводов марксизма, которые, напротив, получили конкретное подтверждение. Однако видоизменение действительного хода истории сравнительно с догмами псевдомарксистов, считавших свои схемы обязательными для истории, явилось одним из истоков оппортунистической «критики» Великого Октября, меньшевистских попыток доказать его «незаконность» и «несоответствие» выводам марксизма. Догматический стиль мышления был присущ Плеханову в его оценке Октябрьской революции, Карлу Каутскому, Суханову и другим теоретикам, выдвинувшим целый набор аргументов, призванных доказать «незаконность» социалистической революции в России даже после того, как она стала свершившимся фактом. Идея о «незаконпорожденности» социалистического общества получила в субъективном восприятии империалистической реакции вполне определенное преломление, породив широкие «обоснования» правомерности интервенции, политики блокады, агрессии, оголтелого антибольшевизма.

Это восприятие социалистической революции буржуазной реакцией в своих основных чертах сходно с тем, как была воспринята французская революция европейскими монархическими режимами. Как известно, она подвергалась нападкам с позиций легитимизма. Дворянскому абсолютизму представлялось единственно законной формой власти правление «помазанников божиих». Все, что выходило за рамки этого представления, считалось «незакономерным». В XIX веке в буржуазном восприятии истории единственно закономерным полагается строй так называемой «экономической свободы», то есть безраздельного господства частной собственности, вырастающей на ее основе системы буржуазного политического правления.

И в первом и во втором случае изменение субъективного восприятия истории происходит путем вынужденного приспособления к реальности, к постепенной «корректировке» представлений, обнаруживающих свою беспочвенность.

История полна тех, на первый взгляд «парадоксальных», превращений, которые лишь доказывают несоответствие догматического, схематического мышления реальному движению истории. Царская Россия из оплота европейской реакции становится центром революционного движения, а после социалистической революции — базой и оплотом сил социального прогресса и национального освобождения. И если даже наиболее развитые в экономическом отношении капиталистические страны Европы по своим материально-

техническим предпосылкам и месту в мировой эконо­мике, с точки зрения абстрактной теории, были «ближе» к социализму, чем Россия, то в социально-политическом отношении, с точки зрения уровня развития революционного пролетариата и общественных антагонизмов, реальной исторической практики, Россия оказалась *накануне* буржуазно-демократической революции, перерастающей в революцию социалистическую. Действительная история сложилась таким образом, что единственной формой спасения страны от национальной катастрофы стала социалистическая революция, а ее естественным гегемоном — революционный пролетариат, руководимый партией большевиков.

В полемике с мелкобуржуазными доктринерами В. И. Ленин показал, что Октябрьская социалистическая революция — это не произвольный, волюнтаристский акт, а выражение исторической необходимости. Полная безвыходность положения, удесятерая силы рабочих и крестьян, объективно подвела их к социалистической революции, которая позволила вывести Россию из империалистической войны, решить назревшие социальные вопросы, невиданными ранее путями перейти к созданию основ нового общества.

При этом, как подчеркивал Ленин, не изменилась общая линия мирового развития. «...При общей закономерности развития во всей всемирной истории,— писал он,— несколько не исключаются, а, напротив, предполагаются отдельные полосы развития,

представляющие своеобразие либо формы, либо порядка этого развития»¹.

Представление, будто бы общая закономерность — это некая заранее спланированная лесенка, по которой история поднимается с одной ступени на другую в строго установленном порядке, не соответствует действительности. Общая закономерность и ее проявление в истории — это не заранее заданная схема, которой история должна следовать. Действие общей закономерности реализуется практической деятельностью масс, основных классов, их соотношением в обществе. А классы, их политическая борьба вовсе не сумма абстракций, которые можно расположить в установленном порядке. Это живая реальность общественной жизни, практическая деятельность, в которой сочетаются и наука и искусство политической борьбы.

История не подчиняется абстрактным схемам, но она не является и иррациональным сплетением случайностей. Направленность истории диктуется объективными интересами и общественной, революционной практикой класса, находящегося в центре исторической эпохи, составляющего ее главную силу. Именно объективные интересы и вся общественная практика этого класса в конечном счете определяют тенденции социально-политического развития общества. С точки зрения объективного закона развития исторической эпохи становится совершенно очевидным, что все зигзаги истории, все ее повороты, а по-

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 45, стр. 379.

рой и попятные движения в конечном счете не могут противостоять действию главной общественной силы времени.

В. И. Ленин подчеркивал, что все величайшей важности исторические события могут быть правильно поняты лишь при анализе, в первую очередь, объективных условий перехода от одной эпохи к другой. «...В каждой эпохе,— писал он,— бывают и будут отдельные, частичные движения то вперед, то назад, бывают и будут различные отклонения от среднего типа и от среднего темпа движений. Мы не можем знать, с какой быстротой и с каким успехом разовьются отдельные исторические движения данной эпохи. Но мы можем знать и мы знаем, *какой класс* стоит в центре той или иной эпохи, определяя главное ее содержание, главное направление ее развития, главные особенности исторической обстановки данной эпохи и т. д. Только на этой базе, т. е. учитывая в первую голову основные черты различия разных «эпох» (а не отдельных эпизодов истории отдельных стран), можем мы правильно построить свою тактику; и только знание основных черт данной эпохи может послужить базой для учета более детальных особенностей той или иной страны»¹.

Социальная теория, давая точное знание о законах способа производства, показывает, что конкретно может быть достигнуто революционной энергией передового класса на данной ступени исторического развития. Этот

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 26, стр. 142.

подход научной социальной теории (особенно если его сравнивать с широковещательными декламациями мелкобуржуазных идеологов) означает глубочайший переворот в общественной мысли, поскольку он открывает пути точного предвидения социальных последствий общественной практики передового класса.

Поскольку научная теория общественного развития обнаруживает возможность качественного изменения тех основ, на которых покоилась буржуазная цивилизация, то тем самым становится реальной и историческая цель пролетариата — построение бесклассового общества. И средства для достижения этой цели, как, впрочем, и сама цель, выступающая не в виде случайной идеи, а объективной потребности класса, определяющего характер общественной жизни, не даются в готовом виде, а стаповятся, реализуются вместе с развитием, движением революционной практики.

3

Объективная основа определения исторической перспективы

Мысль человека долгое время как бы «замирала» на месте, когда перед ней возникала задача проникновения в перспективу истории. Сложность процессов, множество факторов, определявших исход событий, невольно подталкивали к признанию особых свойств,

необходимых человеку для угадывания того, чему суждено быть. Оракулы, птицегадатели, астрологи становятся фактором принятия жизненно важных решений там, где разум человека пасует перед осмыслением и учетом всех необходимых составляющих исторического события или последствий предпринимаемого действия.

Вместе с тем, как бы параллельно самой этой практике, формируются макроисторические схемы, дающие истолкование движения истории в целом, ее основных этапов. Человеческий разум проявляет здесь гораздо бóльшую смелость и решительность, несмотря на то что, как могло показаться, история в целом содержит гораздо больше случайных моментов, нежели отдельное ее событие. Однако для подтверждения такой схемы необходимо было и больше времени, в силу чего ее создатель мог выступать в привлекательной роли пророка, не рискуя особенно своим авторитетом.

Рождение глобальных схем исторического развития являлось также результатом универсализации исторического опыта, и в этом была их действительная теоретическая сила. Известно, например, что в исторической и философской мысли древних было распространено представление, согласно которому истории присуще циклическое движение. Нельзя не видеть в этом представлении сколка с реального исторического процесса возникновения, достижения апогея могущества и распада конкретных государств, а также смены форм политического правления. По-

сколько многие государственные образования того времени переживали сходную судьбу, то на этом основании делалось общее заключение о циклическом характере исторического движения.

В новых формах это представление воспроизводится в буржуазной философии истории в XX веке. Источник цикличности в развитии общества, культуры находится в аналогиях цивилизации с организмом, который проходит стадии юности, зрелости и старости. Двусмысленность этой аналогии очевидна, ибо общество в каждый момент своего развития представляет собой единство различных поколений.

Наряду с представлениями о циклическом характере исторического развития, возникают попытки осмыслить движение истории с точки зрения ее общей цели, находящейся за пределами самой истории. Яркое, конкретное выражение эта точка зрения получает в христианской мысли. Известны предсказания конкретных сроков «второго пришествия», оказавших немалое психологическое воздействие на общественную жизнь средневековья. Предсказания, однако, не осуществлялись, несмотря на то что многие в то время всерьез готовились к «страшному суду».

Телеологические представления об историческом движении переживают кризис собственно христианских взглядов, обретая более рафинированные, более утонченные формы.

Это выражается в конструировании разного рода субъективистских схем в качестве своеобразного стержня всего исторического раз-

вития. Здесь мы сталкиваемся с весьма распространенной иллюзией, когда та или иная желаемая цель на достигнутом этапе развития истории выдается за ее действительную движущую силу.

Тем самым жизнедеятельность субъекта получает свою направленность не от научного осмысления реальных исторических обстоятельств, а через их предварительное субъективистское философско-идеологическое преломление.

Эта тенденция сохраняет свою устойчивость в буржуазной мысли вплоть до настоящего времени.

Важной теоретической предпосылкой развития философской мысли в толковании истории послужила идея исторического прогресса. Идея исторического прогресса тесно связана с развитием научных знаний, совершенствованием техники и индустрии. Ускоренное развитие науки и техники как бы доводит до степени очевидности ту истину, что история поднимается с одной ступени на другую, а не вращается в круговороте. С другой стороны, возникает критика идеи прогресса, поскольку философская мысль фиксирует противоречие между видимым научно-техническим прогрессом и обострением социальных антагонизмов, кризисом нравственных ценностей. Эта критика в последнее время дополняется известным экологическим аспектом.

В XX веке противоречия буржуазного философского сознания обретают форму противоположных идейных течений: *пессимисти-*

ческого, основанного на критике *техники* как первопричины нравственного, духовного, экологического кризиса Запада; *оптимистического*, связывающего надежды на преодоление социальных антагонизмов буржуазного общества с успехами научно-технической революции.

И в том и в другом случае история представляется как движение в одном направлении, детерминированном либо негативным, либо позитивным воздействием техники на общественную жизнь. Эти представления являются искусственной схемой, которая разрушается самой исторической диалектикой.

Характерно рождение в буржуазной социальной мысли послевоенного времени так называемой «футурологии», то есть учения о будущем, которое в конечном итоге выливается в прогнозирование социального развития на основе учета множества различных факторов, которые берутся в их сочетании и возможном переплетении, комбинировании в перспективе. Однолинейной схеме здесь противопоставляется плюрализм возможностей, ограниченных лишь субъективной позицией самого футуролога.

Поскольку в такого рода прогнозировании будущего выпадает анализ *объективной исторической необходимости*, то футурология оказывается лишь своеобразным идеологическим явлением современности, формой гадания, нередко дезориентирующей общественное сознание.

Эклектичность становится чертой ряда доктрин философии истории в XX веке. Она

особенно наглядно проявляется в тех учениях, которые так или иначе стремятся охватить весь огромный материал истории цивилизации. Казалось бы, сама эта история совершенно безусловно свидетельствует о воздействии и природных факторов на историю, и инициативы лидеров, и уровня культуры масс. Она подтверждает, что в истории на исход событий воздействует случай, и в то же время дает примеры таких ситуаций, в которых однозначный ход событий не может вызывать какого-либо сомнения. Она бесспорно говорит о зарождении и гибели тех или иных культур, а вместе с тем подтверждает и факт их преемственности. Находясь перед лицом столь сложного и противоречивого явления, исследователь вынужден становиться либо пророком, ориентирующимся на свои интуитивные прозрения, либо мудрецом, предостерегающим против какого-либо однозначного определения хода исторических событий вообще. В конечном итоге философия истории оказывается выпущенной искать свои гносеологические основания в априорном постулировании трансцендентных сущностей, а не адекватном постижении законов развития реальной истории, ее движущих сил. Достигаемый таким образом «монизм» интерпретации истории строится на весьма зыбком спекулятивном основании. Отказ от этого основания логически ведет к плюралистической и эмпирической трактовке истории.

Сами буржуазные философы подчас объявляют глобальные исторические конструкции

«метафорами», не имеющими научного смысла. Вместе с этими конструкциями они пытаются выбросить и саму идею единства развития в истории, полагая, что в действительности существует не одна, а множество историй, исторических пространств и временных последовательностей¹.

Разрубить гордиев узел всех этих противоречий может лишь та теория, которая в принципе не приемлет догматических схем. И путь к такой единственно научной интерпретации общественного движения проложен материалистическим пониманием истории.

В. И. Ленин подчеркивал, что материалистическое понимание истории не претендует на формулирование готового ответа на все вопросы, а напротив, является предпосылкой всесторонних научных исследований движения общества, открывает единственно правильный методологический путь этих исследований. Вопрос о главных тенденциях исторического развития, их истоках, закономерности или случайности тех или иных общественных явлений теперь ставится совсем в иной плоскости: высшей «судебной инстанцией» истории выступают не субъективные представления людей, а реально складывающиеся материальные отношения. Образцом в этом отношении является «Капитал» Маркса, который показал всю капиталистическую общественную формацию как

¹ См., например: *R. A. Nisbet. Social change and history. Aspects of western theory of development.* New York. Oxford university press, 1969.

живую — с ее бытовыми сторонами, с фактическим проявлением присущего производственным отношениям антагонизма классов, с буржуазной политической надстройкой, охраняющей господство класса капиталистов, с буржуазными идеями свободы, равенства и т. п.

В письме Йозефу Блоху Энгельс писал: «...согласно материалистическому пониманию истории в историческом процессе определяющим моментом *в конечном счете* является производство и воспроизводство действительной жизни. Ни я, ни Маркс большего никогда не утверждали. Если же кто-нибудь искажает это положение в том смысле, что экономический момент является будто *единственно* определяющим моментом, то он превращает это утверждение в ничего не говорящую, абстрактную, бессмысленную фразу. Экономическое положение — это базис, но на ход исторической борьбы также оказывают влияние и во многих случаях определяют преимущественно *форму* ее различные моменты надстройки: политические формы классовой борьбы и ее результаты — государственный строй, установленный победившим классом после выигранного сражения, и т. п., правовые формы и даже отражение всех этих действительных битв в мозгу участников, политические, юридические, философские теории, религиозные воззрения и их дальнейшее развитие в систему догм. Существует взаимодействие всех этих моментов...»¹

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Собр. соч., т. 37, стр. 394—395.

Понимание внутреннего механизма жизни формации позволяет видеть основные направления движения истории. История предстает теперь перед исследователем не как сумма событий, находящихся в случайной связи друг с другом, а как процесс, в котором люди вынуждены производить свою жизнь определенным образом. И вместе с тем, производя эту жизнь, люди меняют старые формы материальных отношений, поскольку они приходят в противоречие с реальными потребностями развития общественного производства, различных сторон общественной жизни.

Поскольку в различных регионах, в разных странах возникают идентичные условия производства человеком своей собственной жизни, историческая необходимость прокладывает свой путь, несмотря на все особенности стран и народов, традиций и обрядов, взглядов и представлений, нередко вопреки традициям и сложившимся представлениям.

И коль скоро эта общность социальной необходимости обнаруживается, то исторический процесс предстает не как случайный по своему характеру, а как закономерный. Повторение аналогичных процессов в различных странах и регионах происходит не только во внешней форме событий, но в основах жизнедеятельности масс, в формировании классов и социальных групп, в складывающихся между ними отношениях, в содержании идейных течений, в главных тенденциях внутренней и внешней государственной политики.

Материальные отношения образуют скелет жизни общества. Их развитие как бы диктует образование облекающей их плоти, подчас скрывающей этот скелет, маскирующий его надстроечными явлениями и идейными представлениями, политическими движениями. На поверхности история предстает не в своей обнаженной необходимости и закономерности, а в действительных событиях, в конкретных актах, в политических столкновениях и войнах, в реформах и революциях, в соглашениях и внутренних конфликтах, в деятельности конкретных живых лиц.

Если из истории силой абстракции «выделяются» необходимость и закономерность и противопоставляются эмпирической истории во всей ее сложности, переплетении фактов, их многообразию, как чему-то «несущественному», то действительная история подменяется абстрактной схемой. Если необходимость и закономерность истории отвергаются как абстрактная схема, которой противопоставляются живые факты, то исследователь оказывается перед их кажущимся бессмысленным нагромождением, без всякого критерия их оценки, отбора и понимания. В последнем случае место объективных критериев оценки фактов занимают критерии субъективные, что приводит к произвольной интерпретации истории. В истории необходимость и закономерность не существуют до реальных фактов; вместе с тем реальные факты, вырванные из их необходимых и закономерных связей, перестают быть действительными фактами истории.

Противоречия в познании истории отображают сложность и противоречивость самих исторических процессов. Так, например, в XVIII веке во Франции происходит процесс упадка феодальной аристократии, которая в конечном итоге теряет свои позиции в ходе революции. В Англии в это же самое время, казалось бы, происходит обратный процесс — аристократия упрочивает свои позиции в результате компромисса с буржуазией. Однако и в первом и во втором случае происходил процесс становления капитализма, который получал на поверхности различное политическое выражение.

Аналогичным образом в XIX веке в идеологической жизни буржуазной Европы можно наблюдать различные тенденции: сторонникам свободной торговли противостоят протекционисты, либералам — консерваторы. Однако это противоборство позиций и партий отображает объективное различие положения отдельных стран, социальных групп в исторических обстоятельствах буржуазного способа производства.

Конкретный исторический анализ позволяет понять материальные интересы классов, подчас прикрытые иллюзиями, которые спадают в критических ситуациях, когда класс, а вместе с тем и выражающие его интересы партии оказываются вынужденными вести себя именно в соответствии со своими действительными интересами, а не идеологическими иллюзиями.

Освобождение от иллюзий, проникновение в действительность истории Маркс и Энгельс

связывают с выявлением объективного экономического положения классов и их интересов. В этом случае можно выявить и политические тенденции классов, направления их борьбы. Исходный пункт их анализа — объективное, материальное положение классов в действительной борьбе, а не принципы, которые шумно провозглашались, но которые утрачивали свой священный ореол, поскольку приходили в соприкосновение с реальными условиями борьбы классов.

Предвидение исторических действий оказывается возможным в том случае, если исследователь учитывает реальные интересы классов, видит эти интересы за абстрактными лозунгами партий, если он идет к истории не от абстрактных лозунгов, а объясняет сами эти лозунги из объективных тенденций исторического развития.

История конца XIX — начала XX века, несмотря на разнообразие судеб отдельных стран Западной Европы, складывается как закономерный процесс перерастания капитализма в империалистическую стадию развития.

Современная история является закономерным процессом разрешения тех социальных противоречий, которые возникают на империалистической стадии развития капитализма. Рождение социализма обозначает рождение и новой исторической эпохи — эпохи перехода от капитализма к социализму.

В. И. Ленин дал научный анализ и преемственности истории, ее качественных переходов. Он показал, каким образом, в силу

каких причин свободная конкуренция сменяется монополией, как в первой заключаются реальные предпосылки ее собственного отрицания. Конкретно-исторический анализ позволяет также понять, как монополистический капитализм создает реальные условия своего отрицания, действительного обобществления средств производства, становящегося исторической необходимостью на определенной стадии развития производительных сил и общественных отношений.

Основные тенденции развития истории в XX веке были предвосхищены марксистско-ленинской теорией. Материалистическое понимание истории исходило из революционизирующего воздействия промышленного переворота на всю общественную жизнь. Промышленный переворот явился коренной предпосылкой победы капитализма над феодализмом. Он вместе с тем содержал в себе и зародыш гибели капиталистического способа производства.

Индустриальное развитие капиталистических стран формирует могильщика буржуазного общества. И это было отлично усвоено буржуазией уже после Парижской коммуны, а тем более после Великого Октября. Буржуазия осуществляла социальную политику, нацеленную на «интеграцию» рабочего класса в систему капиталистического общества, используя для этого различные экономические, социально-политические и идеологические средства.

Однако углубление общего кризиса капитализма, образование мировой социалисти-

ческой системы, крушение колониальных империй, обострение кризиса политики неоколониализма — все это сужает пространство для маневра буржуазной политики в современных условиях.

С другой стороны, развитие научно-технической революции создает *предпосылки* колоссального роста производительности труда, ускорения развития производительных сил общества, делая все более лишенными реального общественного смысла отношения, построенные на системе эксплуатации, социального угнетения.

Социальная аргументация, построенная на предположении, что расцвет цивилизации, ее высшие формы могут существовать лишь на основе массового социального угнетения, что так было и так *должно быть всегда*, ныне все более теряет свои основания.

Научно-техническая революция на глазах одного поколения ломает традиционные формы труда, казавшиеся неизменными и неустраимыми. Революция в самом характере труда является наиболее фундаментальным событием нашего времени, более глубоким по своим социальным последствиям, чем промышленный переворот. И это в полной мере соответствует тем выводам, которые были сделаны марксистской теорией еще в XIX веке, определяет реальные перспективы исторического развития, победы коммунистических общественных отношений.

В XIX веке буржуазные теоретики объявляли выводы материалистического понимания истории «утопическими», они не верили

в роль рабочего класса как позитивной силы в строительстве нового общества.

Сила капитализма представлялась незыблемой, и на этой основе буржуазная идеология пыталась мысленно прочертить общую историческую перспективу, которая ожидает человечество. Вольно или невольно буржуазные теоретики обращали свой взор к Северной Америке, где в наиболее чистом виде получали свое выражение капиталистические отношения, где отсутствовали те феодальные общественные структуры, которые сдерживали общественное развитие Европы. Они оказались правы в одном. Северная Америка опередила Европу в экономическом развитии. Но они допускали коренную ошибку, когда принимали за истину те иллюзии, которые сформировались в условиях раннего капитализма в Северной Америке. Им казалось, что США становятся обществом социальной справедливости и свободы, что их целью является осуществление американской мечты, свободы личности, ее прав, основанных на личной инициативе, труде и благородстве. Эти представления базировались на том, что в США долгое время значительным влиянием пользовались идеи Д. Локка, выделявшего среди естественных прав человека право на собственность, приобретаемую в процессе трудовой деятельности. История США в XIX веке как бы практически подкрепляла идеи Локка, хотя в то же самое время происходит естественный для капитализма процесс отчуждения собственности от производителя.

В XX веке свобода индивида, основанная на собственности, становится все более очевидной иллюзией, поскольку главные средства производства оказываются в руках монополий. Эта иллюзия теперь может подкрепляться лишь собственным автомобилем или домом, купленным в рассрочку. Но это не та собственность, которая реально обеспечивает личную свободу индивида, ибо она не обеспечивает условий стабильности и независимости материального существования. Само существование этой собственности зависит от положения индивида в системе, где действительным хозяином является монополистический капитал.

Ныне сами буржуазные теоретики вынуждены говорить о крушении «американской мечты». Силы реакции пришли к полной ревизии тех принципов, которые были провозглашены в период борьбы за независимость. Американская реакция взяла на вооружение именно те постулаты, которыми руководствовалась европейская реакция в борьбе против освободительного движения на американском континенте. Эта духовная эволюция может казаться «парадоксальной» лишь в том случае, если не принимается во внимание закономерное развитие буржуазного общества, объективные законы империализма, вскрытые В. И. Лениным.

Перерастание капитализма в империалистическую стадию развития обусловило созревание не только общих исторических предпосылок перехода к социализму, но и привело к рождению исторической ситуации,

при которой лишь рабочий класс, в союзе со всеми трудящимися массами, оказывается политической силой, способной обеспечить выход из противоречий, порождаемых старым строем.

Возникновение глубоких экономических кризисов, социальных и духовных тупиков, агрессивных войн буржуазные теоретики пытаются изобразить некими «временными отклонениями» в эволюции капитализма, находя для их объяснения в каждом случае те или иные частные причины. Но они стремятся игнорировать происшедшее изменение роли буржуазного способа производства, обусловившее утрату им исторически прогрессивного характера. Они пытаются трактовать буржуазный общественный строй вне реальных требований новой эпохи, выдвигают аргументы, теоретически оправдывающие существование общественных отношений, которые исторически изжили себя.

В силу этого в их сознании представляются «странными» и «неожиданными» крутые повороты в судьбах стран, меняющих курс своего развития, выпадающих из системы буржуазного мира, выбирающих путь социализма, свободы и национальной независимости.

Единственно верным прогнозом исторического развития человечества в XX веке оказался марксистско-ленинский анализ, основанный на принципах диалектики, материалистического понимания истории.

В. И. Ленин отмечал, что в условиях империализма буржуазия своими собственными

руками уничтожает то экономическое отношение, которое было объективной предпосылкой либерального лозунга свободы. «Основной особенностью новейшего капитализма,— писал В. И. Ленин,— является господство монополистических союзов крупнейших предпринимателей. Такие монополии всего прочнее, когда захватываются в одни руки *все* источники сырых материалов, и мы видели, с каким рвением международные союзы капиталистов направляют свои усилия на то, чтобы вырвать у противника всякую возможность конкуренции, чтобы скупить, например, железорудные земли или нефтяные источники и т. п.»¹.

Возникновение империализма предопределило историческую судьбу всех развитых капиталистических стран, независимо от их исторических особенностей, их индивидуального места в системе империалистических отношений. Повсеместно в империалистических странах наблюдается огромное усиление влияния монополистического капитала, тенденции к реакции в политической и духовной жизни.

Если в XIX веке буржуазная идеология еще стоит на позициях «прогрессизма», веры в то, что развитие капитализма может обеспечить социальный прогресс всего общества, то в XX веке все более влиятельной становится идея отрицания социального прогресса под флагом критики «утопического мирозерцания». Так, например, известный фран-

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 27, стр. 380.

цузский социолог Раймон Арон, исходя из невозможности достижения абсолютного равенства индивидов, отвергает идею социального равенства, из исторических различий в уровнях развития отдельных народов, неравномерности общественного развития выводит невозможность исчезновения расовых и иных предрассудков, из исторических противоречий и множественности индивидуальных стремлений — невозможность для человека стать хозяином социальной среды. Люди, утверждает Р. Арон, никогда не знали, какую историю они делают; тем более они не знают этого сегодня¹.

Это утверждение является верным лишь по отношению к тем общественным движениям, которые руководствовались социальными иллюзиями, выдвигали абстрактные лозунги, не соответствовавшие уровню развития общественного производства и социальных отношений. В силу этого объективный исторический результат их деятельности не соответствовал их субъективным устремлениям. Однако это вовсе не означает, что люди в принципе не могут знать, какую историю они делают. Общественная практика, если она учитывает уровень развития общественного производства, объективные законы исторического развития, может преследовать ясные и четкие цели, отвечающие объективным интересам общественных классов. Не иллюзии, а реальные интересы приводят в движение классы.

¹ См. *R. Aron. Les désillusions du progress. Essai sur la dialectique de la modernité. Paris, 1969.*

Эти интересы исторически определены. Абстрактные требования «третьего сословия» времен французской революции имели под собой реальные интересы буржуазии в разрушении феодальных устоев, в завоевании политической власти, уничтожении феодальных привилегий. Коль скоро реальные исторические интересы общественного развития классов подменяются некими абстрактными проблемами человека вообще в истории вообще, то возникают иллюзорные представления о перспективах исторического развития и общественной борьбы.

Буржуазные теоретики пытались представить дело таким, будто «правильное» общественное развитие, а стало быть, и общественный прогресс неотделимы от частной собственности, ее укрепления. То обстоятельство, что это так называемое «правильное» развитие в конечном итоге рождает колоссальную социальную поляризацию, духовную деградацию трудящихся, превращение человека в средство возрастания капитала, колониальный гнет, империалистические войны, — все это не смущало буржуазных теоретиков. Наиболее рьяные из них доказывали и доказывают «правомерность» физического истребления миллионов, целых народов во имя буржуазного «прогресса» и «свободы». Чем более абстрактную форму обретает буржуазная идеология, тем более явственно обнаруживается ее действительная, классовая, историческая ограниченность. Ныне наглядно свою реакционность обнаруживает прославление технократизма, индустриального и постинду-

стриального общества, которое оказывается превращенной формой апологии империализма.

Особую опасность представляют те концепции, которые выдвигают идеи о «вечной агрессивности» человека, пытаются механически перенести биологические закономерности на общественную жизнь. Не менее реакционную социальную роль играют теории, согласно которым прогресс технологии и знаний сопровождается регрессом человечества в своих глубоких основаниях, что якобы выражается в распаде культуры, социальной и нравственной деградации.

Мелкобуржуазные теоретики видят в научно-техническом развитии универсальный фактор, усугубляющий отчуждение человека. Борьба с отчуждением вообще полагается как абстрактный бунт без четких социальных целей. Бунт обретает беспорядочный, хаотичный характер, становясь целью в себе. Эта ситуация бесперспективности бунта прикрывается лозунгами «свободы», «силы индивидуума», «новых отношений» между людьми, а в конечном итоге оборачивается требованием революции... в сфере сознания. А это, в свою очередь, и косвенное признание исторической эфемерности провозглашаемого с такой помпой бунта.

Позиции мелкобуржуазных идеологов, натягивающих на себя псевдореволюционную тогу, служат лишь фактическим аргументом для буржуазного теоретика, который утверждает, что развитию капитализма нет позитивной альтернативы в истории.

В настоящее время такая альтернатива существует реально — это социализм.

Великая Октябрьская социалистическая революция в мировой истории занимает особое место как с точки зрения изменения форм общественного развития, так и качественного изменения роли народных масс.

Народные массы начинают выполнять позитивную работу по организации нового общества. Коренным образом меняется и характер общественного прогресса.

Весь исторический опыт XX века наглядно свидетельствует, что социализм в своем практическом выражении впервые открывает перед человечеством перспективу планомерного общественного развития, сознательного исторического творчества народа. А вместе с тем возрастает и роль его политического авангарда, освещающего с научных позиций пути общественной практики миллионов, организующего их на достижение общих целей. Эту роль социального авангарда выполняют коммунистические партии, обладающие огромным опытом исторического творчества, политической борьбы, располагающие могучим теоретическим арсеналом. Происходит качественное изменение формы исторического развития, которая соответствует теперь тем условиям, когда организованное человечество начинает сознательно создавать исторические условия своей жизнедеятельности.

Если раньше общественный прогресс неизбежно приобретал одностороннюю, противоречивую форму, поскольку он служил глав-

ным образом целям эксплуататорских классов, их интересам, то теперь он обретает форму всестороннего экономического, социального, духовного прогресса, служащего интересам широких масс трудящихся.

В XIX веке социалисты-утописты и революционно-демократическая мысль интуитивно предугадывали великое значение идей социализма. Революционеры-демократы говорили о большом будущем России, основывая свои прогнозы на «специфике» общинного землевладения, как якобы особой черте русского крестьянства.

Однако, как показал исторический опыт, не крестьянская община вывела Россию на путь небывало быстрого экономического и социального прогресса. Это сделали российский пролетариат под руководством большевиков, социалистическая революция, которая сломала и феодальные, и буржуазные отношения, расчистив тем самым широкую дорогу социально-экономическому прогрессу, историческому творчеству народа на путях социалистических преобразований, охвативших все сферы общественной жизни снизу доверху. И это не был специфически русский путь общественного развития. То, что делал российский пролетариат, возглавляемый партией большевиков, лишь выражало общие назревшие потребности исторического развития, а вместе с тем формировало основное содержание современной эпохи — эпохи перехода от капитализма к социализму.

Социализм, как система общественных отношений, ставит индивида в качественно

новую связь с обществом. Это обусловлено прежде всего изменением его классовой структуры. Политическое господство рабочего класса в конечном итоге обуславливает формирование таких объективных тенденций общественного развития, которые ведут к социальной однородности, к созданию реальных общественных условий гармоничного развития личности.

Тем самым свобода личности теперь органически связана со свободой всего общества, уровнем его экономического, научно-технического развития. Эта объективная ситуация неизбежно ведет к глубокой ломке прежних нравственных идеологических представлений.

Прежнее объединение, как отмечали Маркс и Энгельс, было необходимым соглашением насчет тех условий, в рамках которых индивиды получали затем возможность использовать случайность в своих интересах. Это право — беспрепятственно пользоваться, в рамках известных условий, случайностью, отмечается в «Немецкой идеологии», называли до сих пор личной свободой. В таких условиях понимание инициативы в истории невольно ассоциируется с частной инициативой.

Разумеется, вопрос о конкретных путях перехода от одной общественной формации к другой чрезвычайно сложен. Здесь речь идет не о вариациях одного и того же, а о качественном изменении сущности общественных отношений. Переход к новой системе общественных отношений совершается в практике людей, действующих под влиянием

объективных интересов и в соответствии со своими исторически сложившимися представлениями о путях их достижения. Новое общество не падает с неба. Новое в общественной жизни формируется на базе реальных возможностей его возникновения путем творческой деятельности самого человека, которая является необходимым звеном в цепи причинно-следственных отношений в истории. Поскольку социальная теория ставит задачу коренной реконструкции общества, она выступает как субъективная предпосылка исторической инициативы в отличие от инициативы в истории, меняющей лишь ход отдельных событий, но не их общую направленность, курс мировой истории в целом.

Если цель человека не выходит за пределы данной исторической ситуации, то будет происходить лишь воспроизведение старого. Здесь проходит граница, отделяющая изменение в рамках константной исторической ситуации от изменения самой ситуации. Относительно константными могут оказаться и условия деятельности человека, доставшиеся ему от предшествующей истории, что обуславливает объективную закономерность этапов становления нового общества.

Коммунизм, как движение, отличается, по мысли Маркса и Энгельса, тем, что лишает стихийно возникшие предпосылки общественного развития их стихийного характера, подчиняя их власти объединившихся индивидов. Коль скоро человек становится действительным субъектом истории, то есть конституируется в организованную силу, способ-

ную полагать реальные цели своего творчества, формировать средства для их осуществления, то тем самым его деятельность становится фактором целесообразного формирования общественной жизни и самих событий в истории. Свободная творческая деятельность человека здесь действительно выступает как каузальная сила истории. Но свобода продолжает существовать на почве реальных условий исторически определенной формации. Поэтому она является специфическим проявлением исторического детерминизма.

Как показал исторический опыт XX века, именно социализм обеспечивает планомерное, сознательное управление развитием общественной жизни. По мере развития социалистического общества шаг за шагом расширяется сфера сознательного воздействия объединившихся индивидов на различные стороны жизни — экономическую, социально-политическую и духовную. Этот процесс требует вместе с тем постоянного развития способности самих индивидов осуществлять такое воздействие, их организованности, а вместе с тем и непрерывного совершенствования всех средств социального управления. Иными словами, сам субъект исторической инициативы не является чем-то раз и навсегда данным и неизменным; он претерпевает изменения, что обуславливает и характер его воздействия на объективные исторические процессы.

Культура масс в широком смысле этого слова начинает оказывать все большее воздействие на все стороны общественной жизни. Это не только культура знания, образо-

ванности, но и культура общественных отношений, понимание взаимозависимости и организационной связи личных и общественных интересов в условиях социализма.

Подводя основные итоги пути, пройденного советским народом после Великой Октябрьской социалистической революции, товарищ Л. И. Брежнев на XXV съезде КПСС сказал:

«Мы создали новое общество, общество, подобного которому человечество еще не знало. Это — общество бескризисной, постоянно растущей экономики, зрелых социалистических отношений, подлинной свободы. Это — общество, где господствует научное материалистическое мировоззрение. Это — общество твердой уверенности в будущем, светлых коммунистических перспектив. Перед ним открыты безграничные просторы дальнейшего всестороннего прогресса.

Другой главный итог пройденного пути — наш советский образ жизни. Атмосфера подлинного коллективизма и товарищества, сплоченность, дружба всех наций и народов страны, которые крепнут день ото дня, нравственное здоровье, которое делает нас сильными, стойкими, — таковы яркие грани нашего образа жизни, таковы великие завоевания социализма, вошедшие в плоть и кровь нашей действительности.

И, наконец, важнейший итог прошедшего шестидесятилетия — это советский человек. Человек, который сумел, завоевав свободу, отстоять ее в самых тяжких боях. Человек, который строил будущее, не жалея сил и

идя на любые жертвы. Человек, который, пройдя все испытания, сам неузнаваемо изменился, соединил в себе идейную убежденность и огромную жизненную энергию, культуру, знания и умение их применять. Это — человек, который, будучи горячим патриотом, был и всегда будет последовательным интернационалистом.

Страна Советов в глазах народов всей земли по праву выступает как оплот мира и знаменосец мира. Мы делаем и будем делать все возможное, чтобы отстоять и упрочить мир, избавить человечество от новых истребительных войн!»¹

По мере упрочения и усиления социализма как общественного строя расширяется и сфера его воздействия на всю систему международных отношений. Реальный социализм в конечном итоге выступает как субъект всемирной истории, определяющий ее перспективы.

Социализм как общественный строй устраняет последнюю причину эксплуатации. Капитализм, воспроизводя свою собственную ограниченность, создает препятствия для социального прогресса в современных условиях. Эта закономерность, видоизменяя свою историческую форму, продолжает сохраняться до тех пор, пока остаются движущие мотивы капиталистического производ-

¹ Л. И. Брежнев. Отчет Центрального Комитета КПСС и очередные задачи партии в области внутренней и внешней политики. Доклад XXV съезду КПСС 24 февраля 1976 года. М., Политиздат, 1976, стр. 107—108.

ства. В XX веке капитализм расчищает почву для своей дальнейшей эволюции с помощью гигантского по масштабам разрушения производительных сил и произведенного продукта. С другой стороны, он модернизирует формы эксплуатации, используя достижения научно-технической революции, отношения неокOLONиальной зависимости. Однако эти резервы имеют свои пределы, в силу чего в конечном итоге обнаруживается все нарастающий разрыв между идеологическим оптимизмом и суровой действительностью углубляющегося общего кризиса капитализма как системы.

Непосредственно после Великой Октябрьской революции буржуазные и мелкобуржуазные теоретики доказывали «незаконнорожденность» социализма отсутствием достаточных его экономических и культурных предпосылок в России. Теперь они пытаются доказать отсутствие предпосылок для социализма в развитых капиталистических странах тем, что последние достигли высокого научно-технического уровня развития. Характерны рассуждения буржуазных социологов, таких, как Ральф Дарендорф, которые, отвергая марксов анализ перспектив буржуазного общества, заявляют, что история всегда остается открытой и неизвестной. В действительности, однако, весь пафос такого рода рассуждений имеет целью доказать, что для современного буржуазного общества приемлема, в сущности, любая перспектива, кроме социалистической. И здесь, несмотря на широковещательные заявления

о плюрализме путей истории Дарендорфом, прорисовываются два возможных социальных варианта — это неофашизм и неолиберализм, которые являются не чем иным, как практическими проектами уже «апробированных» путей и форм буржуазной диктатуры в условиях империализма.

Буржуазная теоретическая мысль ныне все более настойчиво подчеркивает, что буд-то сама этика научного исследования диктует признание принципа неизвестности. Но если неизвестность вообще принимается в качестве принципа, то тогда теряют свой смысл и научные исследования, их место просто должны занять догмы, прокламируемые господствующим классом в качестве вечных истин.

Диалектика истории как раз и разрушает эти «вечные истины» буржуазной идеологии. Особенно основательно в этом отношении она работает в последнее время, хороня один за другим проекты «великого общества», «общества массового потребления», «государства благоденствия», «социальной диффузии», «конца идеологии» и другие конструкции, созданные апологетической буржуазной мыслью в послевоенный период.

Опыт XX века наглядно доказывает огромную важность извлечения уроков из всего хода современного исторического развития. Роль истории как наставницы жизни отнюдь не уменьшается, а, напротив, вырастает в огромной степени и изменяется по своему содержанию. Было время, когда историки находили в событиях прошлого *приме-*

ры для подражания в настоящем. История в этом смысле учила мужеству, патриотизму, государственному мышлению. В современных условиях, когда история встала на научные рельсы, она учит правильному пониманию законов исторического развития, учит *диалектике*.

Современная историческая эпоха характеризуется в огромной степени возросшими темпами развития. Победа социалистической революции в России в 1917 году дала толчок необратимым социальным переменам во всем мире. За какие-нибудь полвека социализм раздвинул географические рамки своего развития, став неодолимой общественной силой современности, коренным образом изменив баланс мировых политических сил. Это позволило угнетенным народам разрушить колониальную систему империализма, встать на путь независимого развития, глубоких социальных преобразований.

Полностью подтвердились теоретические выводы В. И. Ленина об историческом месте империализма как загнивающего и умирающего капитализма. Несмотря на мобилизацию огромных военных, экономических и технических ресурсов для борьбы против сил общественного прогресса, реакции так и не удалось повернуть вспять ход исторических событий. Важными историческими вехами поражений современной реакции стали разгром фашизма в годы второй мировой войны, крушение политики «холодной войны» в послевоенный период.

Поворот от «холодной войны» к разрядке международной напряженности, утверждение ленинских принципов политики мирного сосуществования государств с различным общественным строем сопоставимы по своему историческому значению со всемирно-историческими событиями современной эпохи, такими, как образование мировой социалистической системы и крушение колониализма. Этот поворот знаменует собой историческое начало выхода из того тупика, в который заводила человечество империалистическая политика подготовки третьей мировой войны.

Перспективы исторического прогресса, как и истории вообще, ныне обеспечиваются борьбой за материализацию разрядки международной напряженности, за осуществление политики мирного сосуществования государств с различным общественным строем. Борьба за придание разрядке необратимого характера, за наполнение ее реальным содержанием диктуется всем ходом современного исторического развития, научным осмыслением его главных тенденций.

Разумеется, сама по себе разрядка не означает исчезновения социальных противоречий современного мира, идеологической противоположности социализма и капитализма. Но она широко открывает дорогу для исторического прогресса, для действия имманентных законов исторического развития.

Материализация разрядки вместе с тем не означает возврата к прежней исторической ситуации. Она ведет к глубокой перестрой-

ке системы международных отношений, ее демократизации, к развитию международно-го разделения труда. В постановлении Политбюро ЦК КПСС, Президиума Верховного Совета СССР и Совета Министров СССР «Об итогах совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе» говорится: «Итоги совещания создают предпосылки для существенного расширения и активизации сотрудничества между европейскими государствами в области экономики, науки, техники, охраны окружающей среды и в других сферах экономической деятельности, а также и в гуманитарных вопросах, таких, как обмены в области культуры, образования, информации, контакты между людьми. Развитие сотрудничества в общеевропейском масштабе при соблюдении законов и традиций каждой страны будет способствовать укреплению фундамента мира и безопасности на европейском континенте, упрочению взаимопонимания между государствами, между народами Европы. С другой стороны, развитие такого сотрудничества позволит всем народам континента более успешно и рационально использовать материальные и духовные ценности, находящиеся в их распоряжении».

Материализация разрядки осуществляется в условиях дальнейшего углубления общего кризиса капитализма. Под воздействием научно-технической революции ныне происходят глубокие качественные сдвиги в материальном базисе общественного развития, оказывающие воздействие на социальные и духовные процессы.

Ныне, когда солидарность сил социализма и национально-освободительного движения противостоит стремлениям к новому территориальному разделу мира между империалистическими державами, монополистический капитал вынужден приспосабливаться к современной обстановке. Наблюдаются такие явления, как организованное на уровне международных монополий перемещение производственного капитала в страны «третьего мира», обеспечивающее сохранение командных экономических, научно-технических и управленческих позиций в руках крупного монополистического капитала и вместе с тем более широкую, чем раньше, эксплуатацию дешевой рабочей силы в союзе с реакционными буржуазно-бюрократическими элементами, пытающимися оттеснить от власти демократические и патриотические силы развивающихся стран.

Предпринимаются попытки использовать этот процесс перестройки монополистического капитала для организации широкого контрнаступления реакции на завоевания и права рабочего класса в самих странах монополистического капитализма. Это контрнаступление организуется под идеологическим флагом перехода от индустриального к постиндустриальному обществу, которое якобы должно характеризоваться резким сокращением численности рабочего класса, сужением социальной базы классовой борьбы.

Социальной основой этого мыслимого «нового мирового порядка» оказывается ут-

верждение господствующего положения крупных наднациональных монополий, опирающихся на могучую финансовую базу, новейшие достижения в науке и технике, технологии, на централизованную систему управления, далеко выходящую за рамки отдельных стран. Этот «новый мировой порядок», являющийся превращенной формой старой системы империалистической эксплуатации, должен, по мысли его инициаторов, охраняться соответствующей военизированной системой, опирающейся на профессиональную армию и новейшее вооружение.

Однако все эти расчеты реакционных сил не учитывают самого главного — ликвидации монопольного положения империализма в деле научно-технического прогресса, огромного динамизма мира социализма, силы его передовой политики.

Равноправное, взаимовыгодное научно-техническое сотрудничество — вот тот принцип, который соответствует требованиям времени, интересам всех народов. Главные тенденции современного исторического развития, определяемые международной политикой социалистических стран, неуклонно ведут к сужению пространства для политики империалистического давления и диктата не только военными, но и «мирными» средствами.

Сужение исторического пространства для осуществления империалистической политики не может не оказывать оздоровляющего воздействия на духовную атмосферу современного мира. Обмен информацией, расши-

рение контактов способствуют правильному пониманию все более широкими массами трудящихся в капиталистических странах реального исторического смысла происходящих событий и процессов. Тем самым ослабляется почва для домыслов и разного рода антикоммунистических фальсификаций процессов социалистического и коммунистического строительства. Становится все более скудной и та среда, та питательная почва, в которую своими корнями уходят идеалистические, иррационалистические доктрины философии истории.

Преодоление идеализма в толковании истории неразрывно связано с формированием предпосылок преодоления классового антагонизма, возникающего на основе определенного уровня развития материального производства. С другой стороны, необходимы предпосылки самой истории, чтобы вскрыть ее общие объективные законы. Потребовались огромный исторический опыт и развитие общественной теории, чтобы обнаружить за внешним разнообразием образов жизни, традиций, мировоззренческих установок действие объективных законов общественного развития. Открытие этих законов, являющееся заслугой материалистического понимания истории, оказалось фактором, воздействующим и на выбор путей, форм и методов общественно-исторической, революционной практики, ее перспектив.

Ход современного исторического развития, как и весь исторический опыт человечества, оставляет все меньше пространства для коп-

струирования абстрактных доктрин философии истории, которые, исходя из анализа подъема и упадка прошлых цивилизаций, «неустрашимости» отношения каждого индивида к вечности, пытаются вывести некий «конец истории», который якобы должен подтвердить истину пророчеств Нового завета. Утверждения таких философов, как Рейнгольд Нибур, пытавшихся доказать, будто вера, что человек может решить свою проблему в самом историческом процессе, основана лишь на гордыне, обнаруживают свою полную несостоятельность, поскольку реальный исторический человек действительно решает исторические проблемы.

Обнаруживают свою абстрактность и представления о единстве истории, основанные на постулате о потенциальном тождестве самого человека во все времена. Карл Ясперс, например, полагает, что единство истории не постигается знанием, поскольку не может быть выведено ни из биологического происхождения человека, ни из внешнего пространственно-временного фактора, ни из конструирования общей для всего человечества цели. Эти позиции предопределяют взгляд, согласно которому человечество само по себе, в своей основе, несмотря на достижения науки и техники, не движется по пути прогресса. Единство, вытекающее из тотальности истории, как считает Ясперс, всегда открыто для человечества и в этом смысле недостижимо в своем реальном выражении. Однако сам исторический опыт наглядно доказывает, что действительное един-

ство истории человечества — это не абстракт, лишенный содержания, а реальный процесс, обретающий свою конкретную форму и социальный смысл на каждом этапе исторического развития.

Человек не может по своему произволу выбрать историческую эпоху. Для конкретного индивида параметры исторической эпохи заданы объективно и независимо от его воли. Но вместе с развитием общества возрастает и относительное могущество человека. Человек становится способным выступать в качестве каузальной силы изменения и природной, и социальной ситуаций.

В современных условиях человечество достигло такой стадии своего развития, когда его жизнедеятельность оказывает возрастающее воздействие на те основания, которые являются фундаментом истории. Это характер природной среды, обеспечивающей человеческое существование, предпосылки производства, а вместе с тем и характер деятельности самого человека. История подводит человека к тем объективным границам, которые он не может переступить, не ставя под угрозу свое историческое существование. В этой ситуации особенно наглядно обнаруживают свою бессмысленность доктрины крайнего релятивизма и субъективизма.

Вместе с тем обнаруживается и исторически преходящий характер того общественного строя, который возводит в принцип войну за господство, погоню за прибылью, отвергает реальность ценностей трудовой морали и гуманизма. Игнорирование прин-

ципов социальной справедливости ныне вступает во все более острое противоречие с самими основами исторического развития. В своем крайнем выражении оно может привести к термоядерной войне, глубокому экологическому кризису, кризису моральных оснований трудовой деятельности и продолжения человеческого рода.

Реальной альтернативой угрозе существованию истории является практическое осуществление тех принципов жизнедеятельности и политики, которые рождены социализмом, детищем современной истории.

Содержание

I. О методологии истории как науки	
II. Возможна ли объективная интерпретация истории?	26
III. Детерминизм в истории и исторический детерминизм	65
IV. К вопросу о характере исторического изменения	104
V. Общественная практика и определение исторической перспективы	148

Скворцов Л. В.

С42 История и антиистория. К критике методологии буржуазной философии истории. М., Политиздат, 1976.

230 с.

Доктор философских наук, профессор Л. В. Скворцов известен читателю по книгам «Обретает ли метафизика «второе дыхание»?», «Стратегия и тактика антикоммунизма», «Об особенностях кризиса современной буржуазной идеологии» и другим.

Новая его книга посвящена критике методологических основ буржуазной философии истории. В ней рассматриваются проблемы объективности интерпретации истории, детерминизма, характера исторического изменения и путей определения исторической перспективы.

В книге раскрываются антинаучный смысл и крушение доктрин исторического процесса, выдвинутых буржуазной идеологией в современную эпоху, подвергается критике антикоммунизм.

Книга рассчитана на научных работников, преподавателей вузов и пропагандистов.

Лев
Владимирович
Скворцов

ИСТОРИЯ И АНТИИСТОРИЯ

К критике методологии
буржуазной философии
истории

Заведующий редакцией
В. М. Михкалев

Редактор
С. И. Пружинин

Младший редактор
О. П. Осипова

Художник
С. И. Сергеев

Художественный редактор
В. И. Терещенко

Технический редактор
Л. А. Данилочкина

Сдано в набор 9 марта 1976 г.
Подписано в печать 11 июня 1976 г.
Формат 70×90¹/₃₂. Бумага типо-
графская № 1. Условн. печ. л. 8,48.
Учетно-изд. л. 7,95. Тираж 30 тыс. экз.
А00090. Заказ № 520. Цена 56 коп.

Политиздат. 125811, ГСП,
Москва, А-47, Миусская пл., 7.

Ордена Ленина типография
«Красный пролетарий».
Москва, Краснопролетарская, 16.

Представление об истории как едином процессе тесно связано с научным толкованием самого факта истории, причинной связи, изменения в истории, исторической перспективы. Но каков механизм получения этих понятий, возможно ли их простое перенесение в исторические исследования из других областей научного знания, каковы теоретические и социально-политические следствия, вытекающие из их различной интерпретации? На эти вопросы должна иметь ответ теоретическая мысль, отстаивающая позиции научного историзма. Его дает марксистское материалистическое понимание истории.

К критике методологии
буржуазной философии
истории

Л.В.Скворцов **ИСТОРИЯ И АНТИИСТОРИЯ**